

Межъ двухъ огней

(Записки зеленаго)

Н. Вороновича

I

Лѣтомъ 1917 года среди группы офицеровъ и солдатъ Лужскаго гарнизона зародилась мысль объ организаціи кооператива раненыхъ и больныхъ воиновъ.

Большая часть Лужскаго гарнизона состояла изъ слабосильныхъ командъ, въ которыя командировались выздоравливавшіе отъ раненій и болѣзней солдаты и офицеры кавалерійскихъ частей. Многіе изъ нихъ были уже совершенно непригодны для фронтовой службы, а нѣкоторые нуждались въ продолжительномъ климатическомъ лѣченіи. Я самъ недавно вернулся изъ Гагръ, гдѣ провелъ зиму 1915 — 16 г. г. и испыталъ на себѣ благодатный климатъ Черноморскаго побережья, благодаря которому почти совершенно оправился отъ послѣдствій двухъ тяжелыхъ контузій. По мысли инициаторовъ въ кооперативъ могли вступать воинскіе чины, нуждавшіеся въ такомъ климатическомъ лѣченіи. Для этой цѣли мы предполагали исходатайствовать у Временнаго Правительства разрѣшеніе на передачу кооперативу участка земли въ Сочинскомъ округѣ Черноморской губерніи, пригоднаго для занятій садоводствомъ, огородничествомъ и животноводствомъ. Эти отрасли сельскаго хозяйства должны были давать средства, необходимыя для содержанія и лѣченія членовъ кооператива.

Временное Правительство, въ лицѣ товарища министра земледѣлія Ракина, сочувственно отнеслось къ этому проекту и предписало начальнику Кубано-Черноморскаго управленія госуд. имущества предоставить возможность уполномоченнымъ кооператива осмотрѣть и выбрать подходящій для цѣлей кооператива земельный участокъ.

Въ началѣ Августа, воспользовавшись полученнымъ мною отпускомъ по болѣзни, я въ сопровожденіи унтеръ-офицера С. выѣхалъ на Кавказъ и, послѣ долгихъ препирательствъ съ лѣсничими и другими чиновниками министерства земледѣлія (весьма недоброжелательно отнесшимися и къ намъ, и къ министерскому предписанію), облюбовалъ находившійся въ 4 верстахъ отъ города Сочи, на самомъ берегу моря, пустующій участокъ графа Мусина-Пушкина.

Участокъ этотъ, перешедшій владѣльцу еще въ 70-хъ годахъ отъ казны, болѣе 30 лѣтъ не обрабатывался и находится въ совершенно запущенномъ состояніи, весь заросшій непроходимымъ кустарникомъ и столѣтними дубовыми и каштановыми деревьями. Еще по дореволюціоннымъ законамъ все «культурные»

(находившіеся въ прибрежной полосѣ по обѣимъ сторонамъ Черноморскаго шоссе) участки, переданные казной владѣльцамъ, отбирались обратно въ казну, если владѣльцы въ теченіи пяти лѣтъ не приступали къ ихъ обработкѣ и приведенію въ культурное состояніе. На основаніи этого закона участокъ графа Мусинъ-Пушкина также подлежалъ отчужденію въ казну, но благодаря связямъ графа и тому положенію, которое занималъ въ Сочи его управляющій (мечтавшій разбить его на мелкіе участки для продажи по баснословно высокимъ цѣнамъ), оставался все еще за прежнимъ владѣльцемъ.

Вернувшись въ Петроградъ, мы подали въ Министерство земледѣлія соотвѣтствующее заявленіе, приложивъ къ нему всѣ документальныя данныя, касающіеся участка гр. Мусинъ-Пушкина, и вскорѣ получили оффиціальное разрѣшеніе на временное, впредь до окончательнаго разрѣшенія земельного вопроса, пользованіе этимъ участкомъ.

Послѣ ликвидаціи Корниловскаго выступленія я, сложивъ съ себя полномочія предсѣдателя Лужскаго совѣта солдатскихъ, крестьянскихъ и рабочихъ депутатовъ, выѣхалъ на Кавказъ въ качествѣ предсѣдателя правленія трудового сельско-хозяйственнаго кооператива «Новая Луга», для подготовки переезда въ Сочи 27 членовъ кооператива и ихъ семействъ.

Я мечталъ отдохнуть отъ войны и революціонныхъ событій, отойти отъ политической дѣятельности и всецѣло отдаться своему любимому занятію — огородничеству и животноводству. Однако, судьбѣ угодно было бросить меня въ новый водоворотъ событій и разбить всѣ тѣ перспективы отдыха, которыя рисовались мнѣ при отъѣздѣ на Кавказъ...

Былъ конецъ Сентября. На Черноморскомъ побережьѣ время это считается самымъ лучшимъ въ году. Лѣтняя жара спала, наступила чудная, теплая, душистая осень, или вѣрнѣе вторая весна, когда расцвѣтають вновь различные виды южныхъ деревьевъ и цвѣтовъ.

Въ Сочи и его окрестностяхъ все было переполнено съѣхавшейся изъ Петрограда, Москвы и другихъ большихъ городовъ публикой. Жизнь била ключемъ. Только отсутствіе пароходныхъ рейсовъ налюминало веселящимся и отдыхающимъ обывателямъ о войнѣ и революціи.

Я остановился въ громадной гостиницѣ «Кавказская Ривьера», состоящей изъ четырехъ отдѣльныхъ многоэтажныхъ корпусовъ, расположенныхъ на самомъ берегу моря. Просыпаясь по утрамъ, я наслаждался дивной панорамой спокойнаго бирюзоваго моря, тихо плескавагося подъ моимъ окномъ. А выйдя на балконъ, я могъ любоваться не менѣе красивой картиной обступившихъ Сочи горныхъ гигантовъ съ ослѣпительно блестящими на солнцѣ, покрытыми снѣгомъ вершинами. Внизу, въ паркѣ, цвѣли розы и тихо шелестѣли огромными продолговатыми листьями бананы... И, если не люди, то природа заставляла забывать и войну, и революцію, и грозныя симптомы надвигающейся гражданской войны...

По дѣламъ кооператива мнѣ пришлось познакомиться съ мѣстными учрежденіями и въ томъ числѣ съ Сочинскимъ совѣтомъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ.

Сочи съ его 15,000-мъ населеніемъ являлся не столько городомъ, сколько большимъ дачнымъ мѣстечкомъ. Все коренное населеніе города жило и кормилось вокругъ пріѣзжавшихъ на время сезона дачниковъ и «курсовыхъ». Ни фабрикъ, ни заводовъ въ городѣ и ближайшихъ окрестностяхъ не было. Промышленными предпріятіями являлись исключительно гостиницы, рестораны и

духаны, обслуживавшіеся большей частью мѣстныхъ жителей. Другіе аборигены занимались или посредничествомъ по куплѣ и продажѣ домовъ, дачъ и участковъ, или извознымъ промысломъ. И, наконецъ, остальные обыватели состояли изъ отставныхъ военныхъ и чиновниковъ, пріобрѣвшихъ дома и дачные участки и мирно доживавшихъ свои дни въ этомъ чудномъ уголкѣ побережья.

Съ 1914 года, когда было приступлено къ постройкѣ Черноморской желѣзной дороги (отъ Туапсе до ст. Ново-Сенаки Закавказской ж. д.), на побережье хлынули толпы чернорабочихъ. Съ началомъ войны ряды этихъ рабочихъ порѣдѣли и ихъ стали замѣнять военно-плѣнными австрійцами. Къ осени 17 года въ окрестностяхъ Сочи оставалось все-таки до 10.000 рабочихъ, типичныхъ представителей «лumpенъ пролетаріата». Кромѣ этихъ желѣзно-дорожныхъ рабочихъ, въ Сочи находилось около 300 мастеровыхъ, грузчиковъ, извозчиковъ и небольшое число квалифицированныхъ рабочихъ.

Гарнизонъ Сочи состоялъ изъ двухъ ротъ желѣзно-дорожнаго баталіона, береговой легкой батареи и полу-сотни пограничной стражи.

Таковъ былъ контингентъ избирателей, объединявшихся Сочинскимъ совѣтомъ.

Большинство желѣзно-дорожныхъ служащихъ и рабочихъ никакого участія въ совѣтѣ не принимали, ибо, во-первыхъ, мало интересовались политикой, а во вторыхъ, предпочитали имѣть дѣло со своимъ желѣзно-дорожнымъ комитетомъ. Поэтому большая часть членовъ Сочинскаго совѣта состояла изъ солдатъ желѣзно-дор. баталіона и мѣстныхъ коренныхъ рабочихъ и интеллигентовъ.

Никакой активной роли въ мѣстной жизни Сочинскій совѣтъ до Октябрьскаго переворота не игралъ, собирался очень рѣдко и выносилъ запоздалыя резолюціи, стараясь слѣпо подражать во всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ постановленіямъ Петроградскаго совѣта.

Представителемъ временнаго правительства являлся окружной комиссаръ, вольноопредѣляющійся одного изъ Кавказскихъ полковъ и мѣстный дачевладелецъ Науманъ, считавшій себя, по какому-то недоразумѣнію, правовѣрнымъ эс-эромъ.

Что касается до политическихъ партій — то дѣятельность ихъ въ Сочи также почти ничѣмъ не проявлялась. Въ городѣ была небольшая группа ка-детъ, еще меньшая группка эс-эровъ, нѣсколько человекъ большевиковъ и довольно солидная численностью группа социаль-демократовъ меньшевиковъ. Последняя состояла почти изъ однихъ грузинъ, довольно многочисленныхъ въ городѣ и округѣ. Кромѣ перечисленныхъ партійныхъ группировокъ, въ Сочи имѣлся окружной комитетъ Дашнакцакановъ, пользовавшійся большимъ авторитетомъ среди мѣстныхъ поселенъ армянъ и причинившій имъ много зла своей двуличной политикой, постоянной перемѣной оріентаціи и отсутствіемъ опредѣленной позиціи.

Всѣ эти политическія группы жили между собой довольно дружно, никогда не выступали съ демагогическимъ натравливаніемъ массъ другъ на друга и не претендовали на исключительныя права и преимущества. Даже большевики до Ноября мѣсяца не слѣдовали въ этомъ отношеніи примѣру своихъ столичныхъ товарищей.

Впрочемъ, настоящихъ большевиковъ въ Сочи и не было. Единственный правовѣрный большевикъ, ясно понимавшій тактику и программу партіи, былъ нѣкій Поярковъ, съ которымъ мнѣ пришлось встрѣтиться вскорѣ по пріѣздѣ въ Сочи.

Какъ-то разъ, придя на засѣданіе Сочинскаго совѣта, я обратилъ вниманіе на коренастаго, бородатаго, среднихъ лѣтъ человѣка, одѣтаго въ парусиновый пиджакъ и высокіе сапоги, авторитетно объяснявшаго что-то почтительно слушавшимъ его рабочимъ.

— Кто это такой, полюбопытствовалъ я у одного изъ членовъ исполнительнаго комитета.

— Это наша Сочинская знаменитость: лидеръ мѣстныхъ большевиковъ и бывший президентъ Сочинской республики — Поярковъ.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ я узналъ біографію «президента», а заодно и исторію кратковременнаго существованія Сочинской республики.

Дѣло происходило въ 1905 году. Призванный въ одинъ изъ Восточно-Сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ и попавшій въ Манчжурію, Поярковъ дезертировалъ съ фронта и, скрываясь на югѣ Россіи, поступилъ въ одну изъ социаль-демократическихъ боевыхъ организацій. Пріѣхавъ въ Сочи онъ сталъ вести революціонную пропаганду среди окрестныхъ крестьянъ и городскихъ рабочихъ. Экспансивные грузины, которымъ понравились смѣлыя рѣчи Пояркова, избрали его предсѣдателемъ революціоннаго комитета. Въ одинъ прекрасный день предводительствуемая Поярковымъ толпа въ 200 человѣкъ обезоружила немногочисленную Сочинскую полицію и постъ пограничниковъ, арестовала начальника округа и двухъ-трехъ другихъ представителей власти, подняла надъ тюрьмой и окружающимъ управленіемъ красные флаги и объявила Сочи — отдѣлившейся отъ Россіи самостоятельной социалистической республикой.

Руководитель выступленія Поярковъ былъ избранъ президентомъ.

Однако, самостоятельное существованіе миниатюрной республики продолжалось всего 36 часовъ.

На слѣдующій-же день послѣ переворота къ Сочи подошелъ миноносецъ, навелъ на городъ орудія и потребовалъ безусловной сдачи. Революціонеры, во главѣ съ Поярковымъ, моментально бѣжали въ горы, а оставшіеся въ городѣ встрѣтили съ хлѣбомъ-солью высаженный миноносцемъ десантъ въ 40 казаковъ, быстро и безкровно присоединившій къ Россіи отдѣлившуюся «республику».

Черезъ нѣсколько дней Поярковъ добровольно явился съ повинной къ начальнику округа, отдался въ руки властей и, какъ поговаривали, выдалъ нѣсколькихъ зачинщиковъ революціоннаго выступленія. Ввиду этого Поярковъ не былъ казненъ, а всего лишь сосланъ на поселеніе въ Иркутскую губернію, откуда и вернулся въ Сочи послѣ революціи 17 года. Въ Сочи его встрѣтили, какъ героя, позабывъ нѣкоторыя темныя стороны его прошлой дѣятельности. Это объясняется тѣмъ, что Поярковъ былъ единственнымъ политическимъ ссыльнымъ, вернувшимся въ Сочи послѣ революціи, а Сочинскіе обыватели не хотѣли отстать отъ другихъ городовъ, торжественно встрѣчавшихъ «жертвъ произвола самодержавнаго строя».

II

Произведенный большевиками въ Петроградѣ переворотъ не внесъ первоначально никакого измѣненія въ спокойную Сочинскую жизнь. Всѣ ожидали результатовъ переворота, внимательно прислушиваясь къ извѣстіямъ изъ столицы. Никакихъ попытокъ со стороны буржуазныхъ и умѣренныхъ социалистиче-

скихъ партій къ поддержанію свергнутого большевиками Временнаго Правительства сдѣлано не было.

Когда мѣстные большевики убѣдились въ томъ, что ихъ товарищи въ Петроградѣ и Москвѣ прочно укрѣпились и вполне овладѣли правительственнымъ аппаратомъ, они рѣшили объявить и въ Сочи власть совѣтовъ.

Въ нѣсколько дней партія большевиковъ сильно увеличилась въ своемъ составѣ. Для этого Сочинскіе большевики отправили специальныхъ агитаторовъ на линію строящейся желѣзной дороги и привезли съ собой въ городъ десятка два «лупень пролетаріевъ».

Послѣ этого было созвано экстренное собраніе совѣта, который почти безъ преній торжественно объявилъ передачу всей власти въ округъ и городъ — совѣту рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Рѣшеніе это было принято голосами мѣстныхъ 6 — 7 большевиковъ и 20-ю привезенными ими съ линіи рабочими, противъ воздержавшихся остальныхъ членовъ совѣта, примыкавшихъ къ эс-эрамъ и меньшевикамъ.

А вслѣдъ за этимъ постановленіемъ въ Сочи повторилось происшедшее тогда повсемѣстно въ Россіи явленіе: имѣвшіе довольно значительное большинство въ совѣтахъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ члены партій соц-рев. и соц.-демократовъ меньшевиковъ, вмѣсто того, чтобы продолжать работу въ совѣтахъ и исполнительныхъ комитетахъ, бороться въ этихъ учрежденіяхъ съ большевиками и постараться такимъ путемъ ликвидировать политику послѣднихъ, рѣшили выйти изъ исполкомовъ, добровольно очистивъ поле сраженія. Большевики не преминули воспользоваться этимъ рѣшеніемъ правыхъ социалистовъ и очень быстро сумѣли провести на мѣста ушедшихъ противниковъ своихъ сторонниковъ. Благодаря этому почти во всѣхъ мѣстныхъ совѣтахъ и исполкомахъ большинство голосовъ стало принадлежать коммунистамъ или сочувствующимъ имъ лѣвымъ эс-эрамъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ правые социалисты поняли свою ошибку, но исправить ее было уже поздно. Большевики умѣло использовали въ глазахъ рабочихъ и солдатъ «дезертирство и саботажъ» эс-эровъ и меньшевиковъ, а неудачныя и нерѣшительныя выступленія этихъ партій противъ «рабоче-крестьянскаго правительства» еще болѣе укрѣпили положеніе правящей партіи.

Вмѣсто сложившаго съ себя полномочія предсѣдателя исполкома, прапорщика мѣстной береговой батареи эс-эра Теръ-Григорьяна, былъ избранъ случайно находившійся въ Сочи членъ Петроградскаго совѣта большевикъ Сундуковъ, оказавшійся очень благоразумнымъ, умѣреннымъ, рѣшительнымъ и работоспособнымъ дѣятелемъ.

Такъ какъ среди большевиковъ не оказалось достаточнаго числа дѣльныхъ людей, которыхъ можно-было бы избрать въ исполкомъ, Сундуковъ предложилъ избрать временный революціонный комитетъ, въ который вошли одинъ большевикъ (наборщикъ мѣстной типографіи) и два безпартійныхъ, въ томъ числѣ начальникъ гарнизона и командиръ желѣзно-дорожнаго баталіона полковникъ Козловъ.

На этомъ и окончились всѣ Сочинскія реформы. Не нарушенная никакими кровавыми выступленіями, жизнь города продолжала течь вполне нормально и большевистскій переворотъ ничѣмъ не отразился на обывателяхъ.

Однако, вскорѣ и въ Сочи стали сказываться послѣдствія переворота, выразившіяся въ медленно, но вѣрными шагами надвигавшейся экономической разрухѣ.

Это сказалося прежде всего на строящейся Черноморской дорогѣ. Управление дороги находилось въ Петроградѣ, откуда главный инженеръ получалъ всѣ распоряженія и денежные средства. Къ Декабрю всѣ имѣвшіяся въ Сочинскомъ главномъ дорожномъ комитетѣ средства изсякли. Комитетъ рѣшилъ приостановить работы и распустить строительныхъ рабочихъ. Рѣшеніе это вызвало взрывъ возмущенія среди послѣднихъ, тѣмъ болѣе, что у комитета не было достаточныхъ суммъ для того, чтобы расплатиться съ рабочими. Одну за другой слалъ комитетъ въ Петроградъ телеграммы, но никакого отвѣта на нихъ не получалось. Главный инженеръ и дорожный комитетъ рѣшили тогда свалить всю отвѣтственность на Сочинскій совѣтъ раб. депутатовъ, какъ на признанную рабочими власть.

А между тѣмъ предсѣдатель революціоннаго комитета Сундуковъ, вызванный срочной телеграммой Центр. Комитетомъ, выѣхалъ въ Петроградъ, сложивъ съ себя обязанности фактическаго главы Сочинскаго совѣта, который остался безъ руководителя. Революціонный комитетъ растерялся и не зналъ, что предпринять для успокоенія рабочихъ, которые угрожали придти въ Сочи и разгромить городъ.

Я въ это время успѣлъ закончить всѣ приготовленія для размѣщенія членовъ нашего кооператива и собирался выѣхать въ Петроградъ и въ Лугу для полученія ассигнованной еще Временнымъ Правительствомъ кооперативу долгосрочной ссуды въ 27,000 рублей, приобрѣтенія необходимыхъ орудій и инструментовъ и для встрѣчи съ оставшимися въ Лугѣ членами правленія.

За нѣсколько дней до моего отъѣзда ко мнѣ явились два члена Сочинскаго совѣта и обратились со слѣдующимъ предложеніемъ:

Для расплаты съ рабочими Черноморской дороги необходимо получить изъ Петрограда отъ Наркомфина семь милліоновъ рублей. Рабочіе согласились подождать полученія этихъ денегъ и не предпринимать никакихъ выступленій, если совѣтъ обезпечить имъ на это время отпускъ продовольствія. Запасы продовольствія въ окружной продов. управѣ невелики и ихъ хватитъ самое большее на шесть недѣль. Поэтому деньги необходимо получить какъ можно скорѣе. Для этой цѣли совѣтъ рѣшилъ отправить въ Петроградъ своего представителя, который долженъ былъ во что-бы то ни стало добиться полученія денегъ и привезти ихъ въ Сочи. Но никто изъ членовъ революціоннаго комитета не хочетъ взять на себя этой миссіи, ссылаясь на полное незнакомство съ Питерскими порядками. Ввиду этого на частномъ совѣщаніи членовъ совѣта было рѣшено просить меня принять это непріятное порученіе и одновременно согласиться выставить свою кандидатуру въ предсѣдатели Сочинскаго совѣта, такъ какъ это званіе могло бы значительно облегчить полученіе денегъ изъ Государственнаго банка.

Первоначально я категорически отказался отъ этого предложенія, заявивъ, что не считаю возможнымъ, не принадлежа къ партіи большевиковъ, возглавлять, хотя-бы и фиктивно, совѣтъ, большинство членовъ котораго большевики. Но, когда вслѣдъ за первой делегацией ко мнѣ явились представители безпартійныхъ рабочихъ и просили принять во вниманіе ихъ трагическое положеніе — я согласился, выставивъ непременнымъ условіемъ созывъ крестьянскаго и рабочаго съѣзда для избранія окружного исполнительнаго комитета, который бы явился высшимъ органомъ мѣстной власти. (До этого времени крестьяне не имѣли своихъ представителей ни въ совѣтѣ, ни въ его исполнительномъ органѣ).

Совѣтъ согласился съ моимъ требованіемъ и черезъ нѣсколько дней, снабженный цѣлой пачкой мандатовъ и удостовѣреній, я въ сопровожденіи одного изъ членовъ революціоннаго комитета — Королева — выѣхалъ на автомобилѣ въ Новороссійскъ, откуда предполагалъ проѣхать по жел. дорогѣ черезъ Ростовъ въ Петроградъ.

Пріѣхавши въ Новороссійскъ я узналъ, что желѣзнодорожное сообщеніе съ Ростовомъ прервано, ввиду начала военныхъ дѣйствій между большевиками и Кубанскимъ краевымъ правительствомъ.

На Кубани въ это время происходило слѣдующее:

Кубанская рада и краевое правительство Быча не признали власти Совѣта Народныхъ Комиссаровъ и, ввиду происшедшаго въ Петроградѣ переворота, рѣшили объявить Кубань самостоятельной республикой. И Петроградскіе, и мѣстные большевики поняли, что самостоятельная Кубань захочетъ имѣть выходъ къ Черному морю, для чего присоединитъ Черноморскую губернію съ Новороссійскимъ и Туапсинскимъ портами. Потеря Черноморской губерніи явилась бы для большевиковъ потерей всего Сѣвернаго Кавказа, поэтому изъ центра въ Новороссійскъ, въ которомъ пребывалъ Кубано-Черноморскій центр. исполкомъ, были присланы директивы ликвидировать Кубанское правительство и занять Екатеринодаръ.

Для выполненія директивъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ мѣстные большевики, при помощи возвращавшейся съ Кавказскаго фронта и распропагандированной ими 21-й пѣхотной дивизіи, заняли городъ Армавиръ, въ которомъ образовался Кубанскій революціонный комитетъ. Съ занятіемъ Армавира Кубанскій ревкомъ долженъ былъ предпринять наступленіе на Екатеринодаръ вдоль жел. дор. линій Кавказская-Екатеринодаръ и Тихорѣцкая-Екатеринодаръ, а Новороссійскій исполкомъ одновременно съ этимъ двинуть войска на Екатеринодаръ со станціи Крымской.

Однако, у Новороссійскаго исполнительнаго комитета, кромѣ двухъ баталіоновъ красной гвардіи, состоявшихъ изъ мѣстныхъ рабочихъ, никакихъ войскъ не было.

Въ это время (начало Января 1918 года) въ Новороссійскъ, Севастополь и другіе Черноморскіе порты стали прибывать транспорты изъ Трапезунда съ возвращавшимися съ Кавказскаго фронта частями.

Новороссійскіе большевики рѣшили использовать эти полки для наступленія на Екатеринодаръ. Но прибывавшіе въ Новороссійскъ полки совершенно не хотѣли воевать и требовали немедленной дальнѣйшей отправки по домамъ. Съ большимъ трудомъ предѣдателю Новороссійскаго совѣта Лосеву удалось уговорить два баталіона двинуться въ походъ противъ Кубанскаго правительства. Эти два баталіона (значительно растаявшіе по пути до Крымской) и составили ядро Новороссійско-Екатеринодарскаго фронта, который сталъ пополняться вновь прибывающими съ Кавказскаго фронта частями.

За два или три дня до моего пріѣзда, въ Новороссійскѣ разыгралась на почвѣ такого пополненія фронта жуткая драма, закончившаяся гибелью 32-хъ офицеровъ.

Въ портъ вошелъ прибывшій изъ Трапезунда транспортъ съ тремя баталіонами одного изъ Туркестанскихъ (если память мнѣ не измѣняетъ) полковъ. Новороссійскій совѣтъ тотчасъ-же командировалъ на транспортъ своихъ представителей и агитаторовъ, предложившихъ полку немедленно выгрузиться и слѣдовать на фронтъ противъ кубанцевъ.

Солдаты собрали митингъ, пригласивъ на него всѣхъ ѣхавшихъ съ ними офицеровъ, которыхъ просили дать имъ совѣтъ, какъ поступить: ѣхать-ли драться съ казаками, или требовать отправки въ Феодосію для дальнѣйшаго слѣдованія по желѣзной дорогѣ на родину. Офицеры, которымъ не улыбалась перспектива сражаться на фронтѣ гражданской войны, посовѣтовали солдатамъ требовать немедленнаго отправленія въ Феодосію. Солдаты съ радостью согласились съ такимъ совѣтомъ и передали свое ультимативное требованіе представителямъ Новороссійскаго совѣта. Послѣдніе съѣхали на берегъ и доложили исполкому о постигшей ихъ неудачѣ, заявивъ, что всему виной офицеры, отговорившіе согласившихся было солдатъ слѣдовать на фронтъ.

Въ Новороссійскомъ порту стояло два миноносца, команды которыхъ были опорой мѣстныхъ большевиковъ. Исполнительный комитетъ рѣшилъ воспользоваться этими миноносцами для того, чтобы расправиться съ контръ-революціонными офицерами, а заодно и пострасать несговорчивыхъ солдатъ.

Какъ только транспортъ снялся съ якоря и началъ уходить въ море, къ нему подошли два миноносца и, наведя на него дула орудій, потребовали выдачи всѣхъ офицеровъ. Солдаты сначала отказались исполнить это требованіе, но затѣмъ, когда матросы заявили, что, если офицеры не будутъ выданы, то транспортъ будетъ немедленно потопленъ, принуждены были согласиться. Всѣ офицеры были сняты съ транспорта, перевезены на молъ и тутъ же, на глазахъ у своихъ солдатъ, разстрѣляны.

Послѣ этой жестокой расправы съ офицерами, матросы потребовали отъ солдатъ выдачи всего имѣвшагося въ полку оружія, угрожая снова, въ случаѣ отказа, пустить транспортъ ко дну. Солдаты выдали оружіе, были разбиты поротно и свезены на берегъ. Здѣсь часть изъ нихъ, изъявившая желаніе слѣдовать на фронтъ, была вновь вооружена и отправлена въ Крымскую, а остальные были посланы подъ охраной матросовъ на работы по разгрузкѣ транспортовъ съ продовольствіемъ.

Узнавъ въ Новороссійскѣ о невозможности ѣхать желѣзной дорогой на Ростовъ, я рѣшилъ измѣнить маршрутъ и ѣхать или черезъ Севастополь, или черезъ Феодосію.

На мое несчастье судовыя команды перевозившихъ войска транспортовъ, узнавъ о положеніи въ Новороссійскѣ, рѣшили избѣгать захода въ этотъ портъ, и транспорты стали направляться прямо въ Севастополь, Феодосію и Керчь.

Пришлось просидѣть нѣсколько дней въ Новороссійскѣ и въ буквальномъ смыслѣ «ждать у моря погоды».

На пятый день моего невольнаго сидѣнія въ Новороссійскѣ зашелъ, по пути въ Севастополь, вспомогательный крейсеръ «Король Карлъ».

Получивъ соотвѣтствующіе документы отъ Новороссійскаго совѣта, я съ своимъ спутникомъ погрузились на крейсеръ, команда котораго встрѣтила непрошенныхъ пассажировъ весьма недружелюбно. Сначала мы не могли понять, чѣмъ вызвано пелобезное къ намъ отношеніе офицеровъ и матросовъ крейсера, но черезъ нѣсколько часовъ послѣ отхода изъ Новороссійска — все объяснилось.

До войны «Король Карлъ» былъ пассажирскимъ пароходомъ Румынскаго общества, совершавшимъ рейсы между Констанцей и Константинополемъ. Поэтому на крейсерѣ остались роскошныя каюты и помѣщенія I-го класса, въ одно изъ которыхъ, ввиду поднявшагося на морѣ шторма, намъ разрѣшили войти.

Въ этомъ помѣщеніи (кажется — курительномъ салонѣ) мы увидали сидѣвшую за уставленнымъ бутылками шампанскаго и разными закусками столомъ.

веселую компанію штатскихъ и военныхъ молодыхъ и старыхъ людей. У всѣхъ пировавшихъ были петлички и кокарды желто-голубого цвѣта, то-есть національныхъ украинскихъ цвѣтовъ.

Оказалось, что «Король Карлъ» былъ только-что «украинизированъ», и мы присутствовали на торжественномъ обѣдѣ, который команда крейсера давала въ честь делегатовъ «Украинской влады».

Насъ, какъ москалей, конечно, не пригласили къ трапезѣ и мы, не желая мозолить глазъ веселившимся украинцамъ, улеглись на угловомъ диванѣ и попытались заснуть.

Однако веселье украинцевъ продолжалось недолго.

Часовъ около десяти вечера на крейсерѣ поднялась какая-то тревога. Раздалась команда потушить огни и задрантъ люки и иллюминаторы. Пиршество было прервано.

Спрошенный нами матросъ сказалъ, что причиной тревоги является перехваченная радіограмма изъ Новороссійска, сообщавшая стоявшимъ въ Севастополѣ миноносцамъ о томъ, что «Король Карлъ», выйдя изъ Новороссійска, спустилъ Андреевскій и красный флаги и поднялъ Украинскій желто-голубой. Радіограмма заканчивалась приказомъ — потопить взбунтовавшійся крейсеръ.

— Ну и влопались-же мы съ вами въ исторію, пробормоталъ мой перепугавшійся спутникъ.

Признаюсь, что и мнѣ очень не понравился такой эпилогъ украинизаціи «Короля Карла».

Но къ счастью все окончилось вполне благополучно.

Собравшійся судовой комитетъ и команда, послѣ долгихъ пререканій съ представителями «Украинской влады», рѣшили «разукраиниваться», то-есть спустить желто-голубой флагъ и поднять вновь Андреевскій.

Однако команда все-таки опасалась идти въ Севастополь и комитетъ постановилъ перемѣнить курсъ, зайти въ Феодосію и тамъ отстояться нѣсколько дней, пока въ Севастополѣ не уляжется поднятая тревога.

Рано утромъ «Король Карлъ» подъ Андреевскимъ флагомъ подходилъ къ Феодосіи.

Когда крейсеръ вошелъ въ портъ и сталъ пришвартовываться къ молу, глазамъ нашимъ представилось странное зрѣлище:

На берегу толпилось нѣсколько сотъ рабочихъ, портовыхъ грузчиковъ и желѣзно-дорожниковъ. Впереди съ обнаженными головами и съ хлѣбомъ-солью стояла делегація отъ союза рабочихъ. Какъ только «Карлъ» пришвартовался, начались рѣчи делегатовъ. Изъ этихъ торопливыхъ и довольно несвязныхъ рѣчей, мы узнали, что изъ Севастополя ночью пришла телеграмма, въ которой сообщалось, что «взбунтовавшійся» крейсеръ «Король Карлъ» бомбардируетъ прибрежные города. Завидѣвъ входящее въ портъ «взбунтовавшееся судно», мѣстные рабочіе рѣшили выслать делегацію съ хлѣбомъ-солью и съ просьбой пощадить ни въ чемъ неповинное мирное населеніе Феодосіи.

Этимъ инцидентомъ закончилось наше злополучное пребываніе на украинскомъ крейсерѣ и мы съ живѣйшей радостью сошли на берегъ.

III

Не даромъ говорится, что, если начнется полоса невезенія, то она продолжается во всемя.

Такъ случилось и со мной.

Я рассчитывалъ въ тотъ-же день выѣхать изъ Феодосіи, съ первымъ отходящимъ на Джанкой поѣздомъ. Но придя на вокзалъ, я узналъ неприятную новость, что желѣзнодорожное сообщеніе прервано со вчерашняго вечера. Когда пойдетъ слѣдующій поѣздъ — никто изъ станціонныхъ служащихъ опредѣлить не могъ.

Оказалось, что крымскіе татары возстали противъ совѣтской власти, подошли къ ж. д. линіи Феодосія — Джанкой и прервали всякое сообщеніе между этими пунктами.

Предстояла снова невеселая перспектива «ждать у моря погоды», которая кстати совершенно испортилась: дулъ холодный вѣтеръ и моросилъ дождь съ снѣгомъ.

Всѣ гостиницы въ городѣ были реквизированы подъ различныя совѣтскія учрежденія и волей-неволей пришлось пристроиться на скамейкѣ станціоннаго буфета.

Спутникъ мой нервничалъ и на чемъ свѣтъ стоитъ честилъ взбунтовавшихся татаръ:

— Не могли они, черти гололобые, повременить хотя-бы день другой со своимъ дурацкимъ возстаніемъ, ворчалъ онъ, свертывая одну за другой «самокрутки» и выпуская клубы табачнаго дыма.

Отъ нечего дѣлать я вышелъ побродить по перрону.

На запасныхъ путяхъ стояла длинная вереница теплушекъ, у которыхъ сходились, оживленно жестикулируя, группы солдатъ. Я подошелъ къ одной изъ группъ и прислушался къ разговорамъ.

Черезъ нѣсколько минутъ я узналъ, что на станціи стоитъ застрявшій ввиду перерыва движенія эшелонъ одного изъ Туркестанскихъ полковъ, только-что прибывшій моремъ изъ Трапезунда. Въ эшелонѣ было два баталіона — около 1500 солдатъ. Штабъ полка со всѣми офицерами успѣлъ погрузиться и благополучно отошелъ вчера, а оставшіеся безъ офицеровъ, безъ продуктовъ и безъ денегъ баталіоны не знали, что имъ предпринять.

У меня мелькнула мысль воспользоваться этимъ эшелономъ и попытаться «прорвать татарскій фронтъ» и проскочить съ туркестанцами до Джанкоя.

Рискъ во всякомъ случаѣ былъ небольшой: на станціи говорили, что у возставшихъ татаръ не болѣе 500 вооруженныхъ людей, и два баталіона фронтвиковъ, безъ особаго труда могли пробиться черезъ такой немногочисленный «фронтъ».

Я вмѣшался въ разговоръ и сталъ проводить свою мысль.

Солдаты страстно желали скорѣйшаго возвращенія въ свои родныя деревни, неожиданная задержка въ Феодосіи нервировала ихъ, а поэтому мои слова вызвали ихъ живѣйшее одобреніе.

— Бѣда только, что у насъ нѣтъ командировъ, продуктовъ и мало патроновъ, говорили съ досадой стрѣлки.

Вокругъ меня собиралось все больше и больше солдатъ. Лица ихъ просвѣтлѣли, собрался настоящій митингъ.

Подошли и три члена полковаго комитета, ѣхавшіе съ эшелономъ.

Я сталъ имъ совѣтовать, какъ поступить, предлагалъ пойти въ исполкомъ потребовать паровозъ, патроновъ и кормовыхъ денегъ.

Солдаты поддакивали мнѣ и торопили членовъ комитета.

— Что-жъ, мы пойдёмъ, согласились комитетчики, да врядь-ли чего добьемся...

— Третій разъ сегодня шлемся въ исполнительный комитетъ, а отвѣтъ все одинъ: подождите — молъ, до завтра. Нѣтъ у насъ никого, чтобъ замѣсто командира могъ дѣйствовать!

Началось оживленное обсужденіе кандидатуры командира.

— А вы сами, товарищъ, кто такой будете, спросилъ меня одинъ изъ комитетчиковъ.

Узнавъ, что я бывшій офицеръ и предсѣдатель совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, солдаты обрадовались.

— Чего-жъ думать да зря языки чесать, раздались голоса: мы васъ, товарищъ, выбираемъ своимъ командиромъ, а вы ужъ за насъ постарайтесь, сдѣлайте Божескую милость!

Я согласился, выставивъ туркестанцамъ одно непремѣнное условіе — безпрекословное подчиненіе всѣмъ моимъ приказаніямъ.

— Да что-жъ, мы развѣ не понимаемъ, закричали сотни голосовъ: будьте спокойны, мы всѣ на фронтъ были, ученые...

Черезъ полъ часа я съ членами полкового комитета находился уже у предсѣдателя Феодосійскаго исполкома, который очень обрадовался возможности сплавить отъ себя безпокойный эшелонъ.

Намъ выдали на два дня хлѣба, патроновъ и кормовыхъ денегъ, а начальнику станціи было отдано распоряженіе немедленно подать къ эшелону дежурный паровозъ.

Вернувшись на вокзалъ, я началъ отдавать распоряженія.

Прежде всего пришлось подумать о планомѣрномъ размѣщеніи солдатъ по теплушкамъ. Мой «полкъ» состоялъ изъ демобилизованныхъ солдатъ, возвращавшихся черезъ уѣздные исполкомы по своимъ деревнямъ. На каждой узловой станціи отъ эшелона должны были отдѣляться самостоятельныя партіи. Чтобы не заставлять людей пересаживаться на узловыхъ станціяхъ и не задерживать эшелона, я приказалъ солдатамъ разбиться на группы по 30 — 40 человекъ, состоящія изъ «земляковъ» одного или двухъ сосѣднихъ уѣздовъ. Разобравшись въ томъ, какой группѣ и гдѣ надо будетъ отдѣляться отъ эшелона, я развелъ ихъ по теплушкамъ съ такимъ расчетомъ, чтобы отцѣпка вагоновъ происходила въ пути по порядку, начиная съ хвостового вагона. На каждой теплушкѣ написали мѣломъ станцію назначенія и станцію отцѣпки отъ эшелона.

Затѣмъ я предоставилъ каждой теплушкѣ выбрать старшаго, разбилъ эшелонъ на роты и самъ, по рекомендаціи полкового комитета, назначилъ ротныхъ командировъ.

Ротные командиры и старшіе роздали каждому стрѣлку по 50 патроновъ, назначили дневальныхъ.

Половинѣ эшелона я приказалъ быть въ полной боевой готовности, остальнымъ разрѣшилъ снять аммуницію и отдохнуть.

Большая часть моихъ новыхъ подчиненныхъ должна была отстать отъ эшелона въ Курскѣ, Орлѣ и въ Тулѣ. Семь теплушекъ слѣдовали до Москвы и только одна — до Петрограда. Въ эту теплушку, первую отъ паровоза, помѣстился я

самъ со своимъ «штабомъ», состоявшимъ изъ одного члена полкового комитета и трехъ ординарцевъ.

Долженъ отмѣтить, что мои подчиненные оказались чрезвычайно дисциплинированными и послушными: до самаго послѣдняго момента, то-есть до прїѣзда въ Москву, всѣ мои приказанія исполнялись ими быстро и непрекословно, а ординарцы старались во всемъ услужить мнѣ. Они достали откуда-то соломы, соорудили мнѣ великолѣпную постель, притащили чайникъ, консервовъ, хлѣба, выпроваживали изъ теплушки назойливыхъ посѣтителей.

Подъ вечеръ все было готово и мы двинулись въ путь.

На паровозъ былъ поставленъ пулеметъ и сѣли десять стрѣлковъ подъ начальствомъ браваго взводнаго.

Отѣхавъ отъ Феодосіи верстъ на 15, я приказалъ отцѣпить паровозъ и отправилъ его на развѣдку до слѣдующей станціи По полученнымъ въ Феодосіи свѣдѣніямъ — на этомъ участкѣ именно и находился «татарскій фронтъ». Прощель часъ, и мы увидѣли быстрымъ ходомъ возвращавшійся паровозъ.

Вернувшійся изъ развѣдки взводный доложилъ, что все обстоитъ благополучно и никакихъ татаръ по пути замѣчено не было.

Мы отправились дальше и, доѣхавъ до слѣдующей станціи, узнали, что нѣсколько человекъ «повстанцевъ» были утромъ на линіи, пытались разобрать рельсы, но затѣмъ ушли во свояси.

Поздно ночью мы благополучно добрались до Джанкоя, «прорвавъ фронтъ» и возстановивъ прерванное по линіи движеніе. Ни одного «непріятеля» мы на всемъ пути не встрѣтили.

Туркестанцы мои были въ восторгѣ. Многіе изъ нихъ пришли ко мнѣ въ теплушку и благодарили за то, что я ихъ надоумилъ, какъ выбраться изъ Феодосіи:

— Безъ вашей милости — мы-бъ тамъ съ недѣлю проваландались...

Мнѣ казалось, что послѣ «прорыва татарскаго фронта» не будетъ уже никакихъ задержекъ, и мы скоро доберемся до Петрограда.

Однако и эти предположенія не оправдались, и моему «полку» пришлось еще два раза приводить себя въ боевую готовность.

Прежде всего намъ пришлось снова «прорывать фронтъ», на этотъ разъ не татарскій, а болѣе серьезный — гайдамацкій.

Не доѣзжая нѣсколькихъ станцій до Александровска, мы узнали, что городъ этотъ занятъ наступающими изъ Херсонщины «гайдамаками».

— Дальше вамъ ѣхать невозможно, говорили желѣзнодорожные служащіе: гайдамаки останавливаютъ всѣ поѣзда, осматриваютъ ихъ, а у кого находятъ оружіе — разстрѣливаютъ.

Но на моихъ туркестанцевъ, расхрабрившихся послѣ удачнаго прорыва въ Джанкой, подобныя предостереженія не дѣйствовали.

— Эка, невидаль, подумаешь, гайдамаки какіе-то! Мы и почище гайдамаковъ встрѣчали! Первые съ ними въ драку не полѣземъ, а если они насъ чеплять стануть, то пусть не прогнѣваются: такого зададимъ, что долго вспоминать туркестанцевъ будутъ...

Было рѣшено принять всѣ мѣры предосторожности и продолжать путь.

Поѣздъ нашъ подошелъ къ Александровску.

Станція казалась совершенно необитаемой и брошенной: мы не встрѣтили здѣсь не только ни одного гайдамака, но даже обычный станціонный персоналъ и тотъ куда-то исчезъ.

Съ большимъ трудомъ ординарцамъ удалось разыскать и привести ко мнѣ перепуганнаго дежурнаго по станціи, который разсказалъ, что за нѣсколь-ко минутъ до прибытія поѣзда, занимавшіе станцію гайдамаки — около 1000 человекъ — получивъ съ сосѣдняго разъѣзда телеграмму о движеніи на Александровскъ цѣлаго полка большевиковъ съ пушками и пулеметами, поспѣшно очистили станцію и отошли за Днѣпръ. Уходя, они приказали дежурному не давать большевикамъ паровоза и задержать эшелонъ. Гайдамаки заявили, что они идутъ за подкрѣпленіями и за артиллеріей, послѣ чего снова вернутся на станцію и перебьютъ всѣхъ «кацаповъ».

Хотя мы совершенно не боялись возвращенія гайдамаковъ, но и вступать съ ними въ бой также не входило въ наши предположенія. Поэтому мы потребовали подать намъ паровозъ и черезъ полъ часа тронулись въ дальнѣйшій путь.

Послѣ этой побѣды надъ гайдамаками, туркестанцы стали себя считать совершенно непобѣдимыми.

Казалось, что теперь уже ничто и никто не можетъ задержать нашего побѣдоноснаго движенія, но судьба готовила нашему эшелону еще одно послѣднее испытаніе.

Комендантъ станціи Синельниково, не разобравъ, кто мы такіе, телеграфировалъ находившемуся въ Харьковѣ главнокомандующему внутреннимъ большевистскимъ фронтомъ Антонову о движеніи въ сторону Харькова какого-то подозрительнаго и весьма воинственно настроеннаго эшелона.

Получивъ эту телеграмму, Антоновъ далъ распоряженіе — немедленно разоружить нашъ эшелонъ, какъ только онъ прибудетъ въ Харьковъ.

Ничего не подозрѣвая, мы подѣхали къ Харькову и въ семь часовъ утра поѣздъ нашъ прибылъ на пассажирскую станцію.

Я сидѣлъ въ своей теплушкѣ, разговаривалъ съ ординарцами и пилъ чай.

Вдругъ на перронѣ послышался шумъ, крики и шелканіе затворовъ.

Я выскочилъ изъ теплушки и увидѣлъ стоявшую на перронѣ роту красногвардейцевъ, съ винтовками на изготовку, направленными въ сторону эшелона.

Двери теплушекъ въ свою очередь оцетинились штыками.

— Въ чемъ дѣло, кто у васъ старшій, обратился я къ красноармейцамъ.

Подошелъ сумрачнаго вида подпрапорщикъ, командиръ красногвардейской роты, и заявилъ мнѣ, что главковерхъ, товарищъ Антоновъ, приказалъ разоружить нашъ эшелонъ.

Изъ теплушекъ посыпались брань и крики:

— Какое-такое полное право имѣетъ твой Антоновъ отмѣнять приказы Троцкаго, кричали стрѣлки: мы всѣ читали приказъ Троцкаго — чтобы каждый солдатъ, возвращаясь домой, везъ съ собой винтовку. Небось — мы тоже грамотные. . . Разъ приказано — не отдадимъ винтовокъ, а если попробуешь силой отбирать — такъ отъ твоей красной гвардіи только мокрое мѣсто останется. . . Тоже командиръ какой нашелся. . .

Подпрапорщикъ былъ видимо смущенъ. Онъ сознавалъ, что его рота не устоитъ противъ воинственно настроенныхъ фронтовиковъ.

Я попытался уладить инцидентъ.

— Очевидно происходитъ какое-то недоразумѣніе, сказалъ я подпрапорщику: скомандуйте вашимъ красногвардейцамъ къ ногѣ, отведите ихъ въ сторону и подождите, пока я схожу къ Антонову и узнаю въ чемъ дѣло.

Штабъ Антонова помѣщался въ экстренномъ поѣздѣ, стоявшемъ здѣсь-же на третьемъ пути.

Самаго Антонова въ штабѣ не оказалось, и меня провели къ его помощнику вѣкоему Бакинскому.

— А вы развѣ не Калединцы, спросилъ меня Бакинскій, выслушавъ разсказъ о происшедшемъ инцидентѣ, едва не закончившемся настоящимъ боемъ между туркестанцами и красногвардейцами.

Я успокоилъ недовѣрчиваго «товарища — комиссара» и показалъ ему свои удостовѣренія и мандаты, разсказавъ также, какимъ образомъ я сталъ командиромъ туркестанскихъ стрѣлковъ.

— Право, не знаю, что съ вами дѣлать, сказалъ Бакинскій: товарищъ Антоновъ отдалъ категорическій приказъ разоружать всѣхъ демобилизованныхъ.

— А какъ-же приказъ Троцкаго?

— Что значитъ приказъ Троцкаго, усмѣхнулся мой собесѣдникъ: товарищъ Троцкій былъ вынужденъ отдать такой приказъ, но это только такъ для виду. На самомъ дѣлѣ не можетъ-же правительство допустить вооруженія всѣхъ крестьянъ. Вы знаете, чѣмъ это можетъ кончиться?

— Чѣмъ можетъ кончиться вооруженіе крестьянъ, я еще не знаю, но чѣмъ можетъ кончиться попытка разоружить мой эшелонъ — это я себѣ вполне представляю: добровольно туркестанцы своихъ винтовокъ никому не отдадутъ, а если дѣло дойдетъ до насилія, то они разгромятъ и всѣхъ вашихъ красногвардейцевъ, и весь вокзалъ, и не останутся передъ вашимъ штабнымъ поѣздомъ.

— Вы думаете, что если я или товарищъ Антоновъ станемъ ихъ уговаривать, то они и насъ не послушаются?

— Что-жъ, попробуйте, поговорите съ ними!

Комиссаръ задумался.

— Ну, чертъ съ ними, пускай себѣ ѣдутъ отъ насъ! Все равно въ Курскѣ ихъ разоружать.

— Нѣтъ, ужъ я васъ прошу оставить мой эшелонъ въ покоѣ до самой Москвы. Я ѣду по важному порученію и мнѣ некогда возиться съ вашими комендантами. Можете ихъ разоружать, когда они пріѣдутъ къ мѣсту назначенія!

Въ концѣ концовъ, Бакинскій выдалъ мнѣ бумагу, съ приложеніемъ печати штаба Антонова, въ которой предлагалось всѣмъ комендантамъ станцій, до Москвы включительно, не чинить никакихъ препятствій слѣдующему подъ моей командой эшелону и не требовать его разоруженія.

Инцидентъ былъ исчерпанъ, къ великому удовольствію командира красногвардейской роты, опасавшагося разгрома своей малонадежной части.

Туркестанцы встрѣтили меня громкимъ «ура», осыпая уходившихъ съ вокзала красноармейцевъ язвительными шуточками.

Въ Курскѣ я сердечно распрощался съ половиной моего эшелона, а въ Москвѣ распустилъ свой штабъ, пересѣлъ въ пассажирскій поѣздъ и безъ всякихъ дальнѣйшихъ приключеній добрался, наконецъ, до Петрограда.

IV

Покинувъ Петроградъ въ Сентябрѣ и вернувшись черезъ четыре мѣсяца, я не замѣтилъ въ столицѣ никакихъ особенныхъ перемѣнъ. Въ то время большевистское правительство еще не успѣло осуществить ни одного изъ тѣхъ-

мѣропріятій и реформъ, которыя въ послѣдствіи такъ тяжело отразились на обывателяхъ и на всей жизни города.

Единственно, что меня поразило — это острая нужда въ хлѣбѣ, который выдавался микроскопическими порціями по одной восьмушкѣ фунта на человѣка.

Благодаря моему мандату, мнѣ удалось получить номеръ въ «домѣ рабоче-крестьянской арміи» (бывшемъ офицерскомъ собраніи арміи и флота) на углу Литейнаго и Кировой.

Хотя номера гостиницы и содержались по-прежнему въ образцовомъ порядкѣ, но я черезъ два дня былъ вынужденъ покинуть кровъ «дома рабоче-крестьянской арміи»: ежедневно съ 8 часовъ вечера въ большомъ залѣ начиналось веселье, танцы и музыка. Танцуйка продолжалась часовъ до 2 ночи, неистовый топотъ визги и шумъ раздавались по всѣмъ этажамъ и коридорамъ и не давали возможности сомкнуть глазъ.

Черезъ нѣсколько дней я сумѣлъ добиться удовлетворительныхъ результатовъ по дѣлу о полученіи необходимыхъ для рабочихъ Черноморской жел. дороги денегъ и, оставивъ Королева заканчивать разныя формальности, началъ хлопотать по дѣламъ нашего кооператива.

Прежде всего намъ нужно было получить отъ Народнаго Комиссаріата Земледѣлія ассигнованную за нѣсколько дней до большевистскаго переворота Министерствомъ Земледѣлія ссуду, въ размѣрѣ 27,000 рублей. Безъ этихъ денегъ намъ было невозможно приобрести нужныя орудія и инструменты.

Первая попытка получить эту ссуду оказалась неудачной. Въ очень вѣжливой, но категорической формѣ намъ было заявлено, что всѣ постановленія свергнутаго Временнаго Правительства аннулированы настоящей властью.

Тогда наше правленіе рѣшило прибѣгнуть къ слѣдующему способу:

Совѣтское правительство въ ту пору еще заискивало передъ пролетаріями и побаивалось рабочихъ и солдатъ. Мы и рѣшили сыграть на этой слабой стрункѣ товарищей — комиссаровъ.

Въ одинъ прекрасный день, нарядившись въ самыя старыя, рваныя и замасленныя шинели, какія нашлись въ цейнгаузѣ моей бывшей команды, нахлобучивъ ужаснѣйшіе картузы, обросшіе щетиной, которую мы растили въ продолженіи нѣсколькихъ дней, я и два члена правленія кооператива, съ цыгарками во рту, ввалились въ помещеніе Народнаго Комиссаріата Земледѣлія, которое находилось на Литейномъ, въ домѣ быв. Главнаго Управленія Удѣловъ.

Тамъ все было по старому: тѣ-же внушительнаго вида швейцары, тѣ-же курьеры, разносившіе на серебряныхъ подносахъ стаканы съ чаемъ, та-же роскошная обстановка.

— Куда вы, товарищи, преградилъ намъ дорогу монументальный швейцаръ.

— Какъ куда? къ товарищу Калегаеву, къ народному комиссару, съ важнымъ видомъ отвѣчали мы, отстраняя его съ дороги.

Прибѣжалъ нѣкто во френчѣ, попробовавшій также задержать насъ въ передней.

— Товарищъ Калегаевъ очень занятъ, его видѣть нельзя.

— То-есть какъ это нельзя, возмутились мы: что-жъ онъ народный комиссаръ, или царскій министръ? Разъ онъ народный комиссаръ, а мы — народъ, то должны его лично видѣть и говорить съ нимъ!

Несмотря на всѣ усилія сбѣжавшихся чиновниковъ комиссаріата, мы все-таки проникли въ кабинетъ комиссара, развязно протянули ему руки и, не

ожидая особыхъ приглашеній, развалились въ креслахъ и неистово задымили вонючими цыгарками.

Наркомъ выслушалъ наше дѣло и началъ повторять то-же самое, что мы уже слышали отъ его помощниковъ.

— Позвольте, товарищъ, перебили мы его: какое намъ дѣло до того, что вы не признаете рѣшеній прежняго правительства? Почему мы должны страдать? Довольно попито нашей кровушки прежними чиновниками, что-жъ теперь и вы также за это принимаетесь? Мы не буржуи какіе, а трудящіеся, безъ этой ссуды намъ невозможно будетъ приступить къ работѣ...

Увидавъ, что отдѣлаться отъ насъ довольно трудно, наркомъ пустился на хитрость:

— Хорошо, я дамъ вамъ ассигновку, но только въ томъ случаѣ, если вы мнѣ представите отъ Сочинскаго совѣта удостовѣреніе о томъ, что вамъ кооперативъ дѣйствительно состоитъ изъ однихъ трудящихся и что среди вашихъ членовъ — пѣтъ бѣлогвардейцевъ.

Комиссаръ правильно рассчиталъ, что пока наше прошеніе дойдетъ до Сочинскаго совѣта, будетъ имъ разсмотрѣно и вернется обратно въ Петроградъ — пройдетъ по крайней мѣрѣ два — три мѣсяца, въ продолженіе которыхъ многое успѣетъ измѣниться.

— Какое-же вамъ нужно удостовѣреніе, спросилъ я его: достаточно-ли будетъ свидѣтельства, подписаннаго предсѣдателемъ совѣта, къ которому будетъ приложена печать?

— Конечно, вполне достаточно.

— А если мы вамъ такое свидѣтельство представимъ, то вы намъ выдадите полностью тѣ 27 тысячъ, которыя были ассигнованы Временнымъ Правительствомъ?

— Тогда я вамъ безъ всякой задержки выпишу ордеръ на 27 тысячъ, не терпѣливо, ожидая нашего ухода, отвѣтилъ наркомъ.

Мы вышли изъ его кабинета.

Я вытащилъ изъ бокового кармана имѣвшіеся у меня бланки Сочинскаго совѣта, примостился на подоконникѣ, написалъ требуемое наркомомъ удостовѣреніе, приложилъ выданную мнѣ въ Сочи печать и подписался подъ нимъ какъ предсѣдатель Сочинскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Черезъ пять минутъ мы снова ввалились въ кабинетъ наркома.

— Вѣдь я-же русскимъ языкомъ сказалъ, товарищи, что ничѣмъ вамъ не могу помочь до тѣхъ поръ, пока вы не достанете удостовѣренія отъ Сочинскаго совѣта!

Я торжественно вручилъ ему требуемое удостовѣреніе и мой мандатъ.

Наркому оставалось только выписать намъ ордеръ.

Черезъ полъ-часа мы получили деньги и съ торжествующимъ видомъ продефилировали передъ обалдѣвшимъ швейцаромъ.

— Ну и нахалы-же эти товарищи, проворчалъ онъ намъ вслѣдъ.

Закупивъ все необходимое для кооператива инструменты и орудія, въ томъ числѣ полное оборудованіе столярной, слесарной и кузнечной мастерскихъ, мы стали приготовляться къ отъѣзду въ Сочи.

Деньги для Черноморской дороги были уже ассигнованы и должны были быть отправлены въ банковскомъ вагонѣ до Севастополя, гдѣ Королевъ и я должны были ихъ получить на руки.

Отъѣзжающіе члены кооператива съ ихъ семьями и все наше имущество находилось въ Лугѣ. По знакомству съ начальникомъ станціи намъ удалось достать прекрасный вагонъ четвертаго класса, случайно застрявшій въ Лугѣ. Мы погрузили въ него весь нашъ громоздкій багажъ, нѣсколько ящиковъ патроновъ, большой запасъ оставшихся послѣ расформированія моей команды продуктовъ и стали съ нетерпѣніемъ ожидать дня отъѣзда.

Всѣ наши кооператоры захватили съ собой винтовки, которыя впоследствии очень намъ пригодились.

Наконецъ, настала часъ отъѣзда, мы распрощались съ Лугой и выѣхали въ Петроградъ, гдѣ нашъ вагонъ былъ переданъ съ Варшавскаго на Николаевскій вокзалъ.

Такъ какъ кооперативъ нашъ, по соглашенію съ комиссаромъ Государственнаго банка, считался охраной банковскаго груза, то вагонъ нашъ присоединили къ банковскому и прицѣпили къ скорому Московскому поѣзду.

Когда поѣздъ тронулся, оказалось, что Королевъ, поѣхавшій въ Государственный банкъ за довѣренностью для полученія по прибытіи въ Севастополь денегъ, опоздалъ къ отходу и остался въ Петроградѣ.

Опозданіе Королева перепутало всѣ наши расчеты и предположенія: безъ находившейся у него довѣренности — я не могъ получить въ Севастополѣ денегъ, — а безъ нашей охраны — Королевъ не могъ доставить этихъ денегъ изъ Севастополя въ Сочи.

Сначала я предполагалъ задержать банковскій вагонъ въ Москвѣ, гдѣ и ожидать пріѣзда Королева, но это оказалось невозможнымъ и сопровождавшіе вагонъ артельщики на такую задержку не соглашались.

Ожидать Королева въ Севастополѣ намъ не хотѣлось, такъ-какъ, ввиду начавшейся демобилизаціи дѣйствующихъ армій, правильнаго желѣзно-дорожнаго движенія между Курскомъ и Севастополемъ уже не существовало, и мы могли-бы его безуспѣшно и безрезультатно ожидать въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль.

Поэтому я телеграфировалъ изъ Москвы Сочинскому совѣту, чтобы онъ выслалъ въ Севастополь въ распоряженіе Королева вооруженную охрану. Самимъ же мы рѣшили измѣнить нашъ маршрутъ и избрать, вмѣсто кружнаго пути на Севастополь, болѣе короткій на Орелъ — Царицынъ — Тихорѣцкую — Армавиръ и Туапсе.

Но какъ часто случается — самый короткій путь оказался самымъ длиннымъ.

Мы упустили изъ виду начавшуюся на юго-востокѣ Россіи гражданскую войну и зарожденіе многочисленныхъ фронтовъ.

Такая забывчивость обошлась намъ довольно дорого и наше путешествіе изъ Петрограда въ Сочи, полное всевозможныхъ приключеній, затянулось на цѣлыхъ 34 дня.

V

Едва мы успѣли отъѣхать нѣсколько станцій отъ Москвы, какъ вагонъ нашъ сталъ подвергаться ожесточеннымъ нападеніямъ со стороны толпъ демобилизованныхъ, или вѣрнѣе, бросившихъ свои части солдатъ, запрудившихъ всѣ станціи и полустанки Московско-Курской дороги, выѣзжавшихъ изъ Москвы съ

первыми попадавшимися товарными составами, и слѣзавшихъ съ этихъ составовъ на промежуточныхъ станціяхъ, въ надеждѣ прицѣпиться къ обгонявшимъ ихъ пассажирскимъ поѣздамъ.

Мы при всемъ нашемъ желаніи не могли пускать ихъ въ свой вагонъ: во-первыхъ, онъ считался вагономъ съ казеннымъ грузомъ «особой важности», а во-вторыхъ, мы везли массу цѣннаго имущества, которое навѣрняка было-бы моментально расхищено этой, озвѣрѣвшей и потерявшей всякое понятіе о неприкосновенности казеннаго, общественнаго или частнаго имущества, толпой.

Пришлось на каждой остановкѣ выставлять по обѣимъ сторонамъ вагона часовыхъ съ заряженными винтовками и только ихъ рѣшительный видъ спасалъ нашъ вагонъ отъ насильственнаго захвата.

Мы вздохнули съ облегченіемъ, когда въ Орлѣ нашъ вагонъ отцѣпили отъ Курскаго почтоваго поѣзда и прицѣпили къ товаро-пассажирскому составу Орлово-Грязинской линіи. Первая волна демобилизованныхъ уже прокатилась по этой линіи, а слѣдующая за ней, успѣвшая уже доехать до главныхъ магистралей, не вышла еще на боковыя желѣзно-дорожныя вѣтки.

Уже въ Ельцѣ мы почувствовали разницу между начинавшей голодать столицей и вполнѣ обеспеченной продуктами юго-восточной провинціей.

Въ Ельцѣ въ вокзальныхъ ларькахъ можно было достать въ неограниченномъ количествѣ хлѣба, сала и колбасъ. Въ Грязяхъ на большомъ базарѣ, расположенномъ близъ станціи, было еще больше всякаго рода продуктовъ, а когда мы пріѣхали въ Царицынъ, то наши кооператоры были поражены обиліемъ и дешевизной муки, хлѣба, сала, рыбы и прочаго добра. Въ Царицынѣ мы закупили на всякій случай десять мѣшковъ прекрасной крупчатки, такъ какъ знали, что на Черноморскомъ побережьѣ продовольственный вопросъ, ввиду плохого сообщенія съ Кубанью, становился съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе неудовлетворительнымъ.

На станціи «Зимовники» (между Царицыномъ и Тихорѣцкой) мы впервые узнали о происходящихъ на Дону событіяхъ. Въ Петроградѣ и Москвѣ носились лишь неопредѣленные слухи о томъ, что Калединъ, Алексѣевъ и Корниловъ формируютъ какую-то армію, опираясь на которую хотятъ преградить распространеніе большевизма въ казачьихъ областяхъ. Казенныя большевистскія газеты старательно умалчивали объ этомъ и только посвященные въ правительственныя тайны «Смольнаго» — были въ курсѣ этихъ событій. Несмотря на то, что нѣкоторые наши случайные собесѣдники, съ которыми пришлось разговаривать по дорогѣ до Тихорѣцкой, возлагали большія надежды на успѣхъ Каледина и Корнилова, мы, присмотрѣвшись въ пути къ настроеніямъ Донскихъ казаковъ, сомнѣвались въ томъ, что эти генералы смогутъ дать отпоръ большевизму. Главнымъ орудіемъ большевиковъ была, конечно, не та безшабашная вольница, называвшая себя «красной гвардіей», но та безпринципная демагогія, благодаря которой имъ такъ легко удалось разложить армію и въ томъ числѣ фронтовыхъ казаковъ. И дѣйствительно — пріѣхавъ на станцію «Торговую», мы узнали одновременно и о самоубійствѣ Каледина, и объ оставленіи Ростова Корниловымъ.

На этой-же станціи насъ предупредили о занявшемъ Тихорѣцкую «соловьѣ-разбойникѣ» — большевистскомъ главковерхѣ Автономовѣ.

Главковерхъ этотъ, по рассказамъ вырвавшихся изъ его гнѣзда, не признавалъ никакой власти, обыскивалъ всѣ поѣзда и отбиралъ у пассажировъ деньги и цѣнное имущество. Точно также онъ грабилъ и казенные грузы, а

въ особенности охотился за «банковскими вагонами» и казенными суммами, въ большомъ количествѣ переправляемыми въ то время изъ Петрограда для удовлетворенія демобилизуемыхъ частей Кавказскаго фронта.

Эти извѣстія сильно обезпокоили насъ. Ничего до сихъ поръ не зная о «Тихорѣцкой заставѣ» и для того, чтобы на узловой станціи Тихорѣцкой не задержали-бы дальнѣйшее отправленіе нашего вагона, я имѣлъ неосторожность дать изъ Царицына телеграмму начальнику станціи и коменданту съ увѣдомленіемъ, что съ поѣздомъ такимъ-то слѣдуетъ банковскій вагонъ «особаго назначенія» № 1657, который необходимо отправить далѣе на Армавиръ съ первымъ-же отходящимъ по этому направленію поѣздомъ. Посылку такихъ телеграммъ мы начали практиковать еще съ Орла и благодаря имъ нашъ вагонъ не задерживался ни на одномъ узловомъ пунктѣ.

На этотъ разъ мы опасались, что телеграмма будетъ имѣть роковыя послѣдствія, что и оказалось на самомъ дѣлѣ.

Какъ только поѣздъ нашъ подошелъ къ Тихорѣцкой, къ намъ явился вооруженный съ ногъ до головы комендантъ станціи и попросилъ меня слѣдовать за нимъ къ «товарищу Автономову».

Главковерхъ помѣщался здѣсь-же на станціи въ роскошномъ салонѣ-вагонѣ.

Меня встрѣтилъ изящный молодой человѣкъ, любезно предложившій стаканъ чаю и немедленно приступившій къ «дѣлу».

— Я знаю, что вы везете нѣсколько милліоновъ рублей для Черноморской дороги, заявилъ онъ: я не спорю, что деньги эти очень нужны для расплаты съ рабочими и для другихъ цѣлей, но мнѣ деньги также очень нужны. Вы какъ нибудъ сможете потерпѣть и обойдетесь тѣми средствами, которыя имѣются на мѣстѣ, а я долженъ содержать свою армію и вести войну съ бандами Корнилова, наводнившими Сальскій отдѣлъ и сѣверную Кубань. Поэтому, какъ мнѣ это ни непріятно, но я долженъ потребовать отъ васъ передачи моему штабу всѣхъ имѣющихся въ вашемъ вагонѣ денегъ.

Я не зналъ, что отвѣтить любезному главковерху. Признаться, что у меня никакихъ милліоновъ съ собой нѣтъ — было абсолютно невозможно: прежде всего Автономовъ-бы мнѣ не повѣрилъ, приказалъ-бы обыскать вагонъ, а это могло кончиться весьма для насъ печально. До сихъ поръ, во время многочисленныхъ обысковъ и повѣрокъ документовъ, насъ спасали удостовѣренія комиссара государственнаго банка, въ которыхъ нашъ вагонъ именовался «вагономъ особаго назначенія». Поэтому насъ не обыскивали и ни у кого изъ пассажировъ «вагона особаго назначенія» документовъ не спрашивали. Теперь, при обыскѣ, красногвардейцы Автономова наткнулись-бы несомнѣнно на ящики съ патронами, на винтовки и обнаружили-бы, что среди насъ находятся три офицера, которыхъ ввиду формировація Добровольческой арміи, тщательно разыскивали по всѣмъ дорогамъ, снимали съ поѣздовъ и моментально «выводили въ расходъ». Обыскъ кончился-бы, безъ всякихъ сомнѣній, поголовнымъ разстрѣломъ всего нашего «вагона особаго назначенія».

Взвѣсивъ все это, я рѣшился пуститься на хитрость и началъ торговаться съ «соловьемъ-разбойникомъ». Послѣ продолжительной торговли Автономовъ согласился взять только половину моихъ «милліоновъ», и мы условились, что ввиду поздняго времени — деньги будутъ ему переданы на слѣдующее утро.

Вернувшись въ свой вагонъ, я собралъ «военный совѣтъ» и передалъ товарищамъ по несчастію весь разговоръ съ Автономовымъ. Мои товарищи

были смущены создавшимся положениемъ и мы долго ломали себѣ головы, стараясь придумать какой-нибудь выходъ.

Къ счастью кому-то пришла въ голову блестящая мысль: попытаться при помощи взятки прицепить нашъ вагонъ къ какому-либо поѣзду, отходящему на Армавиръ или на Царицынъ. Если-бы намъ удалось отѣхать хотя-бы на двѣ-три станціи отъ Тихорѣцкой — мы могли считать себя въ полной безопасности, ибо власть Автономова распространялась лишь на Тихорѣцкую и ближайшія къ ней сосѣднія станціи.

Планъ этотъ увѣнчался блестящимъ успѣхомъ. За сто рублей дежурный составитель прицепилъ нашъ вагонъ къ маневровому паровозу, а затѣмъ, путешествовавъ съ поль-часть по запаснымъ путямъ, мы оказались прицепленными къ хвосту товарнаго поѣзда, немедленно-же отошедшаго на станцію Кавказскую.

Опасаясь все-таки оставаться въ Кавказской (70 верстъ отъ Тихорѣцкой), мы за новую взятку всего въ 25 рублей, добились включенія нашего вагона въ отправлявшійся въ сторону Армавира рабочій поѣздъ и къ утру слѣдующаго дня чувствовали себя въ полной безопасности, прибывъ въ Армавиръ, отстоящій уже въ 140 верстахъ отъ «соловья-разбойника».

Теперь мы считали себя почти добравшимися до дому: оставалось лишь проѣхать перегонъ въ 250 верстъ отъ Армавира до Туапсе, гдѣ можно было получить одинъ или два грузовика, на которыхъ мы могли-бы въ нѣсколько часовъ добраться до Сочи.

Однако, судьба-злодѣйка и на этотъ разъ зло подшутила надъ нами: добравшись почти до конечнаго пункта, намъ пришлось неожиданно повернуть обратно и совершить новое чуть-ли не кругосвѣтное путешествіе, затянувшееся на цѣлыхъ три недѣли...

Дѣло произошло слѣдующимъ образомъ...

Мы приѣхали въ Армавиръ въ семь часовъ утра. Поѣздъ на Туапсе отходилъ по расписанію только вечеромъ. Дежурный по станціи, которому я предъявилъ наши документы, распорядился отвести нашъ вагонъ на запасный путь и приказалъ составителю прицепить его къ вечернему Туапсинскому поѣзду. Мы отдыхали отъ пережитыхъ въ Тихорѣцкой волненій, пили чай и истребляли въ неизмеримомъ количествѣ вкусные мягкіе Армавирскіе бублики.

По заведенному во время дороги порядку одинъ изъ кооператоровъ стоялъ съ винтовкой у дверей вагона. Вдругъ мы услышали громкій разговоръ, перешедшій вскорѣ въ ругань и угрозы. Я вышелъ къ часовому и столкнулся съ цѣлымъ отрядомъ красногвардейцевъ, окружившихъ нашъ вагонъ.

— Кто вы такіе и куда ѣдете, грубо окликнулъ меня старшій изъ красногвардейцевъ.

Я въ свою очередь спросилъ, съ кѣмъ имѣю дѣло?

— Я помощникъ коменданта станціи и долженъ по приказу революціоннаго комитета обыскать вашъ вагонъ.

— Нашъ вагонъ — особаго назначенія и слѣдуетъ по распоряженію Совѣта Народныхъ Комиссаровъ съ казеннымъ имуществомъ въ Сочи. Никакому обыску вагонъ этотъ не подлежитъ, и мы не имѣемъ права впускать въ него никого изъ постороннихъ, даже коменданта станціи, отвѣтилъ я рѣшительнымъ тономъ.

— Предъявите ваши документы.

— Документы я могу показать только предсѣдателю революціоннаго комитета.

— А почему у васъ въ вагонѣ вооруженные люди?

— Потому, что у меня съ собой конвой въ 20 человѣкъ.

Въ результатѣ пришлось пойти къ коменданту, а отъ него къ предсѣдателю Армавирскаго революціоннаго комитета.

Ознакомившись съ имѣвшимися у меня документами, предсѣдатель комитета, оказавшійся весьма культурнымъ человѣкомъ — незадолго до войны вернувшимся изъ Америки рабочимъ, сталъ извиняться за грубое съ нами обращеніе коменданта станціи и его помощника.

— Ничего не подѣлаешь, сами знаете, какое мы переживаемъ время! Вотъ, напримѣръ, не далѣе, какъ вчера произошелъ такой случай: прибылъ къ намъ изъ Тихорѣцкой вагонъ съ 25-ю демобилизованными. Коменданту онъ показался подозрительнымъ. Послали обыскать, а пассажиры вагона заартачились: не позволимъ обыскивать и не желаемъ предъявлять документовъ! Пришлось применить силу, и что-же оказалось: это фхала компанія офицеровъ, везли они съ собой массу оружія, пулеметы и прочее. Ну, конечно, пришлось ихъ всѣхъ «вывести въ расходъ»...

Я поспѣшилъ какъ можно скорѣе распрощаться съ этимъ «культурнымъ американцемъ».

— А какъ-же вы думаете доѣхать до Туапсе, остановилъ меня американецъ.

— Конечно, по желѣзной дорогѣ.

— Ну, знаете-ли, это очень большой рискъ. Если-бы вы не везли съ собой цѣннаго казеннаго груза, я пожалуй не считалъ-бы себя въ правѣ задерживать васъ, но такъ какъ при васъ находятся большія совѣтскія суммы — я долженъ отправить вашъ вагонъ обратно въ Тихорѣцкую.

—Этого еще не хватало, подумалъ я: только-что вырвавшись отъ Автонома — и вдругъ снова попасть къ нему въ лапы!

— Но чѣмъ-же вызвано такое ваше рѣшеніе, съ безпокойствомъ спросилъ я предсѣдателя ревкома.

— Дѣло въ томъ, что близъ Курганной (станція въ 60 верстахъ отъ Армавира) появился какой-то отрядъ возставшихъ противъ насъ казаковъ, совершающій періодическія нападенія на поѣзда. Мы не имѣемъ возможности ликвидировать этотъ отрядъ, такъ какъ находящаяся въ семи верстахъ отъ Армавира станція Прочноокопская также возстала. Прочноокопскіе казаки имѣютъ двѣ пушки и намѣреваются напасть на Армавиръ. Всѣ наши силы направлены противъ нихъ и съ минуты на минуту можно ожидать начала боя подъ самымъ городомъ.

— Въ такомъ случаѣ — оставьте нашъ вагонъ временно въ Армавирѣ.

— Не имѣю права сдѣлать это, такъ какъ я уже приказалъ эвакуировать все цѣнное имущество со станціи. Я сейчасъ распоряжусь по телефону и вашъ вагонъ будетъ немедленно отправленъ въ Тихорѣцкую, гдѣ положеніе вполне надежное.

Никакіе уговоры не дѣйствовали на американца, и распоряженіе объ отправкѣ нашего вагона въ Тихорѣцкую было сдѣлано.

Мы совсѣмъ приуныли и считали себя на этотъ разъ уже опредѣленно погибшими.

Но, обсудивъ создавшееся положеніе, мы все-таки рѣшили попытаться какъ нибудь вывернуться. Рѣшили снова прибѣгнуть къ магическому дѣйствию сторублевыхъ бумажекъ.

Намъ повезло. Въ Тихорѣцкую мы прибыли поздно ночью и приѣздъ нашъ никѣмъ изъ помощниковъ Автонома замѣченъ не былъ, тѣмъ болѣе, что

поѣздъ нашъ остановился на отдаленномъ отъ станціи запасномъ пути. Мы тотчасъ принялись за поиски составителей и стрѣлочниковъ. Вскорѣ одинъ изъ товарищей привелъ въ вагонъ составителя. Я объяснилъ ему, что намъ необходимо сейчасъ-же ѣхать въ Царицынъ. Очевидно составитель смекнулъ, что мы хотимъ проскочить черезъ Автономовскую заставу и поэтому заломилъ за прицѣпку къ отходящему черезъ часъ Царицынскому поѣзду тысячу рублей. Какъ мы съ нимъ ни торговались, но въ концѣ концовъ пришлось согласиться, да еще заплатить 150 рублей какимъ-то стрѣлочникамъ и смазчикамъ.

Однако — мы все-таки были несказанно счастливы, когда черезъ часъ товарный поѣздъ, къ которому прицѣпили нашъ вагонъ, миновалъ выходную стрѣлку Тихорѣцкой и сталъ медленно удаляться въ сторону Царицына.

VI

Такимъ образомъ, находясь всего въ какихъ-нибудь 300-хъ верстахъ отъ Сочи, мы черезъ три дня очутились снова въ Царицынѣ, откуда предполагали ѣхать черезъ Лихую на Синельниково — Севастополь.

Наученные примѣромъ съ главковерхомъ Автономовымъ и не будучи увѣренными, что на нашемъ пути не встрѣтятся еще другіе главковерхи, мы никакихъ телеграммъ начальникамъ узловыхъ станцій больше не посылали. Поэтому вагонъ нашъ задержался въ Царицынѣ на цѣлыя сутки и только благодаря новой взяткѣ его на слѣдующій день прицѣпили къ товаро-пассажирскому поѣзду, отходившему въ Лихую.

Вечеромъ мы благополучно добрались до станціи Бѣлая Калитва, гдѣ насъ ожидалъ очередной сюрпризъ.

— Вылѣзай всѣ изъ вагоновъ, дальше поѣздъ не пойдетъ, прокричалъ подъ окнами вагона кондукторъ.

Начальникъ станціи сообщилъ намъ, что между Бѣлой Калитвой и Лихой — образовался «фронтъ»: отступавшіе откуда-то Калединцы вышли на желѣзнодорожную линію и находятся въ 20-ти верстахъ отъ Калитвы. Находящійся на станціи Звѣрево большевистскій командармъ Саблинъ отдалъ телеграфное распоряженіе задерживать всѣ поѣзда въ Бѣлой Калитвѣ и направлять ихъ обратно въ Царицынъ.

— Неужели-же намъ придется возвращаться въ Орель, съ отчаяніемъ подумалъ я.

Но въ это время застучалъ телеграфный аппаратъ, передавшій изъ Лихой новое распоряженіе «командарма» — немедленно выслать въ Звѣрево паровозъ подъ какой-то красногвардейскій эшелонъ.

— Значить путь до Лихой еще не прерванъ, спросилъ я у начальника станціи.

— Пока еще нѣтъ, но черезъ нѣсколько часовъ, пожалуй, никакого сообщенія съ Лихой уже не будетъ.

Я попросилъ его соединить меня по прямому проводу съ комендантомъ станціи Лихая и добился разрѣшенія прицѣпить нашъ вагонъ «особаго назначенія» къ вызываемому Саблинымъ изъ Калитвы паровозу.

Черезъ нѣсколько минутъ мы понеслись со скоростью курьерскаго поѣзда, рискуя на каждомъ шагѣ наткнуться на разобранный Калединцами путь и вдребезги разбиться подъ какимъ-нибудь откосомъ.

Однако, все обошлось благополучно и только, доѣхавъ до Лихой, мы узнали, что черезъ часъ, послѣ нашего отправленія изъ Калитвы, казаки разобрали путь въ 30 верстахъ отъ этой станціи и прервали желѣзнодорожное сообщеніе.

Въ Лихой комендантъ станціи, проникнувшись уваженіемъ къ моему мандату и кипѣ различныхъ удостовѣреній, далъ намъ снова паровозъ, доставившій насъ до Звѣрево.

Здѣсь намъ пришлось порядочно помыкаться, прежде чѣмъ посчастливилось двинуться дальше.

Никакого сообщенія ни въ сторону Ростова, ни въ сторону Харькова, ввиду образовавшихся многочисленныхъ «фронтовъ» не было. Начальникъ станціи заявилъ, что намъ придется въ лучшемъ случаѣ просидѣть въ Звѣревѣ три-четыре дня.

— У меня имѣется всего на всего одинъ паровозъ, да и тотъ занятъ подъ поѣздомъ командующаго арміей, который черезъ нѣсколько минутъ уходитъ въ Никитовку. Если это вамъ по пути — попросите у Саблина разрѣшенія прицѣпить вашъ вагонъ къ его поѣзду, а изъ Никитовки до Синельникова добратъся будетъ уже не трудно.

Я пошелъ къ командарму.

Командармъ Саблинъ оказался молоденькимъ, но очень надменнымъ и нахальнымъ прапорщикомъ.

— Съ экстренными поѣздами могутъ ѣздить только народные комиссары и командующіе совѣтскими арміями, отвѣтилъ онъ на мою просьбу прицѣпить нашъ вагонъ къ его поѣзду: такъ какъ вы не народный комиссаръ и не имѣете высокой чести командовать доблестными красными войсками — то ваше желаніе не осуществимо.

Убѣждать этого разважничавшагося и упоеннаго своимъ величіемъ господина было совершенно излишне.

Выйдя изъ салонъ вагона юнаго командарма я наткнулся на толпу митинговавшихъ красногвардейцевъ.

— Товарищи, надрывался изрядно подвыпившій «оратель»: мало попиту видно нѣшей кровушки при старомъ режимѣ, такъ теперь снова начинаютъ... Онъ думаетъ, что коль онъ командармъ, то можетъ по старорежимному поступать съ нами?

— Правильно, товарищи, вынесемъ резолюцію, чтобъ въ сей моментъ было бы выдано жалованье, а иначе не выпустимъ Саблина!

Прислушавшись къ рѣчамъ, я понялъ, что дѣло идетъ о жалованьѣ, которое не было во время уплачено красногвардейцамъ.

Одѣтый въ потрепанную шинель, безъ погонъ и безъ кокарды, я ничѣмъ не отличался съ виду отъ другихъ красноармейцевъ, почему также вмѣшался въ ихъ толпу и принялъ участіе въ митинговкѣ.

— Намъ тоже, товарищи, второй мѣсяць не платятъ жалованья, заявилъ я возбужденнымъ красногвардейцамъ. Видно придется ѣхать въ Никитовку къ самому Антонову, иначе ничего не добьемся.

— Правильно, товарищи, выбирай делегатовъ ѣхать къ Антонову!

Такъ какъ на станціи имѣлся всего лишь одинъ паровозъ Саблина, то выбранные на митингъ делегаты рѣшили отцѣпить его отъ поѣзда командующаго арміей и сейчасъ-же ѣхать на немъ въ Никитовку. Я попросилъ ихъ прицѣпить къ паровозу и нашъ вагонъ, такъ какъ намъ также необходимо видѣть

Антонова и потребовать отъ него уплаты жалованія. Делегаты, конечно, согласились.

Красногвардейцы отцѣпили паровозъ Саблина, мы прицѣпили къ нему нашъ вагонъ, раздался свистокъ и — доблестный командармъ остался въ Звѣревѣ, а простые смертные, не имѣвшіе счастья командовать совѣтскими арміями, покатили въ экстренномъ поѣздѣ!

Передъ нашимъ отъѣздомъ оставшіеся въ Звѣревѣ красноармейцы заставили начальника станціи дать телеграмму по линіи — нигдѣ не задерживать нашего экстреннаго поѣзда. Поэтому мы неслись съ бѣшенною скоростью, не останавливаясь ни на одной промежуточной станціи.

Верстахъ въ 50-ти отъ Никитовки, на какой-то большой узловой станціи, паровозъ нашъ вынужденъ былъ остановиться, чтобы набрать воды. Здѣсь мы увидѣли нѣсколько товарныхъ поѣздовъ и узнали отъ начальника станціи, что одинъ изъ нихъ идетъ въ Синельниково. Бѣжать въ Никитовку, гдѣ могли произойти какія-нибудь непріятности съ главверхомъ Антоновымъ, намъ совершенно не улыбалось. Поэтому мы заявили нашимъ спутникамъ, что очень благодарны имъ за компанію, но дальше съ ними не поѣдемъ, такъ какъ должны подождать приѣзда выѣхавшихъ вслѣдъ за нами изъ Лихой товарищей. Они стали просить насъ не разстраивать компаніи, но затѣмъ махнули на насъ рукой, выругались на прощаніе и помчались дальше. Мы же прицѣпились къ товарному поѣзду и двинулись по направленію къ Синельниково.

На станціи Чаплино намъ повстрѣчались какіе-то эшелоны, поманившіе насъ столь необычайной въ то время дисциплинированностью и порядкомъ.

Оказалось, что это чехо-словацкіе полки, которые послѣ заключенія Брестъ-Литовскаго мира спѣшно отправлялись въ Сибирь, не желая оставаться на Украинѣ, которую начали занимать ихъ заклятые враги и бывшіе властители — австрійцы.

Безъ особыхъ приключеній добрались мы до станціи Синельниково Екатерининской жел. дороги. Вагонъ нашъ долженъ былъ быть переданъ на станцію Синельниково Харьковско-Севастопольской дороги. Начальникъ станціи сказалъ намъ, что по Севастопольской линіи ходитъ всего лишь одинъ поѣздъ въ сутки, къ которому мы уже сегодня опоздали, а поэтому насъ передадутъ на Севастопольскій вокзалъ только на слѣдующій день.

Во время стоянки въ Синельниковѣ, вагонъ нашъ обратилъ на себя вниманіе коменданта, пожелавшаго осмотрѣть его и провѣрить документы пассажировъ. На этотъ разъ мы позабыли выставить часового и комендантъ влѣзъ въ вагонъ «особаго назначенія». На наше счастье дѣло происходило уже вечеромъ, а свѣчей въ вагонѣ не было. Поэтому комендантъ не могъ рассмотреть нашъ грузъ особой важности и удовлетворился словесными разъясненіями и ознакомленіемъ съ моимъ мандатомъ, который онъ разобралъ при свѣтѣ карманнаго электрическаго фонарика. Его сильно озадачили два кузнечныхъ мѣха, торчавшихъ изъ подъ скамеекъ и онъ сталъ допытываться, что это за странные предметы?

— Это — балоны съ удушливыми глазами, предназначенные для борьбы съ ковтръ-революціонерами, нашелся кто-то изъ кооператоровъ.

Такое объясненіе вполне успокоило коменданта, проникшагося большимъ уваженіемъ и къ нашему вагону, и къ его пассажирамъ.

Но несмотря на такое уваженіе со стороны коменданта, вагонъ нашъ продолжалъ оставаться безъ движенія. Мы неоднократно ходили къ начальнику станціи и просили его передать насъ на Синельниково Севастопольской дороги,

такъ какъ боялись опоздать къ Севастопольскому поѣзду. Начальникъ станціи отговаривался неимѣніемъ паровоза, который на самомъ дѣлѣ стоялъ у него на станціи подъ парами.

Севастопольскій вокзалъ находился отъ насъ всего въ 2-хъ верстахъ.

Такъ-какъ мои спутники за время нашего длиннаго путешествія успѣли порядочно обнаглѣть и набраться храбрости, послѣ всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ передѣлокъ, въ которыя мы попадали, то они рѣшили доставить вагонъ на другой вокзалъ своими силами, не дожидаясь, когда начальнику станціи заблагоразсудится дать намъ паровозъ. Принявъ такое рѣшеніе и протрубивъ на имѣвшемся у насъ корнетъ-а-пистонѣ кавалерійскій сигналъ, мы дружными усиліями сдвинули вагонъ съ мѣста и покатали его со станціи.

Поднялась суматоха, раздались свистки составителей и сдѣлщиковъ и къ намъ вдогонку помчался самъ начальникъ станціи.

— Остановитесь, что вы дѣлаете, куда вы катите вагонъ?

— Мы ѣдемъ на другой вокзалъ, такъ-какъ вашего паровоза видно не дождемся до будущаго года, отвѣчали мы ему со смѣхомъ.

— Что вы, съ ума сошли, что-ли: развѣ можно катить вагонъ на рукахъ цѣлый перегонъ, не получивши даже путевой?

— Это наше дѣло, вагонъ — нашъ, что хотимъ, то съ нимъ и дѣлаемъ: хотимъ — стоимъ, хотимъ — ѣдемъ.

Въ концѣ концовъ, перепуганный такой рѣшительностью пассажировъ «вагона особаго назначенія», начальникъ станціи обѣщалъ немедленно дать паровозъ и доставить насъ на Севастопольскую дорогу. И дѣйствительно — черезъ пять минутъ паровозъ былъ поданъ и мы во время поспѣли къ Севастопольскому поѣзду.

Въ Джанкоѣ мы снова рѣшили измѣнить свой маршрутъ, такъ-какъ узнали, что въ Севастополѣ происходятъ какіе-то безпорядки и намъ очень не хотѣлось попасть въ новую кашу и задержаться на нѣсколько дней въ этомъ безпокойномъ городѣ. Поэтому мы поѣхали въ Феодосію.

Здѣсь намъ пришлось прождать цѣлую недѣлю, пока, наконецъ, послѣ долгихъ препирательствъ съ мѣстнымъ исполкомомъ и начальникомъ порта, не удалось получить въ свое распоряженіе парохода, который долженъ былъ насъ доставить въ Туапсе.

Въ день нашего отъѣзда изъ Феодосіи мы присутствовали при торжественной встрѣчѣ перваго транспорта съ плѣнными солдатами, возвращавшимися изъ Турціи. Они прибыли на турецкомъ пароходѣ, конвоируемомъ турецкимъ миноносцемъ и встрѣченнымъ въ морѣ двумя нашими миноносцами. Весь городъ собрался въ порту, и подошедшій пароходъ съ плѣнными былъ встрѣченъ музыкой и криками «ура» собравшихся.

Въ Новороссійскѣ намъ пришлось пересѣсть на другой пароходъ, шедшій въ Батумъ съ какой-то вновь сформированной армянской дружиной.

Дружина эта состояла изъ необученной армянской молодежи, настроенной весьма воинственно и обѣщавшей на словахъ перебить всѣхъ турокъ, занявшихъ къ тому времени большую часть Русской Арменіи.

Передъ отходомъ нашего парохода изъ Новороссійска, портовые власти предупредили капитана, чтобы онъ держался поближе къ берегу и шель съ потушенными огнями, такъ-какъ появившіяся въ морѣ турецкія подводныя лодки, не нападавшія на русскія суда, освѣдомлены о перевозкѣ въ Батумъ армянскихъ

дружины и не преминуть доставить себѣ удовольствіе — пустить ко дну транспортъ, перевозящій ихъ вѣковѣчныхъ враговъ.

Ночь прошла тревожно. Военскій пылъ армянъ-дружинниковъ угасъ и проявился вновь лишь по прибытіи въ Туапсе.

Въ Туапсе мы погрузились на моторную шхуну и уже безъ всякихъ дальнѣйшихъ приключеній, на 34-й день послѣ выѣзда изъ Петрограда, добрались, наконецъ, до Сочи, куда мы прибыли 1-го Марта (по ст. ст) 1918 года, то-есть въ день празднованія годовщины Россійской революціи.

VII

За время моего отсутствія жизнь въ Сочи мало измѣнилась. Собравшійся въ февралѣ окружной крестьянскій съѣздъ отнесся довольно поверхностно къ политическимъ событіямъ и интересовался больше продовольственнымъ вопросомъ. Послѣ съѣзда нѣсколько представителей крестьянства вошли въ составъ окружного исполкома, но послѣдній не проявлялъ никакой активности, передавъ всѣ административныя функціи революціонному комитету, предсѣдателемъ котораго былъ избранъ солдатъ 20-го жел. дор. баталіона Пирожковъ.

Этотъ Пирожковъ выставялъ себя убѣжденнымъ коммунистомъ и весьма опытнымъ администраторомъ и очень добивался избранія въ предсѣдателя ревкома. Прошлой его дѣятельностью интересовались очень мало и, такъ-какъ никому изъ членовъ окружного исполкома не хотѣлось занимать этого безпокойнаго поста, то избраніе Пирожкова состоялось единогласно.

Пирожковъ сразу сталъ проявлять свои блестящія административныя способности, выразившіяся главнымъ образомъ въ личномъ вмѣшательствѣ «предревкома» во всѣ уличныя драки и базарныя ссоры. Впослѣдствіи выяснилось, что у Пирожкова былъ солидный административный стажъ, такъ-какъ онъ до революціи былъ околоточнымъ надзирателемъ, а въ партію большевиковъ вступилъ послѣ того, какъ его вмѣстѣ съ другими чинами полиціи и жандармеріи мобилизовали и послали въ войсковую часть.

Другимъ членомъ ревкома являлся ближайшій начальникъ Пирожкова — его баталіонный командиръ полковникъ Козловъ, сдѣлавшій довольно странную карьеру и проскочившій въ командиры желѣзно-дорожнаго баталіона изъ смотрителей интендантскаго магазина. Впрочемъ — полковникъ Козловъ былъ очень милымъ человекомъ, умѣвшимъ великолѣпно ладить и съ большевиками, и съ крайними черносотенцами. Послѣ приказа о снятіи погонь, онъ днемъ ходилъ въ штатскомъ пиджакѣ и въ такомъ видѣ появлялся въ городѣ и различныхъ учрежденіяхъ, а по вечерамъ приходилъ въ казино гостиницы «Кавказская Ривьера», гдѣ собиралась вся фешенебельная публика, въ кителѣ, полковничьихъ погонахъ и съ орденомъ на шеѣ.

Вся курортная публика, пріѣхавшая на лѣто изъ Петрограда и Москвы, не рѣшилась послѣ октябрьскаго переворота возвращаться въ столицы и осталась въ Сочи, гдѣ не было никакихъ эксцессовъ и жилось, сравнительно съ другими городами, очень спокойно.

Въ Сочи можно было встрѣтить представителей самаго разнообразнаго общества, бывшихъ министровъ, губернаторовъ, генераловъ, офицеровъ, жандармовъ, начиная съ бывшаго премьера Горемыкина и кончая Варшавскимъ оберъ-

полиціимейстеромъ Галле и извѣстнымъ охранникомъ — жандармскимъ полковникомъ Казариновымъ. Всѣ они находились на свободѣ, никѣмъ не преслѣдовались и жили совершенно спокойно, ничѣмъ не отличаясь отъ другихъ обывателей.

Горемыкинъ жилъ за-городомъ на дачѣ и въ Январѣ мѣсяцѣ былъ убитъ съ цѣлью ограбленія какими-то неизвѣстными бандитами, арестованными вскорѣ послѣ убійства и въ свою очередь убитыми на базарѣ разъяренной толпой, расправившейся съ ними самосудомъ.

Въ первый-же вечеръ, послѣ возвращенія въ Сочи, мнѣ пришлось улаживать инцидентъ, происшедшій съ председателемъ ревкома Пирожковымъ.

Послѣ торжественнаго празднованія годовщины революціи, Пирожковъ отправился пьянствовать въ какой-то духанъ, послѣ чего вздумалъ покуражиться и проявить свою председательскую власть. Онъ явился на гауптвахту и началъ экзаменовать стоявшаго на посту красноармейца.

— Ты знаешь, кто я такой, обратился онъ заплетающимся языкомъ къ часовому.

Узнавъ отъ часового, что онъ — председатель ревкома, Пирожковъ потребовалъ отъ него винтовку.

Часовой винтовки ему не отдалъ.

— Ахъ ты, такой-сякой, закричалъ Пирожковъ. Ты развѣ не знаешь, что при старомъ режимѣ часовой могъ отдать винтовку царю? А теперь — я все равно, что царь, и ты долженъ мнѣ, разъ я приказываю, отдать винтовку.

Такъ какъ часовой не соглашался уравнивать Пирожкова въ правахъ съ царемъ, обиженный председатель ударилъ его кулакомъ по лицу. Сбѣжались другіе красноармейцы, связали расходившагося Пирожкова и подъ конвоемъ доставили его въ революціонный комитетъ.

Послѣ этого происшествія въ казармѣ состоялся митингъ, вынесшій резолюцію о смѣщеніи Пирожкова съ должности председателя и преданіи его суду.

Такъ-какъ я продолжалъ еще числиться председателемъ совѣта, то революціонный комитетъ просилъ меня немедленно прибыть въ комитетъ и помочь уладить скандалъ.

Приѣхавъ въ комитетъ, я увидѣлъ отрезвившагося Пирожкова, который рыдалъ, просилъ прощенія и умолялъ членовъ комитета не выдавать его красноармейцамъ, которые угрожаютъ немедленно его разстрѣлять.

Я сказалъ столпившимся у зданія ревкома красноармейцамъ, что поступокъ Пирожкова будетъ поставленъ на обсужденіе совѣта и просилъ ихъ разойтись и спокойно ожидать рѣшенія совѣта. Красноармейцы послушались меня, и скандалъ окончился сравнительно благополучно.

На слѣдующій день состоялось засѣданіе совѣта, постановившаго уволить Пирожкова отъ обязанностей председателя ревкома. На этомъ-же засѣданіи я сдѣлалъ докладъ о моей поѣздкѣ (деньги для Черноморской дороги были доставлены изъ Севастополя за недѣлю до моего возвращенія) и сложилъ съ себя обязанности председателя совѣта.

Послѣ этого я могъ всецѣло отдаться нашему кооперативу, приступившему къ разработкѣ переданнаго намъ участка.

Въ теченіи мѣсяца мы оборудовали и пустили въ ходъ мастерскія, вскопали и засѣяли нѣсколько десятинъ подъ огородъ и кукурузу, завели маленькую ферму и приступили къ самой трудной работѣ — расчисткѣ участка отъ лѣса и кустарника.

Кооператоры наши жили дружно, съ увлеченіемъ отдавались работѣ и, казалось, совершенно забыли о всякой политикѣ.

Между тѣмъ въ сосѣдней съ нами Кубани происходили важныя событія.

Еще въ концѣ января большевики заняли Екатеринодаръ и установили совѣтскую власть на всемъ Сѣверномъ Кавказѣ. Отдѣльные отряды непризнавшихъ совѣтской власти казаковъ производили періодическіе налеты то на одну, то на другую станицу, причиняя большевикамъ постоянное безпокойство.

Въ февралѣ добровольческая армія генерала Корнилова, вынужденная оставить Ростовъ, совершила свой рейдъ по Кубани, окончившійся гибелью Корнилова и отступленіемъ на Донъ. Большевики праздновали побѣду, которая оказалась также не долговѣчной.

Отдѣлившіеся отъ арміи Корнилова отряды разсѣялись по всей Кубани, преслѣдовались большевиками и старались пробиться или на Донъ, или въ Закавказье.

Одинъ изъ такихъ отрядовъ подъ начальствомъ полковника Кузнецова ушелъ въ горную часть Майкопскаго отдѣла, откуда хотѣлъ выйти на Черноморское побережье и интернироваться въ Грузіи.

Въ то время большевики еще пользовались большимъ вліяніемъ и авторитетомъ среди демобилизованныхъ казаковъ и солдатъ, охотно поддерживавшихъ совѣтскую власть. До деревни большевики еще не добрались, и крестьяне, которыхъ новая власть не трогала, относились къ ней также безъ всякой вражды. Добровольцы, или «кадеты» (какъ ихъ называли казаки и крестьяне) ввиду произведенныхъ ими въ рядѣ деревень и станицъ насилій, грабежей и разстрѣловъ бывшихъ фронтовиковъ, пользовались, наоборотъ, очень скверной репутаціей. Благодаря этому большевикамъ удавалось очень легко выставять противъ «кадетъ» сильныя отряды изъ мѣстныхъ жителей, при помощи которыхъ они быстро ликвидировали отдѣльные Корниловскіе отряды. Во время такихъ «ликвидаций» — озлобленіе бывшихъ фронтовиковъ достигало чудовищныхъ размѣровъ. Плѣнные въ большинствѣ разстрѣливались на мѣстѣ, причемъ на Кубани бывали случаи, когда сыновья — фронтовики собственноручно разстрѣливали своихъ отцовъ, находившихся въ рядахъ «кадетовъ». Такую жестокость фронтовики объясняли примѣромъ добровольцевъ, которые первые начали примѣнять разстрѣлы и порку захваченныхъ въ плѣнъ красноармейцевъ и фронтовиковъ.

Поэтому когда въ Туапсинскомъ и Сочинскомъ округахъ узнали о движеніи отряда Кузнецова, все крестьянское населеніе стало на ноги.

Туапсинскій исполкомъ распространилъ воззванія, въ которыхъ предупреждалъ крестьянъ, и въ особенности вернувшихся въ деревни фронтовиковъ, о грядущей для нихъ, въ лицѣ отряда Кузнецова, опасности.

Черноморскіе крестьяне знали о «кадетахъ», лишь по наслышкѣ изъ рассказовъ побывавшихъ на Кубани очевидцевъ «ледяного похода». Въ этихъ рассказахъ добровольцы представлялись, какъ сторонники «старого режима», мстившіе солдатамъ за революцію и за оскорбленія офицеровъ и прочаго «начальства». Большевики въ свою очередь не жалѣли красокъ и рисовали крестьянамъ перспективы побѣды «кадетовъ».

Сочинскій исполкомъ выставилъ въ 30 верстахъ къ сѣверу отъ Сочи «фронтъ», чтобы преградить путь Кузнецову. На фронтъ были посланы всѣ наличныя силы Сочинскаго гарнизона — двѣ роты красноармейцевъ, батарея и отрядъ мѣстныхъ рабочихъ. Крестьяне — фронтовики окрестныхъ деревень

добровольно примкнули къ этимъ силамъ и стали поджидать выхода отряда Кузнецова на приморское шоссе.

Туапсинскій исполкомъ также выслалъ сильный отрядъ на границу Сочинскаго округа.

Не ожидавшій серьезнаго сопротивленія со стороны Сочинскихъ большевиковъ, полковникъ Кузнецовъ перевалилъ Кавказскій хребетъ и вышелъ на побережье у селенія Божьи Воды (въ 20 верстахъ къ сѣв. востоку отъ Лазаревки). Здѣсь отрядъ его былъ атакованъ съ двухъ сторонъ Сочинцами и Туапсинцами и послѣ ожесточенной рукопашной схватки почти цѣликомъ уничтоженъ. Большая часть отряда была перебита (среди убитыхъ оказался священникъ отряда), другая — успѣла бѣжать въ горы, а 65 человекъ были взяты въ плѣнъ и отведены въ Туапсе, откуда ихъ переправили въ Майкопскую тюрьму. Въ числѣ плѣнныхъ оказался и начальникъ отряда — полковникъ Кузнецовъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Кузнецовъ былъ почему-то освобожденъ изъ тюрьмы и на свое несчастье столкнулся въ Майкопѣ съ лидеромъ Сочинскихъ большевиковъ — Поярковымъ, принимавшимъ участіе въ его плѣненіи. По настоянію Пояркова Кузнецовъ былъ снова арестованъ и отправленъ въ Туапсе, гдѣ и былъ разстрѣлянъ по приказу политкома Грузинскаго фронта.

Вскорѣ послѣ ликвидаціи Кузнецовскаго фронта вниманіе Сѣверно-Кавказскихъ большевиковъ было обращено въ сторону объявившей себя самостоятельной республикой (26-го мая 1918 года) — Грузіи.

Между находившейся подъ властью большевиковъ Черноморской губерніей и вновь образовавшейся Грузинской республикой находилась Абхазія (Сухумскій округъ). Грузины считали, что Абхазія, входившая до революціи въ составъ Кутаисской губерніи, должна быть включена въ Грузію. На это у грузинъ имѣлись нѣкоторыя основанія, такъ-какъ большая часть населенія Сухумскаго округа состоитъ изъ грузинъ — мингрельцевъ. Большевики же сознавали, что занятіе грузинами Сухумскаго округа явится угрозой ихъ владычеству на Черноморьѣ. Поэтому они воспользовались національной ненавистью абхазцевъ къ грузинамъ и, при помощи довольно многочисленныхъ въ Сухумѣ русскихъ рабочихъ, объявили Абхазію — совѣтской республикой.

Во главѣ Абхазской республики былъ поставленъ ревкомъ изъ Сухумскихъ большевиковъ и абхазцевъ. Предсѣдателемъ ревкома оказался зажиточный абхазецъ — Ежба.

Такъ какъ грузины не примирились съ такимъ положеніемъ и стали готовиться къ походу для завоеванія Сухума и такъ-какъ у Сухумскихъ большевиковъ было очень мало войскъ, Ежба обратился къ Сочинскому, Туапсинскому и Екатеринодарскому совѣтамъ съ просьбой о поддержкѣ.

Кубанскіе большевики только-что приступили къ формированію Сѣверо-Кубанской красной арміи и всѣ ихъ, наличныя силы были стянуты къ границамъ Донской области, занятой нѣмцами и добровольцами. Поэтому Кубано-Черноморскій центральный исполкомъ предложилъ Туапсинскому и Сочинскому исполкомамъ придти на помощь Сухумцамъ.

Я забылъ упомянуть о томъ, что къ этому времени Сочинскій революціонный комитетъ самоупразднился и вся полнота власти перешла къ окружному исполкому. Изъ 9-ти членовъ исполкома было всего четыре большевика, остальные — были или безпартійные, или являлись членами партій соц.-рев. и меньшевиковъ. Вліяніе большевиковъ такимъ образомъ было очень слабымъ, что имъ конечно не удалось. Воспользовавшись событіями въ Сухумскомъ округѣ, мѣстные

Сочинскіе большевики постарались захватить власть въ свои руки. Для этой цѣли они добились приказа изъ Екатеринодара объ организаціи въ Сочи «Чрезвычайнаго штаба обороны Черноморскаго побережья», во главѣ котораго сталъ бывший «президентъ» Сочинской республики и лидеръ мѣстныхъ большевиковъ — Поярковъ.

Чрезвычайный штабъ объявилъ въ Сочинскомъ округѣ «чрезвычайно-осадное положеніе» и устранилъ исполкомъ отъ власти, которую и захватилъ въ свои руки.

Введенное Поярковымъ чрезвычайно-осадное положеніе выразилось въ рядѣ обысковъ и реквизицій, въ запрещеніи появляться на улицахъ послѣ 8 часовъ вечера и другихъ тому подобныхъ распоряженіяхъ.

Сочинскіе обыватели, которымъ больше всего не понравилось запрещеніе вечернихъ прогулокъ, стали роптать и называли введенное Поярковымъ положеніе «чрезвычайно-досаднымъ».

Черезъ нѣсколько дней штабъ былъ вынужденъ отмѣнить это распоряженіе, такъ какъ, несмотря на грозныя предостереженія Пояркова, Сочинцы по-прежнему съ наступленіемъ вечерней прохлады высыпали на улицы, ходили въ кинематографы и сидѣли по кофейнямъ и духанамъ. Красноармейскіе патрули не имѣли никакой возможности арестовывать всѣхъ неповинующихся приказу, ибо такими являлись почти всѣ жители города, и Поярковъ, дабы не уронить въ глазахъ народа престижъ новой власти, принужденъ былъ вскорѣ снять «чрезвычайно-досадное положеніе».

VIII

Помощь Сочинскихъ большевиковъ Сухумскому революціонному комитету вылилась главнымъ образомъ въ организаціи «Чрезвычайнаго штаба». Конечно такая помощь не могла удовлетворить сухумцевъ, которые просили поддержать ихъ живой силой — войсками, пушками и патронами. Но такой помощи сочинскій «чрезвычайный штабъ» оказать не могъ. Въ Сочи имѣлось всего двѣ роты красноармейцевъ и четырехъ-орудійная батарея, составлявшихъ единственную опору чрезвычайнаго штаба, опасавшагося, въ случаѣ ихъ отправки въ Сухумъ, остаться безъ всякой вооруженной силы.

Мобилизовать крестьянъ-фронтовиковъ и мѣстныхъ рабочихъ для войны съ грузинами штабъ не рѣшался по той причинѣ, что судьбы Сухумскаго округа совершенно не интересовали Сочинскихъ крестьянъ, а также и потому, что среди мѣстнаго населенія было около 10% грузинъ, большинство которыхъ являлись членами соц.-дем. партіи, а поэтому были хорошо организованы. Большевикскій штабъ боялся, какъ-бы мобилизованные и вооруженные имъ меньшевики-грузины не обратили въ рѣшительный моментъ выданное имъ большевиками оружіе противъ чрезвычайнаго штаба.

Тогда большевики рѣшили возбудить патріотизмъ населенія, воспользовавшись тѣмъ, что Грузинское правительство, опасавшееся нашествія турокъ въ Закавказьѣ, обратилось за помощью къ нѣмцамъ. Германскія войска стали уже прибывать въ Потю и Тифлисъ, и германскій флагъ развѣвался на молу и маякѣ Потійскаго порта. Воспользовавшись этимъ большевики стали распространять слухи о томъ, что германцы, нарушивъ Брестъ-Литовскій мирный договоръ, объявили вновь войну Россіи и хотятъ занять весь Кавказъ.

Такъ какъ нѣкоторыя мѣропріятія чрезвычайнаго Штаба стали вызывать недовольство населенія, и въ особенности крестьянъ, то отношенія между окружающимъ исполкомомъ и штабомъ сильно обострились. Какъ я уже говорилъ, въ исполкомѣ большинство голосовъ принадлежало умѣреннымъ социалистамъ и безпартийнымъ, и исполкомъ пользовался большимъ довѣріемъ населенія. Опираясь на такое довѣріе исполнительный комитетъ потребовалъ немедленнаго созыва окружнаго крестьянско-рабочаго съѣзда для разрѣшенія ряда спорныхъ вопросовъ и, въ томъ числѣ, мобилизаціи фронтовиковъ противъ герmano-турокъ, каковую большевики хотѣли провести помимо съѣзда.

Въ концѣ-концовъ, большевикамъ пришлось уступить и съѣздъ былъ созванъ.

У нашего кооператива завязались самыя лучшія взаимоотношенія съ окрестными крестьянами. Мы пустили въ ходъ слесарную и кузнечную мастерскія, какихъ въ ближайшихъ деревняхъ не было, и крестьяне ежедневно привозили намъ для починки всевозможные инструменты сельско-хозяйственнаго обихода, приводили ковать лошадей, отпускать (оттачивать) пилы и топоры. Они присмотрѣлись къ нашей работѣ, хвалили насъ и часто обращались за разными совѣтами.

Благодаря такой дружбѣ съ крестьянами, двое изъ членовъ нашего кооператива, въ томъ числѣ и я, были выбраны на съѣздъ делегатами отъ крестьянъ сосѣднихъ поселеній.

Съѣздъ былъ очень бурнымъ, делегаты напали на «Чрезвычайный штабъ», который, опасаясь дальнѣйшихъ волненій, сложилъ съ себя полномочія. Функціи штаба по рѣшенію съѣзда перешли къ военному отдѣлу окружнаго исполкома, которому съѣздъ поручилъ, въ случаѣ дѣйствительнаго наступленія германскихъ войскъ на Сѣв. Кавказъ — объявить общую мобилизацію населенія. Я былъ избранъ завѣдывать этимъ военнымъ отдѣломъ.

Во время съѣзда палъ Сухумъ. Грузины безъ особыхъ усилій разгромили неорганизованныя силы Сухумскаго революціоннаго комитета, которыя въ безпорядкѣ отступили къ Гаграмъ. Предсѣдатель Сухумскаго ревкома — Ежба — явился на съѣздъ и потребовалъ, во имя спасенія революціи, немедленнаго объявленія мобилизаціи Сочинскихъ крестьянъ и рабочихъ.

Мое выступленіе, въ которомъ я заявилъ сухумцамъ о нежеланіи крестьянъ воевать съ невѣдомымъ противникомъ и неизвѣстно за чьи интересы — вызвало негодованіе Ежбы, обрушившагося на меня съ обычной большевистской демагогіей и назвавшего меня контръ-революціонеромъ. Однако единодушная поддержка, которую оказала мнѣ крестьянская и часть рабочей секціи съѣзда, заставила сократиться Ежбу, рѣшившаго ѣхать искать помощи въ Екатеринодаръ и Москву.

Первымъ моимъ шагомъ въ качествѣ завѣдывающаго военнымъ отдѣломъ было увольненіе того команднаго состава Сочинскаго гарнизона, который былъ на вербованъ до меня Поярковымъ. Этотъ командный составъ состоялъ изъ трехъ человекъ: инспектора пѣхоты — какого-то бывшаго подпрапорщика съ очень подозрительными вѣдностями и прошлымъ, инспектора артиллеріи — капитана Фомина, который страдалъ хроническимъ запоемъ, и, наконецъ, инспектора кавалеріи (которая была лишь въ воображеніи Пояркова и состояла всего изъ 5 всадниковъ) — капитана французской службы Мандрыко.

Капитанъ Мандрыко, бывшій гвардейскій офицеръ, какимъ-то образомъ перешелъ во время войны на французскую службу, затѣмъ былъ прикомандированъ

къ одному изъ штабовъ на русскомъ фронтѣ, а послѣ революціи очутился въ Сочи, гдѣ поселился въ «Кавказской Ривьерѣ» и не снималъ французскаго мундира. Мандрыко велъ широкій образъ жизни, много кутилъ и сильно всѣмъ задолжалъ. Не знаю по какимъ причинамъ, онъ снискалъ къ себѣ симпатіи Пояркова, который предложилъ ему постъ инструктора кавалеріи имѣющей быть сформированной Черноморской красной арміи. Предложеніе это было принято Мандрыко, который сталъ инструктировать, не снимая французскаго мундира, пять человекъ Поярковской конницы.

Отстранивъ подъ благовидными предлогами этихъ трехъ «генералъ инспекторовъ», я пригласилъ къ себѣ въ сотрудники для подготовленія и разработки плана обороны границъ Сочинскаго округа (на случай наступленія турокъ и германцевъ) трехъ другихъ находившихся въ Сочи офицеровъ о которыхъ мнѣ говорили, что они въ высшей степени порядочные и дѣльные специалисты — инженеры и артиллеристы.

Организовавъ затѣмъ военный отдѣлъ по образцу бывшихъ управленій воинскихъ начальниковъ, я рѣшилъ на нѣсколько дней съѣздить въ Екатеринодаръ для того, чтобы выяснитъ себѣ общее положеніе, какъ военное, такъ и политическое, создавшееся на Сѣверномъ Кавказѣ и въ остальной Россіи. Разобраться въ этой кашѣ, оставаясь въ Сочи, было немыслимо: никакихъ свѣдѣній мы здѣсь не получали, и вся информация исходила отъ мѣстнаго комитета большевиковъ и, главнымъ образомъ, отъ Пояркова, которому я вѣрить не могъ.

Доѣхавъ на автомобилѣ до Новороссійска, я узналъ, что нѣмцы дѣйствительно предприняли рядъ мѣропріятій для занятія территоріи юга и юго-востока Россіи. Въ частности имъ былъ занятъ Севастополь, и почти вся Черноморская эскадра, подъ командой адмирала Саблина, не желая быть захваченной нѣмцами, пришла въ Новороссійскъ.

Здѣсь-же мнѣ сказали, что германскими войсками занятъ Ростовъ и между Ростовомъ и Батайскомъ находится большевистскій фронтъ, которымъ командуетъ главкомъ Кальнинъ.

Положеніе большевиковъ въ Екатеринодарѣ, когда я туда пріѣхалъ, было довольно прочнымъ, и они не высказывали никакихъ особыхъ опасеній относительно ближайшаго будущаго. Ихъ руководители говорили, что нѣмцы не имѣютъ намѣренія занимать Сѣверный Кавказъ, что Ростовскій германо-большевистскій фронтъ — явленіе временное и что гораздо опаснѣе для нихъ формируемая генераломъ Алексѣевымъ армія.

Что-же касается Сухумскаго фронта — то тамъ, по ихъ мнѣнію, германцы будутъ поддерживать грузинъ, но только въ томъ случаѣ, если красная армія вторгнется въ предѣлы Грузіи.

Изъ этихъ разъясненій, данныхъ мнѣ военнымъ комиссаромъ Кубано-Черноморской совѣтской республики Силичевымъ, я понялъ, что никакой германотурецкой опасности для Черноморья не существуетъ и что Сухумскій фронтъ созданъ исключительно въ интересахъ какихъ-то высшихъ, невѣдомыхъ простымъ смернымъ, соображеній большевистской политики.

Военкомъ Силичевъ, коммунистъ и бывшій морской офицеръ, помѣщался въ атаманскомъ дворцѣ, говорилъ съ большимъ апломбомъ, но не важничалъ, подобно другимъ всемогущимъ комиссарамъ; онъ являлся фактическимъ главкомомъ всѣхъ многочисленныхъ Кубанскихъ фронтовъ, отъ него зависѣли назначенія и увольненія всѣхъ командармовъ и ему подчинялись всѣ интендантскія и военно административныя учрежденія и заведенія.

Въ оперативную часть Силчевъ, впрочемъ, не вмѣшивался, предоставивъ ее главнокомандующему Сѣв.-Кавказской красной арміи Кальнину, штабъ котораго находился на ст. Тихорѣцкая, и «военруку» (военному руководителю) — генералу генеральнаго штаба Сосновскому, жившему въ Екатеринодарѣ и постоянно находившемуся въ военномъ комиссариатѣ.

Сосновскій держалъ себя довольно странно. Въ присутствіи коммунистическаго начальства онъ старался показать себя искренно-преданнымъ совѣтскому правительству, но когда въ его кабинетѣ никого изъ большевиковъ не было, онъ сразу мѣнялъ тонъ, намекалъ на то, что никакихъ симпатій къ правящей партіи и ея политикѣ не питаетъ, и говорилъ, что его насильно мобилизовали и подъ конвоемъ прислали изъ Петрограда въ Екатеринодаръ.

Въ кабинетѣ военкома Силчева я познакомился съ какимъ-то французскимъ лейтенантомъ, пріѣхавшимъ въ Екатеринодаръ предложить мѣстной большевистской арміи помощь Франціи для борьбы съ германо-турками.

Мы разговорились, и онъ сталъ горячо убѣждать меня въ необходимости привлечь на службу въ красную армію всѣхъ кадровыхъ офицеровъ.

— Не все-ли равно офицерамъ, какое правительство стоитъ сейчасъ у власти. Разъ это правительство будетъ продолжать войну съ нѣмцами и тѣмъ самымъ нарушить Брестъ-Литовскій миръ — долгъ каждого русскаго офицера добровольно явиться въ ряды красной арміи, говорилъ лейтенантъ. Франція и другіе народы готовы оказать помощь большевикамъ, если они снова начнутъ войну.

Я не сталъ возражать французскому офицеру, такъ какъ понималъ, что нашимъ бывшимъ союзникамъ рѣшительно все равно, какое правительство стоитъ у власти въ Россіи, и они готовы одинаково помогать и большевистскому, и монархическому правительству, лишь-бы оно продолжало вести борьбу съ Германской имперіей.

Послѣ этого разговора я подумалъ, не получилъ-ли и капитанъ Мандрыко какихъ нибудь указаній, когда онъ согласился принять постъ инструктора красной кавалеріи.

Въ день моего отъѣзда изъ Екатеринодара, я узналъ о предъявленномъ большевикамъ германскимъ командованіемъ ультиматумъ — сдать имъ, или уничтожить нашу Черноморскую эскадру, стоящую въ Новороссійскѣ. Ультиматумъ этотъ былъ предъявленъ еще нѣсколько дней тому назадъ, но мѣстные большевики отказались исполнить требованіе нѣмцевъ и сообщили объ этомъ въ Москву. Московское правительство приказало немедленно потопить Черноморскій флотъ и командировало въ Екатеринодаръ двухъ видныхъ коммунистовъ, въ томъ числѣ и «краснаго адмирала» Раскольниковъ, который долженъ былъ убѣдить Черноморскихъ моряковъ, представители которыхъ единогласно заявили отъ лица всѣхъ своихъ товарищей, что они не допустятъ уничтоженія или передачи нѣмцамъ кораблей, подчиниться приказу Совнаркома.

Въ городѣ оживленно обсуждался нѣмецкій ультиматумъ и всѣ, даже большевики, привѣтствовали заявленіе моряковъ.

Въ Новороссійскѣ мнѣ пришлось задержаться на два дня, ввиду поломки моего автомобиля. Въ эти дни я былъ свидѣтелемъ бурныхъ матросскихъ митинговъ, происходившихъ въ городѣ и на территоріи порта, на которыхъ обсуждался этотъ вопросъ. Насколько я знаю, всѣ митинги выносили резолюціи о недопустимости уничтоженія Черноморскаго флота.

Меня, понятно, очень волновала судьба эскадры, стоявшей на рейдѣ Новороссійска и своимъ внушительнымъ видомъ напоминавшей былую мощь Россіи.

Настроение моряковъ меня успокоило и, когда автомобиль былъ починенъ, и я рано утромъ выѣхалъ изъ Новороссійска по Черноморскому шоссе, то не могъ себѣ представить, что черезъ какихъ-нибудь полтора часа мнѣ придется быть свидѣтелемъ гибели Черноморскаго флота...

Но оказалось, что прибывшіе изъ столицы большевики напрягли всѣ свои силы, чтобы добиться отъ матросовъ согласія на потопленіе эскадры. Всю ночь происходило засѣданіе делегатовъ съ кораблей, на которомъ большевики убѣдили матросовъ въ необходимости, для «спасенія революціи», пожертвовать Черноморскимъ флотомъ.

Рано утромъ принятое ночью рѣшеніе было объявлено командамъ, и матросы стали покидать суда, расхищая все имѣвшееся на нихъ имущество.

Черноморское шоссе до селенія Кабардинки (въ 20 верстахъ отъ Новороссійска) идетъ по берегу моря, огибая Новороссійскую бухту.

На 12-й верстѣ отъ Новороссійска у автомобиля лопнули одна за другой двѣ шины. Пришлось остановиться для замѣны ихъ новыми. Одновременно произошла какая-то другая поломка, и остановка наша оказалось довольно продолжительной.

Я усѣлся на обрывѣ и смотрѣлъ въ сторону Новороссійска.

Въ первомъ часу дня я замѣтилъ, что стоявшіе въ порту миноносцы снимаются съ якорей и выходятъ въ бухту. Вслѣдъ за миноносцами на буксирѣ двухъ пароходовъ вышелъ изъ порта и дреднаутъ «Свободная Россія» (быв. императрица Марія).

— Смотрите, сказалъ мнѣ подошедшій шоферъ: матросы видно рѣшили уйти изъ Новороссійска, чтобы не топить кораблей.

Но вскорѣ мы убѣдились, что суда выходили изъ порта для другой цѣли...

На всѣхъ корабляхъ были подняты Андреевскіе флаги. Миноносцы, выйдя изъ порта, построились сначала въ кильватерную колонну, потомъ начали сблизаться и образовали кругъ. Затѣмъ съ нихъ спустили шлюпки, раздался пушечный выстрѣлъ, оказавшійся погребальнымъ салютомъ, и вдругъ мы замѣтили, что миноносцы стали накреняться въ сторону.

— Смотрите, смотрите, воскликнулъ взволнованный шоферъ: корабли тонуть!

Накренившіеся сначала въ одну сторону, миноносцы вдругъ выпрямились. Я подумалъ, что кренъ вызванъ былъ какимъ-нибудь маневромъ, но потомъ увидѣлъ, что суда дѣйствительно тонуть: они накренились въ другую сторону и линія воды близко-близко подошла къ верхнимъ палубамъ.

«Свободная Россія», выведенная буксирами, остановилась на линіи погружавшихся въ воду миноносцевъ. Отъ нея также отѣхало нѣсколько шлюпокъ. Но дреднаутъ, едва накренившись на лѣвый бортъ, вскорѣ выпрямился и казалось, что онъ стоитъ неподвижно. Какъ мнѣ говорили впослѣдствіи, для потопленія миноносцевъ были открыты кингстоны и хлынувшая въ нихъ вода быстро погрузила на дно небольшіе корабли, но на «Свободной Россіи», имѣвшей много водонепроницаемыхъ перегородокъ, были открыты не всѣ кингстоны, почему вода медленно проникала въ дреднаутъ.

Тогда изъ порта вышелъ еще одинъ, послѣдній остававшійся въ Новороссійскѣ миноносецъ, и открылъ орудійный огонь по нежелавшему опускаться

ся на дно адмиральскому судну, направляя выстрѣлы въ подводную кормовую часть.

Я не могъ больше смотрѣть на эту тяжелую картину.

— Поѣдемъ, сказалъ я, обернувшись къ шоферу.

Онъ посмотрѣлъ на меня помутившимся взоромъ и, судорожно всхлипнувъ, сталъ заводить машину.

Бросивъ послѣдній взглядъ на море, я увидѣлъ, что миноносцы скрылись уже подъ водой, изъ которой, какъ могильные кресты, торчали мачты съ развѣвавшимися на нихъ Андреевскими флагами. «Свободная Россія» также стала медленно погружаться.

Когда мы отѣхали съ полъ-версты, шоферъ повернулъ ко мнѣ свое заплаканное лицо и тихо проговорилъ:

— Погибла «Свободная Россія»...

IX

Вернувшись въ Сочи, я нашелъ тамъ большія перемѣны. За время моего отсутствія по телеграфному распоряженію изъ Екатеринодара былъ назначенъ новый командующій Сухумскимъ фронтомъ — бывший казачій офицеръ большевикъ Антоновъ (однофамилецъ командовавшего красной арміей на Юго-Востокѣ главковерха). Помощникомъ Антонова былъ назначенъ Поярковъ. При командующемъ былъ сформированъ полевой штабъ, членами котораго оказались бывшіе члены Сухумскаго ревкома, а председателемъ штаба — бывший председатель Трапезундскаго совѣта солдатскихъ депутатовъ, заядлый коммунистъ грузинъ Кверквелія.

Въ то время большевики еще не признавали единоличнаго командованія и считали необходимыми, при каждомъ главковерхѣ имѣть такіе штабы, являвшіеся не оперативными, а административно-политическими органами. Впрочемъ и впослѣдствіи, предоставивъ своимъ командармамъ полную свободу въ строевой и оперативной части, большевики оставили политическую часть въ рукахъ «реввоенсовѣтовъ», прототипомъ которыхъ и были прежніе «фронтные штабы».

Штабъ Сухумскаго фронта тотчасъ-же ввелъ въ Сочи осадное положеніе и захватилъ всю власть изъ рукъ окружного исполкома, ставшаго въ открытую оппозицію совершенно чуждымъ мѣстному населенію Сухумскимъ большевикамъ.

Атмосфера въ Сочинскомъ округѣ сгущалась съ каждымъ днемъ. Послѣ моего доклада о Екатеринодарскихъ и Новороссійскихъ впечатлѣніяхъ — окружной исполкомъ отмѣнилъ мобилизацію, чѣмъ окончательно возбудилъ негодованіе Сухумскаго штаба. Дѣйствія и распоряженія штаба вызывали всеобщее возмущеніе населенія, въ особенности крестьянъ. Сухумскіе большевики, пренебрегая совѣтами своихъ болѣе умѣренныхъ Сочинскихъ товарищей, принялись энергично за борьбу съ контръ-революціей. Борьба эта вылилась въ приказы объ отобраніи всякаго огнестрѣльнаго оружія у горожанъ и крестьянъ, о реквизиціяхъ лошадей, скота и продуктовъ и объ арестахъ всѣхъ подозрѣваемыхъ въ сочувствіи грузинамъ лицъ. На Кавказѣ каждый крестьянинъ имѣетъ оружіе, тщательно его сохраняетъ и гордится имъ. Отобрать винтовку, револьверъ или кинжалъ — значитъ нанести Кавказскому поселянину величайшее оскорбленіе. Традиція эта перешла по наслѣдству отъ горцевъ и къ русскимъ поселянамъ, которымъ оружіе было необходимо для охоты и самозащиты. Доволь-

но многочисленное грузинское население Сочи также имѣло оружіе — револьверы и кинжалы — съ которымъ никогда не разставалось. Поэтому приказъ штаба о добровольной сдачѣ въ трехъ-дневный срокъ оружія — вызвалъ взрывъ возмущенія и въ городѣ, и въ деревняхъ. За исключеніемъ перепуганной грознымъ приказомъ городской интеллигенціи, никто изъ жителей добровольно оружія не сдалъ, а отбирать его насильственнымъ путемъ — большевики не имѣли возможности. Такимъ образомъ, не достигнувъ никакихъ результатовъ, штабъ нажилъ себѣ многочисленныхъ враговъ.

Видя такое враждебное къ себѣ отношеніе, Штабъ Сухумскаго фронта забилъ тревогу и потребовалъ усиленія фронта красноармейскими Кубанскими частями. Екатеринодарское правительство обѣщало прислать въ Сочи Бѣлорѣченскій стрѣлковый полкъ и баталіонъ Майкопскихъ коммунистовъ, прибытія которыхъ стали съ нетерпѣніемъ ожидать Сухумскіе и Сочинскіе большевики.

Въ это время новый главковерхъ Антоновъ пріѣхалъ въ Гагры и рѣшилъ поднять настроеніе фронта, перейдя въ наступленіе на городъ Гудауты (въ 40 вер. къ сѣверу отъ Сухума), только-что занятый грузинской народной гвардіей.

Операція эта увѣнчалась вначалѣ успѣхомъ: грузины были выбиты изъ Гудауты, оставивъ Антонову одно орудіе, нѣсколько пулеметовъ и 50 плѣнныхъ.

Одержавши эту побѣду, Антоновъ вернулся въ Сочи, потребовалъ созыва экстреннаго засѣданія окружного исполкома и предложилъ объявить немедленно всеобщую мобилизацію. Во время этого засѣданія кто-то спросилъ Антонова о дальнѣйшей судьбѣ плѣнныхъ грузинъ.

— Во время гражданской войны плѣнныхъ не берутъ — ихъ разстрѣливаютъ, отвѣтилъ Антоновъ.

Слова главковерха облетѣли Сочи и взбудоражили мѣстныхъ грузинъ.

Плѣнные были доставлены въ Сочи и содержались въ тюрьмѣ. Разстрѣливать ихъ въ Сочи большевики опасались, боясь вызвать преждевременное вооруженное выступленіе мѣстныхъ грузинъ. Грузинскій національный комитетъ рѣшилъ устроить побѣгъ арестованныхъ и рѣшеніе это какими-то путями дошло до Пояркова. Тогда штабъ рѣшилъ отправить плѣнныхъ въ Туапсе и тамъ покончить съ ними. Узнавъ о предстоящей отправкѣ плѣнныхъ въ Туапсе, Сочинскіе грузины поняли, что они будутъ разстрѣляны и обратились ко мнѣ съ просьбой — спасти осужденныхъ штабомъ людей отъ неминуемой смерти. Я обѣщаль сдѣлать все возможное для спасенія жизни плѣнныхъ и придумалъ слѣдующій планъ: въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города находилась Хлудовская экономія, переданная городской продовольственной управѣ. Въ экономіи были большіе огороды, требовавшіе многочисленныхъ рабочихъ для полки и поливки грядъ. Я предложилъ штабу отправить на эти работы сидѣвшихъ безъ дѣла въ тюрьмѣ плѣнныхъ и реквизировать городскіе огороды для нуждъ фронта. Штабъ согласился, плѣнныхъ перевели въ Хлудовку, гдѣ они вскорѣ были позабыты штабомъ и этимъ спаслись отъ разстрѣла. Когда большевики очистили Сочи, всѣ эти плѣнные очутились на свободѣ и искренно благодарили меня за оказанную имъ услугу.

Окружной исполнительный комитетъ, опасаясь репрессій со стороны большевиковъ, сталъ колебаться. Въ это время въ Сочи прибыли части Бѣлорѣченскаго полка и баталіонъ Майкопскихъ коммунистовъ. Но настроеніе этихъ наспѣхъ сформированныхъ войскъ было далеко не воинственное.

Прибывъ въ Сочи — они отказались выступить на фронтъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что не могутъ драться съ врагомъ, пока не убѣдятся въ «искоре-

неніи контръ-революціи» въ тылу. «Искоренить» контръ-революцію — это значило, по ихъ мнѣнію, произвести всеобщее изъятіе имущества у «буржуевъ».

Штабъ рѣшилъ успокоить прибывшихъ «героевъ» и обѣщаль произвести въ городѣ и ближайшихъ окрестностяхъ повальные обыски, съ цѣлью отобрать въ пользу фронта всѣ цѣнности, обувь, бѣлье и одежду. Начался форменный грабежъ, продолжавшійся нѣсколько дней и окончательно деморализовавший Бѣлорѣченцевъ и Майкопцевъ.

Къ чести главковерха Антонова — онъ отнесся глубоко отрицательно къ такому рѣшенію штаба и, въ концѣ-концовъ, потребоваль и добился прекращенія этихъ узаконенныхъ грабежей. Антоновъ былъ убѣжденный и идейный коммунистъ, но онъ не признаваль никакой демагогіи и всегда открыто и честно высказываль свои убѣжденія.

Поведеніе прибывшихъ въ округъ красноармейцевъ окончательно возстановило противъ большевиковъ все населеніе. Крѣмъ того крестьяне узнали, что никакихъ турокъ на фронтѣ нѣтъ и что округу не угрожаетъ германо-турецкая опасность. Поэтому въ цѣломъ рядѣ селеній состоялись сходы, на которыхъ были приняты резолюціи — обратиться къ Кубано-Черноморскому исполкому съ требованіемъ снять противу-грузинскій фронтъ и вывести изъ округа прибывшихъ красноармейцевъ. Резолюціи эти были представлены въ окружной исполкомъ, который большинствомъ одного голоса также постановилъ просить Екатеринодарское правительство ликвидировать фронтъ и предоставить крестьянамъ и рабочимъ Сочинскаго округа войти въ переговоры съ грузинами для заключенія мира и установленія добрососѣдскихъ отношеній.

Исполкомъ поручилъ мнѣ поѣхать съ этой резолюціей въ Екатеринодаръ и настоять тамъ на ея удовлетвореніи.

Я въ это время уже сложилъ съ себя обязанности завѣдывающаго военнымъ отдѣломъ, ибо не считаль возможнымъ, при создавшемся положеніи и послѣ вполне выяснившихся истинныхъ намѣреній Сухумскихъ большевиковъ, имѣть съ ними какія-бы то ни было дѣловыя взаимоотношенія.

Я выѣхаль въ Екатеринодаръ и явился прямо съ вокзала къ военному Силичеву, которому передалъ резолюцію и просилъ довести ее до свѣдѣнія Центрального исполкома.

Въ Екатеринодарѣ наблюдалось какое-то тревожное состояніе. Говорили объ успѣхахъ добровольцевъ и о начавшихся въ цѣломъ рядѣ станицъ возстаніяхъ противъ совѣтской власти. Большевики рѣшили припугнуть казаковъ и терроризовать ихъ. Начались массовыя разстрѣлы. Въ одну только ночь въ Екатеринодарѣ были разстрѣляны 28 стариковъ-казаковъ, арестованныхъ на базарѣ за непочтительные отзывы о большевикахъ и о совѣтской власти. Нѣкоторыя станицы, считавшіяся ненадежными и сочувствующими «кадетамъ» — были безъ всякаго предупрежденія обстрѣляны артиллерійскимъ огнемъ и обложены контрибуціей. Всѣ эти мѣропріятія еще болѣе озлобили казачество и предрѣшили поражение Сѣверно-Кавказскихъ большевиковъ.

Военкомъ Силичевъ спросилъ меня, чѣмъ вызвано требованіе Сочинскихъ крестьянъ о ликвидаціи фронта и нисколько не удивился поведеніемъ присланныхъ имъ въ Сочи красноармейцевъ. Его также не удивилъ и отказъ Бѣлорѣченцевъ выступить на фронтъ.

— Это обычная исторія, которая повторяется на всѣхъ фронтахъ, сказалъ опъ, обѣщя передать привезенную мной резолюцію прибывшему только-что въ Екатеринодаръ особоуполномоченному Совнаркома — Оржоникидзе.

Оржоникидзе был снабженъ чрезвычайными полномочіями центральной власти, могъ смѣщать комиссаровъ и главковерховъ, объявлять новыя войны и заключать мирные договоры.

На слѣдующій день онъ вызвалъ меня въ атаманскій дворецъ и заявилъ, что ни въ какіе разговоры по поводу привезенной мною резолюціи онъ вступать не намѣренъ:

— Таковую резолюцію, воскликнулъ онъ стуча кулакомъ по столу, могутъ принимать только враги совѣтской власти, а защищать ее — завѣдомые и убѣжденные контръ-революціонеры! Сухумскій фронтъ снять не будетъ, а всѣ тѣ, кто осмѣлится открыто встать на сторону нашихъ враговъ — будутъ безпощадно нами уничтожены!

Я понялъ, что всякіе разговоры съ Оржоникидзе излишни и вышелъ изъ дворца, намѣреваясь съ ночнымъ поѣздомъ вернуться въ Новороссійскъ.

Въ Новороссійскѣ я узналъ, что Сочи занято грузинами. Деморализованные грабежами Бѣлорѣченцы и Майкопцы не выдержали боя съ малочисленнымъ грузинскимъ отрядомъ, поддержаннымъ крестьянами окрестныхъ селеній, и, почти не оказывая сопротивленія, бѣжали, бросивъ всю артиллерію, пулеметы и обозъ.

Я выѣхалъ въ Туапсе и засталъ тамъ форменный хаосъ. Въ городѣ собрались всѣ Сухумскіе и Сочинскіе коммунисты; сюда эвакуировались Сухумскія и Сочинскія совѣтскія учрежденія, ревкомы, исполкомы и штабы, со всѣми служащими и канцеляріями. Съ отступавшими красноармейцами бѣжало также много Сочинскихъ рабочихъ, которымъ большевики сказали, что они будутъ разстрѣляны грузинами за сочувствіе совѣтской власти.

Туапсинскій исполкомъ встрѣтилъ бѣжавшихъ Сочинскихъ коммунистовъ очень не гостепріимно, обвинивъ ихъ въ трусости и бездѣятельности, результатами чего явилось ихъ пораженіе. Сочинцы въ свою очередь обвиняли Туапсинцевъ, неподдержавшихъ ихъ живой силой, артиллеріей и патронами. Туапсинскіе коммунисты старались показать потерпѣвшимъ пораженіе товарищамъ, какъ надо проявлять твердость власти и держать въ повиновеніи населеніе. Для этого они организовали революціонный трибуналъ, выносившій въ 24 часа смертныя приговоры всѣмъ заподозрѣннымъ въ контръ-революціи обывателямъ, и приговоры приводились немедленно въ исполненіе, иногда — публично. По приговору этого трибунала были разстрѣляны арестованные близъ селенія Архипо-Осиповка бывшій Кубанскій областной комиссаръ Временнаго Правительства Бардижъ и его два сына, бѣжавшіе изъ Екатеринодара послѣ пораженія Корнилова.

Я рѣшилъ какъ можно скорѣе уѣхать изъ Туапсе и вернуться въ Сочи для чего сговорился съ нѣкоторыми изъ Сочинскихъ рабочихъ, которыхъ убѣдилъ въ томъ, что имъ нечего опасаться какихъ-то репрессій со стороны грузинъ.

Однако мнѣ пришлось уѣхать одному и ускорить свой отъѣздъ, ввиду получившагося приказа Оржоникидзе — арестовать и доставить меня въ Екатеринодара, о чемъ меня предупредилъ одинъ изъ Сочинскихъ коммунистовъ.

Мнѣ удалось получить отъ Туапсинскаго коменданта пропускъ, съ которымъ я сѣлъ на отходившую въ Новороссійскъ моторную шхуну и черезъ день добрался до Новороссійска.

Здѣсь я рассчитывалъ сговориться съ капитаномъ какого-нибудь суда, тайкомъ отъ большевиковъ перевозившаго въ Сухумъ, Поти и Батумъ грузы и пассажировъ.

Такое судно нашлось, но отходило только через два дня, а оставаться въ Новороссійскѣ мнѣ не хотѣлось, такъ какъ въ городѣ я подвергался опасности быть узаннымъ и арестованнымъ. Оказалось, что отходящее через два дня въ Сухумъ судно зайдетъ въ Геленджикъ, а поэтому я рѣшилъ отправиться пѣшкомъ въ Геленджикъ и тамъ подождать прихода этого судна.

Я такъ и сдѣлалъ. Судно, оказавшееся маленькой парусно-моторной шхуной, пришло въ Геленджикъ и стало грузиться мукой, которую по документамъ должно было доставить обратно въ Новороссійскъ.

Когда на шхуну было погружено нѣсколько десятковъ мѣшковъ съ мукой, капитанъ предложилъ мнѣ и тремъ другимъ пассажирамъ спрятаться въ трюмъ, гдѣ матросы насъ тщательно замаскировали мѣшками. Предосторожность эта оказалась далеко не излишней, ибо незадолго до отправленія судна, явились представители Геленджикскаго ревкома, чтобы осмотрѣть судно и убѣдиться, что на немъ нѣтъ пассажировъ. (Выѣздъ изъ Геленджика моремъ былъ запрещенъ штабомъ Новороссійскаго укрѣпленнаго района.)

Наконецъ, представители власти съѣхали на берегъ, шхуна подняла паруса, заработалъ моторъ и мы вышли въ море.

До наступленія сумерокъ капитанъ держалъ курсъ на Новороссійскъ, но какъ только достаточно стемнѣло, шхуна круто повернула и, удаляясь подалеже отъ берега, взяла направленіе на Сочи.

Заключенные въ трюмѣ пассажиры могли вылѣзти изъ подъ мѣшковъ съ мукой и свободно размѣститься на палубѣ.

Черезъ два дня судно наше благополучно прибыло въ Сочи, и я снова очутился среди моихъ товарищей-кооператоровъ, сильно безпокоившихся обо мнѣ, такъ какъ до нихъ дошли слухи, будто-бы я арестованъ Туапсинскими большевиками и приговоренъ къ разстрѣлу.

Х

Сочи было занято грузинскими войсками по настоянію мѣстныхъ грузинъ и при помощи крестьянъ, которые, убѣдившись въ томъ, что никакихъ германотурокъ по той сторонѣ фронта нѣтъ, рѣшили освободить Сочинскій округъ отъ прибывшихъ изъ Екатеринодара недисциплинированныхъ красноармейскихъ бандъ. Банды эти за кратковременное свое пребываніе въ окрестностяхъ Сочи успѣли возстановить противъ себя не только городское населеніе, но и крестьянъ.

Безъ активной поддержки крестьянъ немногочисленный грузинскій отрядъ, конечно, не былъ бы въ состояніи такъ легко справиться съ Бѣлорѣченскимъ и Майкопскимъ полками красной арміи.

Участь Сочи была предрѣшена сраженіемъ у селенія Кудепсты (въ 25 верстахъ къ югу отъ Сочи), во время котораго отрядъ крестьянъ, предводительствуемый бывшимъ унтеръ-офицеромъ крестьяниномъ Петромъ Блохнымъ, обошелъ съ фланга и тыла позицію большевиковъ и захватилъ батарею и нѣсколько пулеметовъ. Грузинскому отряду наступавшему съ фронта осталось лишь предпринять энергичное преслѣдованіе растерявшихся большевиковъ.

Толчкомъ къ выступленію крестьянъ послужили аресты трехъ поселянъ, произведенные по приказанію командира Бѣлорѣченскаго полка, и разграбленіе красноармейцами двухъ вагоновъ съ мануфактурой, доставленныхъ Сочин-

ской продовольственной управой изъ Новороссійска и предназначенныхъ окружнымъ исполкомомъ для нуждъ сельскаго населенія.

Впослѣдствіи и большевики, и крайніе правые элементы обвиняли Сочинскихъ крестьянъ въ отсутствіи патриотизма и въ «государственной измѣнѣ» за оказанную ими помощь грузинамъ. Нѣкоторые утверждали, что такая помощь была щедро оплачена грузинскимъ правительствомъ. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было. Мѣстное крестьянство хорошо знало грузинъ, всѣ ихъ положительныя качества и недостатки. Въ округѣ было нѣсколько селеній, населенныхъ исключительно грузинами, въ городѣ большинство торгово-промышленныхъ заведеній содержалось также грузинами. И долготѣняя совмѣстная жизнь пріучила крестьянъ считать грузинъ своими добрыми сосѣдями, съ которыми у нихъ никогда никакихъ недоразумѣній не происходило. Что-же касается горожанъ, особенно членовъ правыхъ социалистическихъ партій — то имена стоявшихъ во главѣ грузинскаго правительства лицъ (Жорданія, Чхендзе, Церетелли и др.) гарантировали имъ демократичность этого правительства и отсутствіе у него какихъ-либо захватныхъ или имперіалистическихъ намѣреній. Этимъ объясняется пассивное сочувствіе грузинамъ одной и активная поддержка другой части населенія Сочинскаго округа.

И на самомъ дѣлѣ у руководителей грузинской политики не было намѣренія присоединить къ Грузіи Черноморскую губернію, хотя нѣкоторые зарвавшіеся и экспансивные грузинскіе шовинисты не только мечтали, но даже громко кричали о «великой Грузіи», которую представляли себѣ въ границахъ, бывшихъ при царѣ Иракліи, когда (правда — недолгое время) грузины владѣли побережьемъ почти до самого Новороссійска.

Занявшій Сочи грузинскій отрядъ состоялъ изъ 500 солдатъ вновь сформированной молодой грузинской арміи и двухъ батарей, которыми командовалъ генераль Мазніевъ. Въ генералы Мазніевъ былъ произведенъ уже грузинскимъ правительствомъ, а на русской службѣ дослужился до чина подполковника въ одномъ изъ полковъ Кавказской арміи. Взятіемъ Сочи и побѣдами надъ большевиками Мазніевъ создалъ себѣ славу «непобѣдимаго», благодаря чему занялъ одинъ изъ крупнѣйшихъ постовъ въ грузинской арміи. Но впослѣдствіи, когда ему пришлось дѣйствовать противъ болѣе серьезнаго противника, Мазніевъ выказалъ полное отсутствіе какихъ-либо военныхъ талантовъ и былъ со скандаломъ уволенъ въ отставку. Когда-же черезъ два года большевики, успѣвшіе къ этому времени реорганизовать свою красную армію, легко оккупировали Грузію — то генераль Мазніевъ однимъ изъ первыхъ перешелъ на службу къ большевикамъ и былъ назначенъ на отвѣтственную должность въ красной арміи. Но въ описываемое время Мазніевъ заявлялъ себя яримъ противникомъ большевиковъ и сочувствовалъ мечтамъ грузинскихъ шовинистовъ о «великой Грузіи».

Недѣли черезъ двѣ, послѣ занятія Сочи, отрядъ Мазніева также легко вступилъ въ Туапсе и объявилъ о присоединеніи Туапсинскаго округа къ Грузинской республикѣ. Эта побѣда была одержана Мазніевымъ благодаря тому, что всѣ силы большевиковъ были оттянуты къ Екатеринодару и Тихорѣцкой, которымъ стали сильно угрожать наступавшіе подъ начальствомъ генерала Алексѣева добровольцы.

Многіе изъ проживавшихъ въ Сочи офицеровъ русской службы, видя въ грузинахъ вольныхъ или невольныхъ союзниковъ Добровольческой арміи, поступили на службу въ отрядъ Мазніева, значительно усиливъ его и численностью и качествомъ.

Первыми шагами правительства Грузин во вновь присоединенномъ къ республикѣ Сочинскомъ округѣ были ликвидація совѣтскихъ учрежденій и введеніе мѣстнаго городского и земскаго самоуправления, на основахъ всеобщаго избирательнаго права. Комиссаромъ Сочинскаго округа и другими правительственными чиновниками были назначены мѣстные жители, преимущественно грузины, хотя слѣдуетъ отмѣтить, что многія должности были предоставлены русскимъ. Вообще никакой націонализаціи въ Сочинскомъ округѣ грузины не производили, чѣмъ выгодно отличались отъ другихъ новообразовавшихся окраинныхъ государствъ, старавшихся даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ русское населеніе составляло большинство, провести ускореннымъ темпомъ націонализацію во всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. По отношенію къ крестьянамъ новая власть стала проявлять особенное вниманіе, чѣмъ быстро завоевала къ себѣ симпатіи большей частей крестьянства, за исключеніемъ армянскаго, питавшаго къ грузинамъ старую національную вражду. Къ сожалѣнію такія хорошія взаимоотношенія съ русскимъ крестьянствомъ впоследствии были испорчены грузинскими военными властями и нѣкоторыми гражданскими чиновниками, принявшимися за реквизиціи продуктовъ, фуража и лошадей для нуждъ грузинской арміи. Впрочемъ, когда существовавшій вполне легально при грузинахъ окружной крестьянскій исполнительный комитетъ обратился къ правительству съ жалобой на дѣйствія военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, то оказалось, что дѣйствія эти являлись самочинными и правительство тотчасъ распорядилось о прекращеніи такихъ реквизицій и поборовъ. Поэтому отношенія крестьянъ къ грузинскому правительству во все время оккупациі округа оставались вполне лояльными и даже дружественными, что и отразилось впоследствии на окружномъ съѣздѣ, вынесшемъ резолюцію о временномъ присоединеніи Сочинскаго округа, впредь до созыва Всероссійскаго Учредительнаго Собранія, къ грузинской республикѣ.

Такимъ образомъ первые мѣсяцы грузинской оккупациі протекали вполне спокойно и населеніе Сочинскаго округа отдыхало отъ предшествовавшихъ событій. Убѣдившись, что грузины не преслѣдуютъ никого за участіе въ совѣтской дѣятельности, всѣ бѣжавшіе при приближеніи грузинскихъ войскъ рабочіе и другіе обыватели — вернулись въ Сочи. Даже мѣстные большевики и тѣ, за исключеніемъ Пояркова и двухъ — трехъ другихъ руководителей большевистскаго комитета, вернулись въ Сочи и спокойно, не подвергаясь никакимъ гоненіямъ, жили въ городѣ и окрестностяхъ.

Въ это время Добровольческая армія одержала рядъ побѣдъ надъ Сѣверо-Кавказской красной арміей. Большевики успѣли возстановить противъ себя почти все населеніе Кубани, которое охотно помогало добровольцамъ очистить отъ большевиковъ территорію области.

Вскорѣ послѣ занятія грузинами Туапсе, добровольцы захватили станцію Тихорѣцкую, гдѣ погибъ со своимъ штабомъ большевистскій главковерхъ Калининъ. Черезъ нѣкоторое время Алексѣевъ подошелъ къ столицѣ Кубанской совѣтской республики Екатеринодару, а возставшіе противъ большевиковъ казаки Таманскаго отдѣла очистили всю сѣверо-восточную часть Кубани. Силы большевиковъ были раздѣлены: Екатеринодарская группа, оставивъ Екатеринодаръ, отступила на Майкопъ и въ Терскую область, а Таманская группа подъ начальствомъ главковерха Сорокина — въ Новороссійскъ.

Отступавшіе на Майкопъ и Терекъ красныя части разгромили нѣсколько казачьихъ партизанскихъ отрядовъ, оперировавшихъ въ Майкопскомъ и Баталпа-

шинскомъ отдѣлахъ, которые принужены были отступить черезъ горные перевалы въ Сухумъ.

Командовавшій грузинскими войсками на Черноморскомъ побережьѣ генералъ Мазніевъ вооружилъ и снарядилъ этихъ казаковъ и рѣшилъ послать ихъ на усиленіе своего Туапсинскаго отряда. Казаки съ радостью согласились, такъ какъ въ Сухумѣ узнали о пораженіи большевиковъ и о занятіи добровольцами Екатеринодара. Они рассчитывали черезъ Туапсе соединиться со своими земляками и вернуться на родину.

Въ этомъ казачьемъ отрядѣ, переформированномъ въ Сухумѣ, оказалось нѣсколько чиновъ Добрарміи и представители Кубанскаго краевого правительства, признавашаго власть Алексѣева. Поэтому отрядъ считался входящимъ въ составъ Добровольческой арміи и временно прикомандированнымъ къ грузинской арміи.

Ввиду отсутствія перевозочныхъ средствъ и морского транспорта отрядъ этотъ былъ двинутъ въ Туапсе походнымъ порядкомъ по Черноморскому шоссе черезъ Сочи. Сочинскіе обыватели съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія перваго отряда Добровольческой арміи, о которой ходило такъ много противорѣчивыхъ слуховъ. Нѣкоторыми кругами городскихъ жителей руководило не только чувство простого любопытства, а нѣчто другое, что вскорѣ и обнаружилось.

Отрядъ прибылъ въ Сочи поздно вечеромъ и былъ радушно встрѣченъ представителями города и грузинскаго правительства. Казакамъ было предложено угощеніе, а командный составъ былъ приглашенъ въ гостиницу «Кавказская Ривьера» на торжественный ужинъ. Въ Сочи отряду была назначена дневка и первый день этого отдыха прошелъ совершенно спокойно.

Какъ я уже говорилъ выше, въ Сочи проживало много видныхъ дѣятелей до-революціоннаго режима, чиновъ бывшей жандармеріи и полиціи. Всѣ эти господа надѣялись, что съ изгнаніемъ большевиковъ — грузины предложатъ имъ занять отвѣтственные административные посты, занимая которые они смогутъ вознаградить себя за причиненные имъ революціей матеріальные убытки и личныя оскорбленія. Однако грузины дали имъ понять, что прежняя дѣятельность этихъ полицейскихъ чиновниковъ, жандармовъ и членовъ «союза русскаго народа» исключаетъ всякую возможность принять ихъ на службу правительствомъ демократической республики.

Тогда обосновавшіеся въ Сочи реакціонеры стали исподволь вести ярую грузинофобскую пропаганду, причемъ въ первое время выражали даже сожалѣніе уходу большевиковъ. Когда-же вѣсть о побѣдахъ Добрарміи докатилась до Сочи, реакціонные элементы совершенно обнаглѣли и стали громко кричать о томъ, что необходимо выгнать изъ Сочи грузинъ, которые сами большевики и покровительствуютъ оставшимся въ городѣ большевикамъ. При этомъ подъ словомъ «большевики» подразумѣвались члены всѣхъ социалистическихъ партій и демократически настроенные элементы.

Какъ разъ черезъ нѣсколько дней послѣ прибытія въ Сочи отряда казаковъ, должны были произойти выборы въ городскую думу. Должно было фигурировать два кандидатацкихъ списка — домовладѣльцевъ и правыхъ партій и демократическій. Первый списокъ не имѣлъ большихъ шансовъ на успѣхъ, что хорошо было извѣстно реакціонной группѣ. И вотъ руководитель этой группы извѣстный полковникъ Казариновъ (бывшій жандармъ, охранникъ и членъ союза «русскаго народа», принявшій дѣятельное участіе въ убійствѣ члена Госуд. Думы Юллоса) рѣшилъ использовать прибывшихъ въ городъ казаковъ для того, чтобы сорвать выборы и устранить нежелательныхъ кандидатовъ.

Подъ какимъ-то предлогомъ казаковъ задержали въ Сочи, гдѣ друзья Казаринова принялись за энергичную пропаганду среди офицеровъ и казаковъ, яростно нападая на грузинское правительство и натравливая казаковъ на оставшихся въ Сочи «большевиковъ». Для большаго уси́ха пропаганды казаки усиленно угощались виномъ. Такая агитація завершилась полнымъ успѣхомъ. На второй день пребыванія въ городѣ отряда на улицахъ появились казачьи патрули подъ начальствомъ офицеровъ, у которыхъ имѣлись составленные Казариновымъ списки и адреса «мѣстныхъ большевиковъ».

Произошли безобразныя сцены: казаки врываются на квартиры, выволакивали на улицу перепуганныхъ обывателей, переворачивали подъ предлогомъ обыска вверхъ дномъ всю квартиру, причемъ реквизируютъ всѣ деньги и цѣнное имущество и свозили избитыхъ арестантовъ къ вокзалу строящейся желѣзной дороги, близъ котораго расположился казачій бивакъ.

Вѣсть о «вылавливаніи большевиковъ» быстро распространилась и по окрестнымъ поселеніямъ. Проживавшій въ поселкѣ Новая Сочи бывший полицейскій урядникъ Озеровъ, рѣшившій, что наступила давно ожидаемая имъ пора расплаты съ распустившимся «мужичьемъ», явился къ начальнику отряда и представилъ ему списокъ «большевиковъ-поселянъ», въ который попали ничего общаго не имѣвшіе съ большевиками крестьяне, главная вина которыхъ заключалась въ томъ, что они получили черезъ мѣстный земельный комитетъ во временное пользование пустующіе частновладѣльческіе участки. Въ этотъ списокъ былъ занесенъ и нашъ кооперативъ, захватившій «графскую землю». Начальникъ отряда тотчасъ-же послалъ въ распоряженіе урядника Озерова разъѣздъ въ 12 казаковъ. Разъѣздъ на рысяхъ примчался въ поселокъ Нов. Сочи и началъ дикую расправу съ «большевиками». Всѣ враги Озерова были жестоко избиты, арестованы и также доставлены на бивакъ. Къ намъ въ кооперативъ, узнавъ, что всѣ члены кооператива бывшіе солдаты и вооружены винтовками, казаки не рѣшились ѣхать и ограничились обѣщаніемъ впоследствии расправиться съ нами.

Когда всѣ «большевики» числомъ около 40 человекъ были свезены на вокзалъ, начальникъ отряда распорядился организовать военно-полевой судъ и немедленно разстрѣлять «мерзавцевъ». Судъ изъ трехъ офицеровъ тотчасъ-же приступилъ къ разбирательству дѣла и сталъ быстро выносить смертныя приговоры обвиняемымъ. Осужденныхъ сейчасъ-же отводили въ сторону и заставляли рыть себѣ могилы.

Къ счастью, ни одинъ изъ приговоровъ не былъ приведенъ въ исполненіе, благодаря энергичному вмѣшательству временной городской управы, крестьянскому комитету и грузинскому коменданту. По прямому проводу о происшествіи было дано знать въ Тифлисъ военному министру, приказавшему коменданту города объявить начальнику добровольческаго отряда, что въ случаѣ разстрѣла хоть одного изъ самочинно арестованныхъ — весь отрядъ будетъ обезоруженъ грузинскими войсками и отправленъ въ концентраціонный лагерь въ Грузію. Послѣ долгихъ препирательствъ казачьи офицеры согласились передать арестованныхъ грузинскимъ властямъ, но съ условіемъ — не выпускать ихъ на свободу, а помѣстить въ тюрьму. Такъ какъ въ распоряженіи коменданта была всего лишь одна караульная рота, а казачій добровольческій отрядъ состоялъ изъ 400 казаковъ, то коменданту пришлось уступить, и избитые «большевики» были заключены въ тюрьму.

На слѣдующее утро генераль Мазніевъ, получивъ соответствующія ука-

занія отъ грузинскаго правительства, приказалъ казакамъ погрузиться въ экстренный поѣздъ и немедленно выступить въ Туапсе. Часть отряда выступила походнымъ порядкомъ и на своемъ пути успѣла порядочно потрепать двѣ-три деревни, въ которыхъ казаки «реквизировали» всю домашнюю птицу, свиней и нѣсколько лошадей.

Такъ произошло первое знакомство населенія Сочинскаго округа съ Добровольческой арміей. Крестьяне убѣдились, что рассказы о «кадетахъ» не являются вымысломъ и, что «кадетскія войска» ничуть не лучше красноармейскихъ полковъ . . .

Черезъ нѣкоторое время, послѣ описанныхъ событій, добровольцы заняли Новороссійскъ. Большевицкая армія Сорокина стала отступать на югъ по Черноморскому побережью и подошла къ занятому грузинами Туапсе. Генераль Мазніевъ растерялся, не сумѣлъ выставить сильнаго заслона въ сторону Новороссійска и, тѣснимые съ сѣвера добровольцами, большевики выбили изъ Туапсе грузинскій отрядъ, который въ паникѣ отступилъ до селенія Лазаревки (на границѣ Туапсинскаго и Сочинскаго округовъ).

Большевики оставались очень недолгое время въ Туапсе и не преслѣдовали отступившихъ грузинъ, такъ какъ цѣлью ихъ являлось не занятіе Сочи, а прорывъ черезъ Туапсе на Майкопъ для соединенія съ Екатеринодарской группой красныхъ, отступавшей на Терекъ. Задача эта вполне удалась большевикамъ, очистившимъ послѣ этого Туапсе, которое и было занято добровольцами.

Смѣнившій Мазніева грузинскій генераль Вашакидзе попытался предпринять новое наступленіе на Туапсе, но подошелъ къ городу уже послѣ того, какъ онъ былъ занятъ добровольцами, отказавшимися передать его вновь грузинамъ. Вашакидзе пришлось очистить весь Туапсинскій округъ и отойти со своимъ отрядомъ на рѣчку Чухукъ, являющуюся сѣверной границей Сочинскаго округа.

XI

Вскорѣ послѣ занятія Туапсе, Добровольческая армія предложила правительству Грузинской республики отозвать свои войска изъ Сочинскаго округа и очистить территорію Черноморской губерніи до рѣки Бзыби, являвшейся до революціи границей между Кутаисской и Черноморской губерніями.

Узнавъ объ этомъ требованіи добровольцевъ, социалистическій блокъ Сочинской городской думы, мѣстные профессиональныя, рабочія и демократическія организациі обратились къ Грузинскому правительству съ просьбой оставить грузинскія войска въ Сочинскомъ округѣ и не передавать округъ властямъ Добровольческой арміи. Обращеніе это было вызвано дошедшими до Сочи свѣдѣніями о политикѣ и мѣропріятіяхъ, проводимыхъ добровольцами въ занятой ими Кубани и сѣверной части Черноморской губерніи. Съ нѣкоторыми изъ такихъ мѣропріятій Сочинскіе обыватели познакомились лично за время двухдневнаго пребыванія въ городѣ казачьяго добровольческаго отряда.

Къ этому времени армія генерала Алексѣева окончательно очистила отъ большевиковъ всю Кубанскую область, Ставропольскую и сѣверную часть Черноморской губерніи. Кошмарные слухи о жестокостяхъ добровольцевъ, объ ихъ расправахъ съ плѣнными красноармейцами и съ тѣми жителями, которые имѣли хоть какое-нибудь отношеніе къ совѣтскимъ учрежденіямъ, распространялись въ городѣ Сочи и въ деревняхъ. Случайно находившіеся въ Новороссійскѣ,

въ моментъ занятія города добровольцами, члены Сочинской продовольственной управы рассказывали о массовыхъ разстрѣлахъ, безъ всякаго суда и слѣдствія, многихъ рабочихъ Новороссійскихъ цементныхъ заводовъ и нѣсколькихъ сотъ захваченныхъ въ плѣнъ красноармейцевъ. Разстрѣлы эти производились днемъ и ночью близъ вокзала, на, такъ называемомъ, «Цемесскомъ болотѣ», гдѣ осужденные административнымъ порядкомъ рабочіе и красноармейцы сами себѣ приготовляли могилы. . . На улицахъ города, среди бѣлаго дня разстрѣливались, или вѣриѣ просто пристрѣливались, оставшіеся въ Новороссійскѣ послѣ потопленія Черноморской эскадры матросы. Достаточнымъ для разстрѣла поводомъ служилъ выжженный порохомъ на рукѣ якорь, или-же доносъ какого-нибудь почтеннаго обывателя о сочувствіи того или другого лица большевизму.

Прибѣжавшій въ Сочи крестьянинъ селенія Измайловки Волченко, рассказывалъ еще болѣе кошмарныя сцены, разыгравшіяся на его глазахъ при занятіи Майкопа отрядомъ генерала Покровскаго:

— Въ первый-же день, рассказывалъ Волченко, было разстрѣляно около тюрьмы двадцать плѣнныхъ красноармейцевъ. На слѣдующее утро Покровскій приказалъ казнить всѣхъ неуспѣвшихъ бѣжать изъ Майкопа членовъ мѣстнаго совѣта и остальныхъ плѣнныхъ. Для устрашенія населенія казнь была публичной. Сначала предполагалось повѣсить всѣхъ приговоренныхъ къ смерти, но потомъ оказалось, что висѣлицъ не хватитъ. Тогда пировавшіе всю ночь и изрядно подвыпившіе казаки обратились къ генералу съ просьбой разрѣшить имъ рубить головы осужденнымъ. Генералъ разрѣшилъ. На базарѣ около висѣлицъ, на которыхъ болтались казненные уже большевики, поставили нѣсколько деревянныхъ плахъ и охмѣлѣвшіе отъ вина и крови казаки начали топорами и шашками рубить головы рабочимъ и красноармейцамъ. Очень немногихъ приканчивали сразу, большинство-же казнимыхъ, послѣ перваго удара шашки, вскакивали съ зіяющими ранами на шеѣ и головѣ, ихъ снова валили на плаху и вторично принимались дорубливать. . .

Волченко, молодой 25-ти лѣтній паренъ, сталъ совершенно сѣдымъ отъ пережитаго въ Майкопѣ. Никто не сомнѣвался въ правдивости его рассказа, ибо Сочинскіе обыватели едва сами не стали свидѣтелями такихъ-же безсудныхъ казней.

Изъ разныхъ городовъ и станицъ Кубанской области въ Сочи стали стекаться массы «иностранцевъ» (такъ называютъ не-казачья населеніе на Кубани). Бѣженцы рассказывали, что, послѣ изгнанія большевиковъ, казаки стараются выместить причиненные имъ большевиками обиды на иностранцевъ, которыхъ огульно обвиняли въ большевизмѣ. А между тѣмъ большевизмъ проникъ и укрѣпился на Кубани отнюдь не по винѣ иностранцевъ, а былъ насажденъ вернувшимися съ фронта казаками, которые сами-же поддерживали большевиковъ до тѣхъ поръ, пока тѣ не принялись за политику притѣсненія «контръ-революціоннаго казачества».

Всѣ эти рассказы, изъ которыхъ, можетъ быть, многіе были значительно преувеличены, оставляли самое тягостное впечатлѣніе. Казалось, что добровольцы стараются перецеголять въ жестокости большевиковъ и главной ихъ цѣлью является не освобожденіе края отъ краснаго ига, а мщеніе. Кромѣ рассказовъ о такихъ жестокихъ расправахъ добровольцевъ съ подозрѣваемыми въ большевизмѣ лицами, до Сочи доходили и оффиціальныя приказы добровольческихъ властей, изъ которыхъ было видно, что руководители Добрармін не признаютъ никакихъ законовъ и постановленій Временнаго Правительства, распустили демо-

кратическіе органы самоуправленія, поставивъ во главѣ городскихъ и общественныхъ учреждений назначенныхъ свыше членовъ управъ, и назначаютъ на административные посты полицейскихъ чиновниковъ до-революціоннаго времени, пользовавшихся опредѣленной репутаціей и ненавистью населенія.

Все это и явилось причиной обращенія къ Грузинскому правительству мѣстныхъ демократическихъ круговъ, считавшихъ, что происходящія на Кубани безобразія являются послѣдствіями гражданской войны и военной диктатуры, которая со временемъ будетъ замѣнена болѣе демократической властью, а потому желавшихъ избавить округъ отъ подобныхъ испытаній. Вынося такое рѣшеніе, представители Сочинской демократіи отнюдь не мечтали объ отторженіи Сочинскаго округа отъ остальной Россіи. Они считали, что Сочинскій округъ является нераздѣльной частью Россіи, которая не можетъ существовать, хотя-бы и временно, самостоятельно и должна, впредь до установленія въ Россіи нормальнаго правопорядка, выбирать между двумя государственными образованіями — Кубанью (фактически находящейся въ рукахъ командованія Добров. арміи) и Грузіей, изъ коихъ первая ввела въ сосѣднемъ Туапсинскомъ округѣ полицейскій режимъ, отмѣнила выборы въ городское и земское самоуправленія, а вторая гарантировала Сочинскому округу полную внутреннюю автономію и свободное самоуправленіе.

Грузинское правительство, которому по стратегическимъ соображеніямъ было выгодно оставить за собой Сочинскій округъ, рѣшило, основываясь на обращеніи къ нему мѣстныхъ демократическихъ организацій, вступить въ переговоры съ командованіемъ Добровольческой арміи на предметъ установленія добрососѣдскихъ отношеній, опредѣленія временныхъ границъ между Кубанью и Грузіей и отказа добровольцевъ отъ посягательствъ на Сочинскій округъ.

Генералъ Алексѣевъ согласился на веденіе переговоровъ въ Екатеринодарѣ, куда вскорѣ и прибыла делегачія Грузинскаго правительства въ лицѣ Е. П. Гегечкори и генерала Мазніева.

Однако переговоры эти кончились неудачно. Руководители Добрарміи, и въ особенности генералъ Деникинъ, совершили ту-же ошибку, которая впослѣдствіи была повторена на сѣверо-западѣ генераломъ Юденичемъ: они отказывались дать прямой и опредѣленный отвѣтъ о признаніи суверенитета объявившей себя самостоятельной республикой Грузіи. Что-же касается вопроса о Сочинскомъ округѣ и Гаграхъ, — то добровольцы категорически потребовали отъ грузинъ очищенія этого района и передачи его назначеннымъ Добрарміей властямъ. Ввиду отказа грузинъ исполнить это требованіе, между Добрарміей и Грузинской республикой началось состояніе войны, которое, впрочемъ, долгое время не выливалось въ форму вооруженныхъ столкновеній и ограничивалось тѣмъ, что обѣ стороны держали на сѣверной границѣ Сочинскаго округа довольно сильныя отряды войскъ.

Между тѣмъ въ Сочинскомъ округѣ начались подготовительныя работы по введенію земскаго самоуправления, котораго въ Черноморской губерніи до революціи не было, несмотря на неоднократныя ходатайства населенія.

Въ связи съ этимъ началась опредѣленная агитачія правыхъ элементовъ, рѣшившихъ использовать предвыборную кампанію для проведенія въ земство сторонниковъ Добрарміи. Однако такихъ сторонниковъ среди крестьянъ, за исключеніемъ ненавидѣвшихъ грузинъ армянскихъ поселянъ, не находилось. Тогда правые рѣшили прибѣгнуть къ запугиванію крестьянъ, угрожая имъ всевозможными карами со стороны добровольцевъ, которые рано или поздно выгонять.

грузинъ изъ Сочинскаго округа. Въ деревняхъ отъ поры до времени стали появляться разные приказы и предписанія Черноморскаго военнаго генералъ-губернатора Кутепова, считавшаго себя въ правѣ, несмотря на оккупацию Сочинскаго округа грузинами, отдавать распоряженія не находящемуся фактически подъ его властью населенію.

Одинъ изъ такихъ приказовъ отразился и на нашемъ кооперативѣ, который вскорѣ прекратилъ свое существованіе. Однажды нами полученъ былъ приказъ генерала Кутепова, въ которомъ говорилось, что ему извѣстно о томъ, что группой солдатъ самочинно захваченъ принадлежащій графу Мусину-Пушкину земельный участокъ. Во избѣжаніе суроваго наказанія, которое постигнетъ насъ послѣ присоединенія Сочинскаго округа къ Россіи, приказывалось немедленно прекратить на участкѣ всякую работу и передать его представителю законнаго владѣльца.

Для насъ было вполне ясно, что приказъ этотъ является результатомъ доноса управляющаго Мусина-Пушкина, который незадолго передъ этимъ являлся въ кооперативъ и угрожалъ въ скоромъ времени выгнать насъ съ участка при помощи казацкихъ плетей.

Кооператоры наши приуныли. Многіе изъ нихъ говорили, что грузинамъ дѣйствительно придется скоро очистить Сочи и тогда добровольцы въ лучшемъ случаѣ выгонятъ насъ съ участка, а въ худшемъ — обвинятъ въ большевизмѣ и разстрѣляютъ. Напрасно другіе товарищи доказывали, что мы пользуемся участкомъ съ разрѣшенія Временнаго Правительства, выдавшаго намъ оффиціальное удостовѣреніе. Всѣ понимали, что Кутеповъ никакого вниманія на бумагу Временнаго Правительства не обратитъ. Было досадно, затративъ столько трудовъ и энергій, бросить начатое дѣло, уже начавшее приносить чистую прибыль, но продолжать работу, не будучи увѣренными въ томъ, что благодаря случайностямъ гражданской войны намъ не придется лишиться всего имущества и инвентаря — было невозможно. На общемъ собраніи было рѣшено ликвидировать кооперативъ. Только шесть наиболѣе упорныхъ и упрямыхъ кооператоровъ рѣшили продолжать работу и оставаться на участкѣ до послѣдней возможности. Распродавъ часть живого и мертваго инвентаря, мы снабдили покидающихъ кооперативъ товарищей деньгами, обеспечивающими имъ возможность вернуться на родину. Но немногіе изъ нихъ вернулись въ родныя мѣста: большинство погибло на фронтахъ гражданской войны, мобилизованные по дорогѣ домой или добровольцами, или большевиками.

2-го Декабря собрался окружной крестьянскій съѣздъ, выслушавшій докладъ представителей грузинскаго правительства о правительственныхъ предначертаніяхъ по устроению мѣстной культурно-хозяйственной жизни, о введеніи въ округъ давно жданнаго земскаго самоуправленія и о порядкѣ взаимоотношеній органовъ мѣстнаго самоуправленія съ агентами правительства Грузинской республики.

Выслушавъ этотъ докладъ и одобривъ правительственныя предначертанія, съѣздъ вынесъ резолюцію, въ которой отъ имени всего Сочинскаго крестьянства заявилъ, что, оставаясь сторонникомъ воссоединенія Сочинскаго округа съ остальной Россіей, какъ только образуется въ ней единая, твердая демократическая власть, созданная на принципѣ полнаго народоправства, онъ считаетъ, что временное присоединеніе Сочинскаго округа къ Грузіи является необходимымъ въ интересахъ крестьянства, какъ избавляющее его отъ всѣхъ ужасовъ гражданской войны и обеспечивающее ему права самоуправленія.

Принятая съѣздомъ резолюція была встрѣчена съ живѣйшимъ удовлетвореніемъ демократическими кругами и вызвала взрывъ негодованія среди малочисленныхъ сторонниковъ Добровольческой арміи, жестоко отплатившей впоследствии Сочинскимъ крестьянамъ за эту резолюцію, которая была названа «государственной измѣной».

Сторонники Добрарміи использовали національную вражду между армянами и грузинами, вошли въ контактъ съ мѣстнымъ комитетомъ Дашнакцакановъ и стали организовывать армянскія дружины и готовить выступленіе армянъ противъ грузинскихъ войскъ. Однако, добровольцы предупредили назрѣвавшее возстаніе армянскихъ поселянъ и вскорѣ сами перешли въ наступленіе противъ грузинъ и заняли Сочинскій округъ.

Стоявшій на границѣ Сочинскаго округа грузинскій отрядъ состоялъ изъ 6-ти ротъ 2-го грузинскаго полка и двухъ батарей. Командовалъ фронтомъ генералъ Коніевъ, очень симпатичный, но совершенно бездарный въ военномъ отношеніи офицеръ.

Въ качествѣ члена окружного комитета по введенію земскаго самоуправленія, я часто бывалъ въ селеніяхъ прифронтной полосы и убѣдился въ крайней безпечности грузинскаго отряда, фланги котораго совершенно не охранялись и могли быть въ любой моментъ обойдены противникомъ. Въ тылу у грузинъ постоянно появлялись добровольческіе разѣзды, производившіе совершенно свободно фуражировку и развѣдку грузинскихъ позицій. Между грузинскими и добровольческими офицерами было установлено своеобразное перемиріе и добровольцы открыто пріѣзжали со своихъ позицій въ Сочи, гдѣ по нѣскольку дней кутили въ «Ривьерѣ» и другихъ ресторанахъ.

Какъ-то разъ я въ шутку сказалъ Коніеву и особоуполномоченному грузинскаго правительства Хочолава, что въ одинъ прекрасный день они, проснувшись утромъ, увидятъ подъ своими окнами добровольческихъ часовыхъ.

Хочолава отвѣтилъ мнѣ, что добровольцы никогда не посмѣютъ предпринять наступленіе на Сочи, такъ-какъ Англійское командованіе на Кавказѣ дало за вѣреніе грузинскому правительству, что всякое враждебное дѣйствіе Деникина противъ Грузіи будетъ разсмотрѣно, какъ враждебный актъ противъ англичанъ.

Къ описываемому моменту англійскія войска заняли Баку, оккупировали Грузію, явившись на смѣну германскимъ войскамъ, которыя послѣ заключенія перемирія на западномъ фронтѣ должны были очистить югъ и юго-востокъ Россіи.

Приходъ англичанъ былъ встрѣченъ очень холодно грузинами, опасавшимися того, что англичане приберутъ въ свои руки все управленіе страной. Германскія войска оставили послѣ себя самыя лучшія воспоминанія въ Тифлисѣ, Сухумѣ и другихъ городахъ, въ которыхъ они стояли, такъ-какъ вели себя очень корректно и германское командованіе совершенно не вмѣшивалось во внутреннее управленіе республикой, оберегая вмѣстѣ съ тѣмъ Грузію отъ захватническихъ поползновеній со стороны турокъ. Англичане и въ особенности англійское командованіе на первыхъ порахъ старались держать себя въ Грузіи, какъ завоеватели, и только твердая политика правительства Жорданія и рѣшительныя заявленія его о томъ, что, въ случаѣ попытокъ англичанъ захватить въ свои руки управленіе страной, оно не останется передъ открытымъ разрывомъ со всѣми вытекающими изъ такого разрыва послѣдствіями, спасло Грузію отъ превращенія въ Англійскую колонію.

Англичане опредѣленно сочувствовали Добровольческой арміи и генералу

Деникину, рассматривая грузинъ, какъ взбунтовавшуюся противъ суверена область. Однако они не рѣшались открыто вмѣшаться въ конфликтъ между Грузіей и Добрарміей, предпочитая дѣйствовать другими путями.

Получая указанія и распоряженія отъ находившагося въ Константинополѣ Главнокомандующаго всѣми Велико-Британскими вооруженными силами на Востокѣ, англійскіе генералы, командовавшіе оккупационными войсками въ Грузин, старались всѣми мѣрами поддерживать всякое требованіе Деникина и одновременно обезсилить грузинъ и усыпить ихъ бдительность. Вспыхнувшая въ концѣ Декабря армяно-грузинская война во многомъ обязана своимъ возникновениемъ политикѣ англійскаго командованія, рассчитывавшаго обезсилить грузинъ и сдѣлать ихъ болѣе послушными указаніямъ англійскихъ генераловъ.

Когда обнаружались признаки усиленной подготовки добровольцевъ къ наступленію на Сочи, англичане успокоили грузинское правительство, заявивъ, что они не допустятъ начала военныхъ дѣйствій между грузинами и добровольцами. Болѣе того, англичане официально предложили грузинамъ нейтрализовать спорный Сочинскій округъ, передавъ всю власть въ округѣ избранному населеніемъ земскому и городскому самоуправленію, и занявъ его для обезпеченія порядка небольшимъ англійскимъ отрядомъ. Впредь до рѣшенія грузинскаго правительства о согласіи или несогласіи его на такое предложеніе, англичане заявили, что всякое наступленіе добровольцевъ на Сочи будетъ ими рассматриваться, какъ враждебный актъ противъ англійскаго правительства.

Грузины совершенно успокоились, повѣривъ заявленію англичанъ, чѣмъ и воспользовались добровольцы, внезапно напавшіе на грузинскій отрядъ, стоявшій на границѣ Сочинскаго округа.

Это событіе произошло въ Февралѣ 1919 года.

Я находился въ это время въ Гаграхъ (въ 60 верстахъ къ югу отъ Сочи), гдѣ занималъ должность завѣдывающаго Гагринской климатической станціей.

Наканунѣ занятія Сочи добровольцами, командовавшій грузинскимъ отрядомъ генералъ Коніевъ пріѣхалъ въ Гагры попить на свадьбѣ одного изъ грузинскихъ офицеровъ; ничто не предвѣщало нападенія добровольцевъ, и большинство грузинскихъ офицеровъ прикатили вслѣдъ за генераломъ въ Гагры, чтобы повеселиться на свадьбѣ своего товарища.

На слѣдующій день утромъ генералу сообщили изъ Сочи о начавшемся наступленіи добровольцевъ. Онъ немедленно выѣхалъ на своемъ автомобилѣ въ Сочи, и при вѣздѣ въ городъ былъ взятъ въ плѣнъ, успѣвшимъ уже занять городъ непріателемъ.

Оказалось, что рано утромъ добровольцы внезапно атаковали съ фронта грузинскій отрядъ. Сформированные добровольцами въ тылу у грузинъ армянскія дружины напали на нихъ съ фланга и съ тыла, а небольшая колонна добровольцевъ подошла къ самому городу, занявъ вокзалъ и возвышенную часть Сочи. Вслѣдъ за этимъ командовавшій добровольцами генералъ Бурневичъ предъявилъ ультиматумъ грузинскому командованію — сдать оружіе. Послѣ незначительнаго сопротивленія, небольшой грузинскій отрядъ, отступившій къ «Ривьерѣ», гдѣ находились штабъ отряда и канцелярія особоуполномоченнаго Хочолава, принужденъ былъ капитулировать и выдать все оружіе добровольцамъ.

Какова была роль англичанъ въ этомъ наступленіи видно изъ того, что, когда, послѣ занятія Сочи грузины мобилизовали шесть баталіоновъ народной гвардіи и отправили ихъ въ Поті для дальнѣйшей переброски моремъ въ Гагры,

то англичане заявили грузинскому правительству, что такая переброска войск совершенно излишня, такъ-какъ Деникину предложено Британскимъ верховнымъ командованіемъ немедленно вернуть оружіе грузинскому отряду и очистить Сочи.

Когда-же, несмотря на такое заявленіе, грузины все-таки отправили народную гвардію въ Поті и начали грузить войска на зафрахтованный ими частный пароходъ «Кавказъ», къ генералу Гедеванову, командовавшему народной гвардіей, явился англійскій офицеръ и отъ имени Британскаго главнокомандующаго заявилъ, что пароходъ этотъ необходимъ англичанамъ, а потому онъ требуетъ немедленной разгрузки его.

Грузинамъ пришлось подчиниться, такъ-какъ въ порту находились англійскіе миноносцы. Народная гвардія двинулась походнымъ порядкомъ и, конечно, опоздала. Благодаря содѣйствію англичанъ, добровольцы уже заняли Гагры и дошли до рѣки Бзыби, то-есть до границы Кутаисской губерніи.

XII

Первыми шагами добровольцевъ въ занятомъ ими Сочинскомъ округѣ явилась мѣсть мѣстной демократіи, осмѣлившейся предпочесть генеральской диктатурѣ демократическіе порядки Грузинской республики.

Всѣ демократическія организаціи — городская дума, земскій комитетъ, профессиональные рабочіе союзы были распущены, а неуспѣвшіе во время скрыться члены этихъ организацій арестованы по обвиненію въ государственной измѣнѣ.

Что-же касается до чиновниковъ-грузинъ и взятыхъ въ плѣнъ офицеровъ и солдатъ грузинской арміи, то всѣ они были обезоружены и подъ усиленнымъ конвоемъ отправлены въ Туапсе, гдѣ ихъ помѣстили въ тифозныхъ баракахъ Черноморской дороги.

Въ числѣ арестованныхъ и отправленныхъ въ Новороссійскую тюрьму находился также и бывший предсѣдатель Сочинской городской думы, предсѣдатель перваго исполнительнаго комитета совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ (до-большевистскаго періода) прапорщикъ Теръ-Григорьянъ, исполнявшій въ послѣднее время должность правителя канцеляріи особоуполномоченнаго Грузинскаго правительства Хочолавы. Теръ-Григорьянъ былъ выдѣленъ въ особую группу-наиболѣе важныхъ преступниковъ и ему былъ предъявленъ рядъ обвиненій: въ государственной измѣнѣ, въ возбужденіи населенія противъ добровольческой арміи и въ сочувствіи большевизму. Только спустя нѣсколько мѣсяцевъ грузинское правительство, подъ угрозой примѣненія такихъ-же репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ оставшимся въ Грузіи бывшимъ офицерамъ русской арміи, добилось черезъ англичанъ освобожденія изъ тюрьмы генерала Коніева, Хочолавы, другихъ арестованныхъ чиновниковъ (въ томъ числѣ и Теръ-Григорьяна) и возвращенія въ Грузію всѣхъ офицеровъ и солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ добровольцами.

Все управленіе округомъ перешло къ военнымъ властямъ, которымъ были подчинены начальникъ округа и участковые пристава, на каковыя должности были назначены опытные чины прежней жандармеріи и полиціи. Затѣмъ была сформирована государственная стража изъ бывшихъ стражниковъ, полицейскихъ урядниковъ и городскихъ. Новое начальство принялось энергично за восстановленіе «порядка и законности» и прежде всего начало сводить личные

счета съ населеніемъ, вымещая на немъ всѣ выпавшіе на ихъ долю за время революціи обиды и униженія.

Крестьянство отнеслось вначалѣ къ приходу добровольцевъ совершенно равнодушно, а армяне, составлявшіе до 30% крестьянскаго населенія въ округѣ, благодаря агитаціи Дашнакчакановъ радостно привѣтствовали новую власть, какъ избавительницу отъ грузинскаго ига.

Но недолго продолжалось равнодушное отношеніе крестьянства къ новой власти, которая вскорѣ возбудила къ себѣ жгучую ненависть крестьянъ. Ненависть эта была вызвана, во-первыхъ, назначеніемъ на административные посты старыхъ полицейскихъ взяточниковъ, во-вторыхъ — начавшимися реквизиціями кукурузы, фуража, лошадей и повозокъ и, въ третьихъ, — безобразнымъ поведеніемъ новыхъ властей и преслѣдованіемъ крестьянъ за пользованіе частновладѣльческими участками, хотя большинство этихъ участковъ было передано въ пользованіе крестьянамъ учрежденнымъ при Временномъ Правительствѣ земельнымъ комитетомъ. Лѣсничіе и чины лѣсной стражи, получавшіе до революціи порядочные доходы за нелегальныя разрѣшенія, выдаваемые ими крестьянамъ на пользованіе казенными участками, стали также угрожать поселянамъ и требовать возмѣщенія убытковъ за все время революціи. Естественно, что такія мѣропріятія быстро вызвали въ крестьянахъ опредѣленное отношеніе къ новой власти и къ «кадетскимъ порядкамъ».

Каждому дальновидному и безпристрастному наблюдателю должно было казаться непонятнымъ, какъ та власть, которая стремилась къ восстановленію «Великой, единой и недѣлимой Россіи» можетъ примѣнять подобныя мѣры и такую систему управленія къ тому населенію, которое могло служить ей единственной опорой въ задуманномъ грандіозномъ предпріятіи — восстановленія порядка и законности въ такой огромной странѣ, какъ Россія! Особенно страннымъ и непонятнымъ являлось отношеніе къ естественному противнику коммунистическаго строя, каковымъ было крестьянство. Но стоявшіе во главѣ власти военные совершенно не считались съ возможными послѣдствіями такой политики и упорно подрубали тотъ сукъ, на которомъ очень не прочно сидѣли.

Результатомъ всего этого явилось то, что черезъ мѣсяць, послѣ занятія добровольцами Сочинскаго округа, населеніе вспоминало съ сожалѣніемъ ушедшихъ большевиковъ, а черезъ полтора мѣсяца — крестьяне съ оружіемъ въ рукахъ возстали противъ новой власти.

— Большевиковъ, когда стали притѣснять насъ, выгнали! Богъ дастъ и «кадеты» погонимъ, — говорили крестьяне.

Толчкомъ къ возстанію послужилъ приказъ о всеобщей мобилизаціи населенія до сорока-лѣтняго возраста.

Крестьяне заявили, что проливать свою кровь за такую власть — они не желаютъ, такъ какъ мобилизованныхъ солдатъ «кадеты» пошлютъ усмирять такихъ же крестьянъ или драться съ большевиками, которые оказываются ничуть не хуже добровольцевъ.

Въ то время голодъ и другія лишения, наступившія черезъ два года, не вызывали еще той апатичности и молчаливой покорности, которая овладѣла теперь и крестьянствомъ, и городскимъ населеніемъ и которая позволяетъ большевикамъ безцеремонно обращаться съ русскимъ народомъ, мобилизовать его, гнать на заводы и на разныя повинности. Поэтому принятое во всѣхъ деревняхъ рѣшеніе было въ точности исполнено, и начатая крестьянами борьба была доведена до конца.

Впослѣдствіи крестьянинъ селенія Пластунки, Семеновъ, слѣдующими словами рассказывалъ объ отношеніи крестьянъ къ добровольцамъ и о причинахъ, побудившихъ ихъ не повиноваться приказу о мобилизаціи:

— Когда пришли добровольцы, стали мы узнавать, что они за люди: разбойники, или друзья наши? На видъ наши русскіе люди, идутъ за единую, недѣлимую Россію и говорятъ, что проводятъ народную власть. Ну мы и успокоились. Вдругъ слышимъ назначенъ къ намъ начальствомъ старый урядникъ. Что за притча, думаемъ, какая же это народная власть, коли снова взяточники и кровопійцы надъ нами командовать будутъ? Потомъ начались всякія реквизиціи, а опосля — мобилизацію объявили. Вотъ мы и порѣшили — не давать людей въ солдаты, потому что увидали, какая это власть. Тогда намъ объявили, что за неявку будутъ разстрѣливать и вся деревня будетъ отвѣчать круговой порукой. А мы все-таки отказались отъ мобилизаціи и рѣшили, коль придутъ «кадеты» въ деревню — биться съ ними, а на своемъ стоять.

Рѣшеніе не подчиняться приказу о мобилизаціи было принято на отдѣльныхъ сельскихъ сходахъ, но затѣмъ крестьяне рѣшили обсудить этотъ вопросъ на большомъ окружномъ сходѣ съ тѣмъ, чтобы рѣшеніе окружного схода было проведено повсемѣстно. Поселковые сходы избрали делегатовъ на окружной сходъ, который и собрался въ назначенный начальникомъ округа первый день явки мобилизованныхъ.

Все мужское населеніе, подлежащихъ явкѣ возрастовъ, собралось въ лѣсахъ, ожидая рѣшенія окружного схода. Сходъ собрался также въ лѣсу подъ усиленной охраной вооруженныхъ крестьянъ. Обсудивъ создавшееся въ округѣ положеніе, сходъ единогласно вынесъ слѣдующее постановленіе:

«Крестьяне, не желая погибать на грузинскомъ и большевистскомъ фронтахъ, защищая интересы «кадетъ», постановили — освободиться отъ Деникинской власти, или же умереть здѣсь, у своихъ хатъ, защищая свою свободу».

Этимъ рѣшеніемъ было положено начало «зеленаго движенія», зародившагося въ Сочинскомъ округѣ, перекинувшагося вскорѣ въ Туапсинскій и Новороссійскій округа и распространившагося затѣмъ по всему юго-востоку Россіи.

Подлинное зеленое движеніе ничего общаго не имѣетъ съ бандитизмомъ, съ скрывающимися въ горахъ и лѣсахъ шайками грабителей и съ бѣло-зелеными партизанами. Подлинные зеленые — являлись и являются мѣстными крестьянами, возставшими и противъ добровольческихъ, и противъ большевистскихъ властей, и всюду въ дальнѣйшемъ повѣствованіи, упоминая о «зеленыхъ», я буду говорить лишь о подлинныхъ зеленыхъ, то-есть о повстанцахъ-крестьянахъ.

Вѣсть о принятомъ на сходѣ рѣшеніи быстро облетѣла всѣ селенія Сочинскаго округа и ни одинъ крестьянинъ на мобилизацію не явился.

Мѣстные власти усмотрѣли въ такомъ ослушаніи крестьянъ признакъ бунта, донесли объ этомъ въ Екатеринодаръ и получили приказаніе главнаго командованія Добровольческой арміи — силой заставить крестьянъ подчиниться приказу о мобилизаціи.

Крестьяне предугадали возможные послѣдствія своего рѣшенія и приготовились къ самозащитѣ. Для организаціи такой самозащиты на окружномъ сходѣ былъ избранъ «Народный штабъ», которому было поручено формированіе крестьянскихъ партизанскихъ отрядовъ для охраны селеній отъ неожиданныхъ нападеній добровольцевъ. Сформированные штабомъ отряды были довольно

многочисленны, но плохо вооружены: трех-линейныя винтовки насчитывались въ отрядахъ единицами, остальное огнестрѣльное оружіе состояло изъ небольшого числа четырехъ-линейныхъ берданокъ и дробовыхъ охотничьихъ ружей, а часть партизанъ была вооружена просто колями и топорами.

Несмотря на такое плохое вооруженіе, крестьяне вышли побѣдителями изъ перваго столкновенія съ карательнымъ отрядомъ полковника Чайковскаго, высланнымъ властями для усмиренія крестьянъ ближайшихъ къ Сочи селеній Пластунки и Навагинки. Отрядъ Чайковскаго, не ожидавшій встрѣтить вооруженнаго сопротивленія, принужденъ былъ отступить отъ Пластунки, бросивъ пулеметъ и потерявъ 12 человекъ убитыми и 25 ранеными. Въ числѣ убитыхъ оказался и начальникъ отряда — полковникъ Чайковскій.

Съ этого столкновенія началась партизанская война «зеленыхъ» съ карательными отрядами Добрарміи.

«Зеленымъ» не всегда удавалось защитить свои села отъ вторженія карательныхъ отрядовъ. Видя, что имъ не подь силу оборонять подступы къ деревнѣ, зеленые уходили въ ближайшій лѣсъ или въ горы, продолжая оттуда обстрѣливать противника. Добровольцы, ворвавшись въ деревню, принимались за экзекуцію остававшихся въ ней крестьянъ, не дѣлая никакой разницы между мужчинами и женщинами, между взрослыми и дѣтьми. Экзекуція состояла въ поркѣ шомполами, послѣ чего карательный отрядъ удалялся изъ деревни, реквизируя скотъ, запасы хлѣба и фуража. Если въ деревнѣ случайно оказывался мужчина призывного возраста — онъ, въ лучшемъ случаѣ, жестоко избивался шомполами и уводился отрядомъ въ городъ, а въ худшему случаѣ — тутъ же на мѣстѣ разстрѣливался въ назиданіе прочимъ.

Командовавшій добровольческими войсками въ Сочинскомъ округѣ, генераль Бурневичъ издалъ приказъ, въ которомъ объявилъ, что въ случаѣ, если повстанцы не вернуться въ свои деревни, не сдадутъ оружія и не выдадутъ главарей — то всѣ они будутъ объявлены врагами родины, дома ихъ будутъ сожжены, а все имущество реквизировано.

Однако приказъ этотъ не имѣлъ никакихъ результатовъ, и начальники карательныхъ отрядовъ принялись въ точности исполнять указанныя генераломъ мѣропріятія, возбудивъ въ крестьянахъ еще большее озлобленіе.

Вскорѣ начальство убѣдилось, что никакія жестокости карательныхъ отрядовъ не могутъ обратить крестьянъ на путь послушанія. Тогда рѣшено было приступить къ мирнымъ переговорамъ черезъ посредство Армянскаго національнаго совѣта. Добровольцы предложили слѣдующія условія: полную амнистію всѣмъ участникамъ движенія, отмѣну мобилизаціи и созывъ крестьянскаго съѣзда для обсужденія дальнѣйшихъ взаимоотношеній между крестьянствомъ и властями. Народный штабъ принялъ эти условія, распустилъ отряды и прекратилъ вооруженную борьбу.

Но добровольцы не сдержали своихъ обѣщаній и вскорѣ, по приказанію начальника округа, чины государственной стражи стали вылавливать изъ деревень наиболѣе активныхъ руководителей только-что прекратившагося движенія. На этой почвѣ начались новыя волненія, перешедшія вскорѣ въ новое возстаніе.

Въ селеніи «Третья рота» стражники арестовали двухъ заподозрѣнныхъ ими участниковъ «зеленаго движенія». Поселяне отбили арестованныхъ и избили стражниковъ, вернувшись въ Сочи и донесшихъ начальнику округа о «бунтѣ». Для подавленія бунта былъ немедленно высланъ карательный отрядъ полков-

ника Петрова, какъ снѣгъ на голову свалившійся на ничего не подозрѣвавшее селеніе.

То, что произошло тогда въ селеніи «Третья рота», по своей кошмарности и чудовищной жестокости, превосходитъ всѣ расправы, учиненныя до и послѣ того добровольцами и большевиками въ Сочинскомъ округѣ.

Полковникъ Петровъ оцѣпилъ селеніе, согналъ въ кучу все населеніе и объявилъ, что намѣренъ разстрѣлять поголовно всѣхъ мужчинъ. Затѣмъ онъ заявилъ, что согласенъ смягчить свой приговоръ, если крестьяне соберутъ ему контрибуцію въ пять тысячъ рублей и выставятъ угощеніе. Деньги были собраны и угощеніе — ведро самогонки и закуска были выставлены. Начался пиръ. Во время пира полковникъ обратился къ собраннымъ крестьянамъ съ грозной рѣчью, упрекая ихъ въ неповиновеніи властямъ предрержащимъ.

— Я долженъ былъ всѣхъ васъ растрѣлять, но обѣщаль смилостивиться и отъ своего слова не отступлю. Поэтому я разстрѣляю только каждаго десятаго!

Крестьянъ построили въ одну шеренгу, поставивъ въ рядъ всѣхъ мужчинъ, начиная отъ 16-ти лѣтнихъ парней. Каждаго десятаго отводили въ сторону. Здѣсь-же находились женщины и дѣти, которыхъ прикладами отгоняли отъ намѣченныхъ жертвъ.

Осужденные держали себя гордо и никто изъ нихъ не просилъ пощады. Одинъ изъ нихъ — 16-ти лѣтній парнишка — перекрестился, подбѣжалъ къ стоявшему передъ нимъ съ винтовкой офицеру, ударилъ его по щекѣ и, прежде чѣмъ его успѣли схватить, бросился съ разбѣга въ пропасть, разбившись на смерть.

Разстрѣливать осужденныхъ вызвался изрядно подвыпившій офицеръ. Онъ всталъ въ десяти шагахъ передъ приговоренными и не спѣша, съ папироской во рту, по очереди перестрѣлялъ 11 человекъ. Фамилія этого палача — прапорщикъ Бельгійскій...

По окончаніи казни полковникъ Петровъ продолжалъ тутъ-же, на трупахъ казненныхъ имъ безъ всякаго суда и слѣдствія крестьянъ, прерванную пирушку и только когда самогонка была вся вышита, отрядъ ушелъ изъ селенія.

Если-бы я самъ своими глазами не видѣлъ братской могилы казненныхъ, не слышалъ-бы этого разказа отъ непосредственныхъ свидѣтелей и не читалъ-бы составленнаго протокола, подписаннаго сотней свидѣтелей и скрѣпленнаго мѣстнымъ священникомъ — я никогда-бы не повѣрилъ, что интеллигентный человекъ, офицеръ, способенъ на такую жестокость! Однако, описанный мною случай, къ сожалѣнію, имѣлъ мѣсто въ дѣйствительности.

Полковникъ Петровъ впоследствии жестоко поплатился за эти безсмысленныя казни: въ Февралѣ 1920 года онъ былъ взятъ въ плѣнъ Черноморскимъ крестьянскимъ ополченіемъ. Когда его вмѣстѣ съ другими плѣнными доставляли въ Сочи, то у селенія Дагомысь (близь Третьей роты) Петрова узнала женщина — вдова казненнаго имъ крестьянина. Тотчасъ вѣсть о томъ, что ведутъ Петрова — разлетѣлась по селенію. Бабы, вооруженныя палками, топорами и скалками (никого изъ мужчинъ въ Третьей ротѣ не было — всѣ они находились на фронтѣ) бросились на конвой, отбили полковника Петрова, притащили его на мѣсто казни и буквально разорвали на части.

Дѣйствія карательнаго отряда полковника Петрова и другого «карателя» полковника Карташева вызвали новое возстаніе «зеленыхъ». Борьба съ обѣихъ сторонъ становилась съ каждымъ днемъ все ожесточеннѣе.

Крестьянство рѣшило обратить вниманіе находившихся при штабѣ Добрар-

минъ англійскихъ офицеровъ на создавшееся въ округѣ положеніе и на дѣйствія карательныхъ экспедицій. Вообще крестьяне возлагали большія надежды на бывшихъ союзниковъ, считая, что они возьмутъ ихъ подъ свою защиту и не позволятъ добровольцамъ притѣснять населеніе. На 2-й день праздника Пасхи делегація съ приговорами 21-го селенія явилась въ Гаграхъ къ англійскому полковнику Файну.

Полковникъ Файнъ выслушалъ делегацію, мелькомъ взглянулъ на приговоры и отвѣтилъ крестьянамъ, что онъ ничѣмъ имъ помочь не можетъ:

— Если-бы добровольцы васъ на моихъ глазахъ рѣзали, я и тогда-бы не имѣлъ права заступиться за васъ, ибо генералъ Деникинъ и его армія являются законной властью, признанной правительствомъ короля Англій!

Приговоры съ подписями крестьянъ были переданы полковникомъ Файномъ генералу Бурневичу, распорядившемуся арестовать нѣкоторыхъ изъ подписавшихся подъ ними.

Послѣ этого случая крестьяне махнули рукой на союзниковъ и стали считать англичанъ такими-же своими врагами, какъ и добровольцевъ.

XIII

Гагры съ его курортомъ, паркомъ и благоустройствомъ были созданы принцемъ А. П. Ольденбургскимъ, желавшимъ, чтобы Гагры заняли равное мѣсто съ первоклассными Европейскими курортами. Устраивая Гагринскую климатическую станцію, принцъ Ольденбургскій добился включенія Гагринскаго участка въ составъ Черноморской губерніи (до этого Гагры находились въ Кутаисской губерніи). Поэтому грузины считали, что Гагры являются безспорной частью Грузинской республики.

Примирившись съ занятіемъ добровольцами Сочи, грузины никакъ не примирялись съ потерей Гагръ и неоднократно обращались къ англійскому командованію съ просьбой повліять на Деникина, дабы заставить его очистить территорию Гагринскаго участка. Но англичане, по своему обыкновенію, давали грузинамъ уклончивые отвѣты и отнюдь не старались оказывать какого-бы то ни было давленія на Деникина.

Тогда Грузинское правительство рѣшило силой завладѣть отнятой у нихъ добровольцами территоріей и начало концентрировать свои войска въ Сухумскомъ округѣ.

Генералъ Деникинъ, которому нужны были войска на большевистскомъ фронтѣ, принужденъ былъ постепенно сокращать свои силы на Черноморскомъ побережьѣ. Изъ оставшихся въ Сочинскомъ округѣ добровольческихъ частей многія были сняты съ грузинскаго фронта для подавленія непрекращавшихся крестьянскихъ возстаній. Поэтому въ Гаграхъ и по линіи рѣки Бзыби у добровольцевъ осталось всего нѣсколько ротъ очень слабаго состава. Командованіе Добровольческой арміи безпокоилось, что грузины, воспользовавшись слабостью Гагринскаго отряда, смогутъ внезапно ихъ атаковать и занять Гагры. Но англичане изъявили готовность придти на помощь добровольцамъ и заняли своимъ пикетомъ единственную переправу черезъ рѣку Бзыбь — мостъ на Сухумскомъ шоссе. Англичане считали, что грузины никогда не осмѣлятся атаковать англійскій отрядъ, ибо такой шагъ явился-бы началомъ войны между Англійей и Грузіей.

Грузины, конечно, никогда-бы не рѣшились на такой шагъ, но они нашли другой выходъ изъ создавагося положенія, и опасенія добровольцевъ дѣйствительно оправдались.

Сосредоточивъ по линіи Бзыби восемь баталіоновъ, конный дивизионъ и четыре батареи Народной Гвардіи, грузины соорудили нѣсколько паромовъ и, воспользовавшись безопасностью добровольцевъ, считавшихъ себя вполне прикрытыми англійскимъ пикетомъ, переправились ночью на правый берегъ рѣки Бзыби. Добровольческій отрядъ былъ обойденъ съ фланговъ и поспѣшно очистилъ Гагры. Въ это-же время въ районѣ Адлера появился сильный отрядъ «зеленыхъ», почему добровольцы стали отступать прямо въ Сочи, а грузины, безъ всякаго сопротивленія со стороны непріятеля дошли до рѣки Мзымты (у Адлера).

Узнавъ про такую дерзость грузинъ, англичане ультимативно потребовали отъ Грузинскаго правительства прекратить дальнѣйшее наступленіе на Сочи и отойти на прежнюю позицію по линіи Бзыби. Однако, грузины заявили англичанамъ, что они очистятъ Адлеръ, но отойдутъ лишь до старой границы Кутаисской губ., то-есть до рѣки Мехадыръ (въ 15 в. къ сѣверу отъ Гагръ) и ни въ коемъ случаѣ не согласятся на очищеніе Гагръ. Въ концѣ-концовъ, англичане согласились на условія грузинъ, а добровольцы обѣщали при первомъ удобномъ случаѣ вновь выбить грузинскія войска изъ Гагръ. Событія эти произошли въ концѣ Апрѣля 1919 года.

Въ это время борьба Сочинскихъ крестьянъ съ властями и карательными отрядами Добрарміи принимала все болѣе и болѣе ожесточенный характеръ. Къ лѣту 1919 года добровольцы одержали крупныя успѣхи надъ большевиками и территорія, занятая ими, охватывала весь югъ и юго-востокъ Россіи. Съ приближеніемъ арміи къ Москвѣ оставшіеся въ ея тылу военные и гражданскіе чиновники становились все болѣе развязными и, поощряемые крайними реакціонными элементами, говорившими (слова генерала Кутепова), что возстановить Россію возможно лишь при помощи кнута и висѣлицы, всячески старались примѣнять эти способы возсозданія «Единой, Великой и Недѣлимой Россіи» на ввѣренной имъ правительствомъ Деникина территоріи. Способы эти испытало на себѣ и населеніе Сочинскаго округа.

Проводя такія суровыя мѣры, власти говорили, что они направлены противъ большевиковъ. Но на самомъ дѣлѣ — большевики, притаившіеся въ подпольѣ и дѣйствовавшіе по присылаемымъ имъ изъ Москвы директивамъ, страдали отъ нихъ гораздо меньше, чѣмъ ничего общаго не имѣвшее съ коммунистами населеніе. Коммунисты, подъ видомъ мелкихъ агентовъ контръ-развѣдки, государственной стражи и поставщиковъ интендантства, проникли во всѣ штабы и знали всѣ секреты Добрарміи, информируя своихъ Московскихъ товарищей о всемъ происходящемъ въ тылу и прифронтовой полосѣ. Въ этомъ я имѣлъ возможность убѣдиться лѣтомъ 1920 года, во время моего кратковременнаго пребыванія въ занятомъ большевиками Сочи, гдѣ одинъ изъ такихъ агентовъ смѣялся рассказывалъ мнѣ, какъ онъ служилъ въ Добровольческой контръ-развѣдкѣ, благодаря чему имѣлъ возможность подробно сообщать красной арміи о составѣ, численности и расположеніи Деникинскихъ войскъ. При этомъ большевики пользовались случаемъ для уничтоженія своихъ политическихъ противниковъ и очень часто добровольческія власти, сами того не подозрѣвая, арестовывали, предавали военно-полевому суду и вѣшали тѣхъ людей, смерть которыхъ была нужна коммунистамъ.

Усилившаяся съ приближеніемъ Добрарміи къ Москвѣ реакція способство-

вала увеличенію числа недовольныхъ и оппозиціонно настроенныхъ къ власти элементовъ, а въ крестьянскомъ населеніи Сочинскаго округа вызвала чуть-ли не поголовную тягу въ «зеленые».

Однако, вскорѣ крестьяне убѣдились въ невозможности вести успѣшную борьбу съ карательными отрядами добровольцевъ безъ соотвѣтствующей организациі. А для организациі крестьянъ всего округа необходимо было собрать делегатскій съѣздъ. Такой съѣздъ долженъ былъ избрать руководящій органъ, обсудить цѣли и способы борьбы и подчинить всѣ, дѣйствовавшіе до сего времени самостоятельно, «зеленые» отряды единому командованію.

Мѣстные власти зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы не допустить какихъ-либо съѣздовъ или частныхъ совѣщаній крестьянъ. Начальникамъ участковъ, старшинамъ и стражникамъ было предписано присутствовать на каждомъ сходѣ, которые разрѣшалось собирать также лишь съ вѣдома и согласія начальства. Поэтому крестьяне неоднократно дѣлали попытки устраивать тайныя совѣщанія въ горахъ и лѣсахъ.

Послѣ первыхъ удавшихся попытокъ, избранный на одномъ изъ тайныхъ совѣщаній временный организационный комитетъ рѣшилъ созвать окружной делегатскій съѣздъ въ расположенномъ далеко отъ шоссе, въ горахъ, селеніи Воронцовка. Съѣздъ этотъ былъ назначенъ на 14-е Августа.

Во всѣхъ деревняхъ и селеніяхъ приступили къ избранію делегатовъ, но къ несчастью одинъ изъ такихъ делегатовъ, бывшій подъ подозрѣніемъ у начальника поста государственной стражи, былъ арестованъ и подъ угрозой разстрѣла выдалъ начальнику Сочинской контръ-развѣдки день и мѣсто назначеннаго съѣзда.

Начальникъ округа выслалъ въ Воронцовку сильный отрядъ, который на разсвѣтѣ 14-го Августа окружилъ со всѣхъ сторонъ селеніе и приступилъ къ повальному обыску. Часть прибывшихъ на съѣздъ делегатовъ успѣла скрыться, но другая часть съ двумя членами организационнаго комитета — была арестована, причемъ въ руки карательнаго отряда попали всѣ бумаги и переписка организационнаго комитета.

Добровольцы торжествовали, такъ какъ среди арестованныхъ оказался давно разыскиваемый ими предсѣдатель организационнаго крестьянскаго комитета эсеръ Ефимъ Борисовичъ Спивакъ. Онъ былъ тутъ-же на мѣстѣ, безъ всякаго суда, разстрѣлянъ по приказанію начальника отряда, а другіе арестованные — уведены въ Сочи.

Такъ какъ изъ трехъ членовъ организационнаго комитета одинъ былъ разстрѣлянъ, а другой — арестованъ, то спасшіеся отъ ареста делегаты, собравшись въ этотъ же день въ ближайшемъ отъ Воронцовки лѣсу, рѣшили избрать новый комитетъ, которому и поручили созвать вторично окружной делегатскій съѣздъ. Я былъ избранъ членомъ новаго комитета.

Два мѣсяца велась дѣятельная подготовка къ съѣзду. Организационный комитетъ хотѣлъ, чтобы на съѣздѣ присутствовали не только представители Сочинскаго, но также и двухъ другихъ — Туапсинскаго и Новороссійскаго округовъ Черноморской губерніи. Для этой цѣли пришлось посылать ходоковъ въ сосѣдніе округа, въ которыхъ «зеленое движеніе» происходило еще болѣе неорганизованно, чѣмъ въ Сочинскомъ.

Вскорѣ выяснилось, что среди руководителей «зеленаго движенія» ощущается сильный недостатокъ въ интеллигентныхъ силахъ. Мѣстные, сочувствовавшіе крестьянамъ, интеллигенты всѣ находились подъ наблюденіемъ доброволь-

ческой контръ-развѣдки, и сношенія съ ними могли провалить все дѣло. Поэтому комитетъ рѣшилъ пригласить для работы другихъ людей, которые были-бы неизвѣстны чинамъ мѣстной контръ-развѣдки. Съ этой цѣлью я началъ вести переговоры съ прибывшими въ Грузію, бѣжавшими отъ Колчака, членами Учредительнаго Собранія. Двое изъ нихъ — В. Н. Филипповскій (бывшій председатель Самарскаго правительства) и Ф. Д. Сорокинъ — согласились принять дѣятельное участіе въ работахъ организаціоннаго комитета и выѣхали въ Черноморье.

Ф. Д. Сорокинъ, бывший матросъ императорской яхты «Штандартъ» и происходившій изъ крестьянъ Тамбовской губерніи, свободно проникъ подъ фамиліей Ковалева въ Сочинскій округъ, сталъ собирать тайныя сходки и провелъ выборы делегатовъ почти во всѣхъ селеніяхъ округа. Черезъ нѣкоторое время чины контръ-развѣдки узнали про Ковалева и власти отдали приказъ, въ случаѣ его поимки — разстрѣлять на мѣстѣ. Ковалеву-Сорокину пришлось уйти въ горы, откуда онъ, ежеминутно рискуя жизнью, спускался въ прибрежныя селенія и не пропускалъ ни одного схода, ни одного крестьянскаго совѣщанія.

Мѣстомъ съѣзда организаціонный комитетъ выбралъ «нейтральную зону», находившуюся между грузинскими и добровольческими позиціями, установленную по требованію англичанъ. Въ нейтральной зонѣ находилось четыре селенія, жители которыхъ признавали единственной властью организаціонный комитетъ и не подчинялись ни грузинамъ, ни добровольцамъ.

Делегатскій съѣздъ крестьянъ Черноморской губерніи собрался 18-го Ноября 1919 года. Съѣздъ этотъ собрался при неимовѣрно трудныхъ условіяхъ: добровольческая контръ-развѣдка тщательно наблюдала за всѣми дорогами, делегатамъ пришлось пробираться по трудно-проходимымъ, занесеннымъ снѣгомъ тропинкамъ, и многіе изъ нихъ пришли на съѣздъ съ отмороженными руками и ногами. Одинъ делегатъ Новороссійскаго и два делегата Сочинскаго округовъ были арестованы чинами контръ-развѣдки и подвергались жестокой поркѣ шомполами, такъ какъ отказывались выдать имена организаторовъ съѣзда и назвать деревню, въ которой онъ былъ назначенъ.

Такъ какъ для обсужденія создавагося въ губерніи положенія и рѣшенія организаціонныхъ вопросовъ требовалась спокойная обстановка, то рѣшено было перенести съѣздъ изъ нейтральной зоны, которая часто подвергалась нашествію развѣдывательныхъ отрядовъ Добрарміи, въ Гагры.

Грузины, сочувственно относившіеся къ Черноморскому крестьянству, среди котораго былъ порядочный процентъ ихъ соплеменниковъ, изъ боязни передъ англичанами не могли допустить на занятой ими территоріи легальныхъ засѣданій съѣзда, почему засѣданія эти происходили по ночамъ на дачѣ, отведенной грузинскими властями для бѣженцевъ изъ Черноморья, которымъ они оказывали самое широкое гостепріимство. Делегаты явились въ Гагры также подъ видомъ бѣженцевъ.

Съѣздъ начался съ докладовъ съ мѣстъ, причемъ представители всѣхъ районовъ Новороссійскаго, Туапсинскаго и Сочинскаго округовъ единодушно констатировали крайне тяжелое положеніе, въ которомъ находится крестьянское населеніе губерніи подъ властью добровольцевъ. Рассказывая о самоуправствѣ правительственныхъ чиновниковъ, объ обременительныхъ для деревни реквизиціяхъ и о жестокихъ репрессіяхъ, которымъ они подвергаются со стороны карательныхъ отрядовъ, делегаты утверждали, что, если при большевикахъ крестьянамъ приходилось туго, то при добровольцахъ тяжелѣе.

Къ этому времени Добровольческая армія начала терпѣть пораженія и большевики стали быстро приближаться къ Кавказу. Слухи объ этомъ проникли въ деревни, и крестьяне, радовавшіеся съ одной стороны поражению ненавистныхъ «кадетъ», вмѣстѣ съ тѣмъ безпокоились за свою дальнѣйшую судьбу, ибо, испытавъ на себѣ прелести большевистскаго режима, знали, что коммунистическая власть столь-же неприемлема и враждебна крестьянамъ, какъ и владычество добровольческихъ генераловъ. Поэтому делегаты настаивали на скорѣйшемъ всеобщемъ организованномъ возстаніи противъ Добрарміи, чтобы успѣть до прихода большевиковъ твердо укрѣпиться на Черноморьѣ и установить свою собственную, крестьянскую власть.

— Большевики разобьютъ «кадетъ», говорили делегаты: и не такъ большевики одолѣютъ ихъ, какъ самъ народъ и крестьянство, которому житья нѣтъ отъ «кадюковъ». А за «кадетами» явятся большевики и снова начнутъ ѣздить на нашей шеѣ. Мы не хотимъ «коммуни», а желаемъ сами быть у себя хозяевами. А для этого намъ нужно сначала выгнать добровольцевъ, а потомъ не допустить къ себѣ коммунию. Когда крестьяне въ другихъ губерніяхъ узнаютъ, что существуетъ въ одномъ мѣстѣ крестьянская власть, то захотятъ имѣть и у себя такую-же крестьянскую власть. Тутъ и придетъ конецъ большевикамъ: небось, красноармейцы-то тоже все крестьяне и противъ своихъ братьевъ-крестьянъ не пойдутъ, это не то, что съ «кадетами» воевать.

Послѣ такихъ рѣчей, отражавшихъ психологію и будущіе планы крестьянъ, была принята резолюція, въ которой крестьяне Черноморской губерніи заявляли, что большевистская диктатура является насиліемъ надъ волей народа и поэтому для нихъ неприемлема. Генеральская диктатура и политика руководящая дѣйствіями Добрарміи — одинаково неприемлема народу, который долженъ самъ стать на защиту своей свободы и одинаково бороться противъ той и другой диктатуры меньшинства надъ большинствомъ. Главную роль въ этомъ грядущемъ періодѣ революціи суждено сыграть крестьянству, ибо города экономически разорены и потеряли свое бывшее значеніе. Деревня-же фактически никѣмъ не покорена и не признаетъ ни большевистской, ни Деникинской власти. Крестьянство не раздавлено, не разорено и не хочетъ идти ни за черными, ни за коммунистическими знаменами. Поэтому крестьяне Черноморской губерніи, рѣшившись вступить въ организованную борьбу съ реакціей, обращаются ко всему русскому народу, какъ къ третьей силѣ, съ призывомъ сорганизоваться и вывить свою волю. Ближайшей цѣлью борьбы съѣздъ постановилъ считать образованіе Черноморской народной республики, а для проведенія этой борьбы — избралъ отвѣтственное передъ крестьянскимъ съѣздомъ правительство — Комитетъ Освобожденія Черноморья. Избранному Комитету Освобожденія съѣздъ поручилъ организовать планомѣрную борьбу съ Добрарміей, приступить къ переговорамъ съ Кубанской Радой на предметъ образованія Кубано-Черноморской народной республики и обратиться къ демократіямъ Европы и Америки съ протестомъ противъ помощи, оказываемой ихъ правительствами російской реакціи.

Съѣздъ избралъ В. Н. Филипповскаго председателемъ Комитета Освобожденія, а меня — товарищемъ председателя и командующимъ крестьянскимъ ополченіемъ Черноморской губерніи, которое мнѣ и было поручено организовать изъ всѣхъ партизанскихъ «зеленыхъ» отрядовъ.

Я, ни минуты не задумываясь и безъ всякихъ колебаній, согласился встать во главѣ крестьянской арміи, такъ-какъ всецѣло раздѣлялъ точку зрѣнія крестьянъ, которыхъ считалъ единственной здоровой силой, могущей возсоздать Россію.

И я увѣренъ, что если-бы не колеблющаяся и двусмысленная политика нашихъ ближайшихъ сосѣдей — руководителей Кубанскаго казачества и не усиливавшія большевиковъ авантюры жаждавшихъ власти генераловъ, на Сѣверномъ Кавказѣ было-бы положено начало могущественной крестьянской республики.

Тотчасъ-же послѣ съѣзда я принялся за реорганизацію зеленыхъ отрядовъ и формированіе Черноморскаго крестьянскаго ополченія.

Въ основу организаціи ополченія былъ положенъ проэктъ народной милиціи и формированія территориальныхъ комплектованій. Въ началѣ эта реформа была проведена только въ Сочинскомъ округѣ и дала блестящіе результаты.

Сочинскій округъ былъ разбитъ на девять районовъ (волостей). Въ каждомъ районѣ на делегатскомъ собраніи представителей входящихъ въ районъ селеній былъ избранъ районный штабъ крестьянскаго ополченія изъ трехъ пользовавшихся безусловнымъ авторитетомъ мѣстныхъ жителей, по преимуществу бывшихъ солдатъ. Функціи районныхъ штабовъ заключались въ учетѣ мужского населенія отъ 20 до 45 лѣтъ, въ учетѣ лошадей, повозокъ, имѣвшагося на рукахъ у крестьянъ оружія и патроновъ. Послѣ производства такого учета при каждомъ районномъ штабѣ были сформированы по двѣ роты — первой и второй очереди. Въ первоочередную роту были зачислены крестьяне болѣе молодыхъ возрастовъ, у которыхъ имѣлось на рукахъ огнестрѣльное оружіе, во второочередную роту — болѣе пожилые и безоружные. Всѣ районные штабы были подчинены Главному Штабу, членами котораго являлись по одному представителю отъ каждого района. Главный Штабъ состоялъ изъ отдѣловъ: строевого (полевой оперативный штабъ), формированія, вѣдавшій комплектованіемъ и обученіемъ резервовъ, и снабженія (съ интендантскимъ и артиллерійскимъ подотдѣлами).

Пока производился указанный учетъ людей, перевозочныхъ средствъ и оружія, я принялся за вербовку команднаго состава, такъ какъ среди «зеленыхъ» имѣлось достаточно хорошихъ и опытныхъ партизановъ для замѣщенія должностей взводныхъ и даже ротныхъ командировъ, но не было баталіонныхъ командировъ, артиллеристовъ и техниковъ — телефонистовъ, телеграфистовъ и саперъ.

Къ нашему большому несчастью всѣ рекомендованные мнѣ Тифлисскими партійными организаціями офицеры, за исключеніемъ одного, оказались не только плохими специалистами, но и крайне непорядочными людьми, благодаря которымъ крестьянскому ополченію пришлось пережить впоследствіи немало невзгодъ.

На должность начальника штаба я назначилъ кадроваго офицера — подесаула Терскаго казачьяго войска Томашевскаго, пріѣхавшаго въ Черноморье подъ фамиліей Сергѣева. На должности баталіонныхъ (дружинныхъ) командировъ: штабсъ-капитана Казанскаго (оказавшагося впоследствіи большевикомъ) и поручика Скобелева, служившаго младшимъ офицеромъ въ Особомъ баталіонѣ Грузинской Народной Гвардіи. Третьимъ командиромъ дружины я утвердилъ старѣйшаго изъ предводителей «зеленыхъ» — Сочинскаго грузина Дзидзигури, хотя и склоннаго немного къ бандитизму, но пользовавшемуся общимъ довѣріемъ крестьянъ. Моимъ помощникомъ и замѣстителемъ явился кадровый капитанъ, боевой Кавказскій офицеръ, крестьянинъ Сочинскаго округа Учадзе, избранный членомъ Комитета Освобожденія. Вторымъ моимъ помощникомъ былъ артиллерійскій подпоручикъ, также членъ Комитета Освобожденія и крестьянинъ Сочинскаго округа, очень способный и выдающійся партизанъ — Рощенко. Начальникомъ службы связи я назначилъ офицера Народной Гвардіи поручика

Михлина, оказавшагося очень храбрымъ, но абсолютно непригоднымъ для штабной должности. Впослѣдствіи къ этимъ офицерамъ присоединился также приѣхавшій изъ Тифлиса артиллеристъ-капитанъ Фовицкій, выдающійся во всѣхъ отношеніяхъ офицеръ. Капитанъ Фовицкій и оказался тѣмъ единственнымъ офицеромъ, который на своихъ плечахъ вынесъ всю тяжесть освобожденія территории Черноморской губерніи, такъ-какъ Учадзе и Роценко вскорѣ должны были покинуть строй, отдавшись дѣлу организаціи мѣстнаго самоуправления въ освобожденномъ отъ непріятеля Сочинскомъ округѣ.

Прежде чѣмъ вступить въ рѣшительный бой съ Добровольческой арміей, Комитетъ освобожденія попытался въ третій и послѣдній разъ обратить вниманіе находившихся на Кавказѣ иностранныхъ миссій на ненормальное положеніе въ Черноморской губерніи и на тѣ методы управленія, къ которымъ прибѣгали назначенныя Деникинымъ гражданскія и военныя власти.

Впервые крестьяне обратились къ союзникамъ въ лицѣ англійскаго полковника Файна въ Апрѣлѣ 1919 года. Затѣмъ въ іюнѣ того-же года выборные представители Сочинскаго округа обращались къ Великобританской военной миссіи въ Тифлисъ. И, наконецъ, въ Декабрѣ Комитетъ Освобожденія обратился съ пространнымъ меморандумомъ къ Англійской, Французской и Американской миссіямъ, прося ихъ, во избѣжаніе могущаго произойти кровопролитія, предложить поддерживаемому союзниками генералу Деникину — очистить территорию Черноморья отъ рѣки Псоу до Новороссійска (исключительно) и передать власть на указанной территоріи избранному крестьянами Временному Правительству.

Въ этомъ меморандумѣ Комитетъ Освобожденія перечислялъ обстоятельства, вынудившія крестьянъ взяться за оружіе, указывалъ на то, что оружіе, выдаваемое союзниками Деникину для борьбы съ большевиками, обращается имъ противъ защищающихъ свои законныя права крестьянъ, и заявлялъ, что оставленіе безъ всякаго вниманія троекратнаго обращенія къ союзникамъ — будетъ сочтено Черноморскимъ крестьянствомъ за полную солидарность иностранцевъ съ политикой и методами управленія, примѣняемыми командованіемъ Добровольческой арміи.

Но союзники, считавшіе Черноморскихъ крестьянъ ничтожной величиной, не представляющей никакой опасности для Деникина, оставили и это обращеніе безъ вниманія, и только тогда, когда дружины крестьянскаго ополченія одержали полную побѣду надъ добровольческими полками, Верховный комиссаръ Великобританіи лично явился въ Сочи и предложилъ крестьянамъ помириться съ Деникинымъ, положивъ въ основаніе мирнаго договора — выставленныя Комитетомъ Освобожденія въ Декабрѣ условія.

Но тогда крестьяне отвѣтили англійскому генералу, что время для переговоровъ упущено и что теперь они не нуждаются больше ни въ посредничествѣ, ни въ заступничествѣ бывшихъ союзниковъ.

XIV

Въ первыхъ числахъ января 1920 года добровольческія власти объявили очередную мобилизацію въ Сочинскомъ округѣ, назначивъ послѣднимъ днемъ явки мобилизуемыхъ — 26-е (13-е) января.

Припятія делегатскимъ съѣздомъ рѣшенія быстро дошли до самыхъ глухихъ деревушекъ, и крестьяне съ нетерпѣніемъ ожидали сигнала къ всеобщему

выступленію противъ «кадетской власти». Но Комитетъ Освобожденія и Главный Штабъ, сознавая, что это выступленіе должно явиться рѣшающимъ моментомъ въ затянувшейся борьбѣ крестьянъ съ олицетворявшей реакцію Добрарміей, оттягивали день выступленія, чтобы вполне подготовиться къ рѣшительной схваткѣ.

Главнымъ препятствіемъ къ общему выступленію являлось отсутствіе достаточнаго количества огнестрѣльнаго оружія. Согласно произведеннаго районными штабами учета на 2000 бойцовъ въ крестьянскомъ ополченіи имѣлось всего около 300 трехлинейныхъ винтовокъ, 5 пулеметовъ, 300 берданокъ и 400 дробовыхъ охотничьихъ ружей. Между тѣмъ у добровольцевъ въ Сочинскомъ округѣ было сосредоточено около 2500 штыковъ, 8 орудій и болѣе 30 пулеметовъ.

Когда крестьянамъ сталъ извѣстенъ приказъ о новой мобилизаціи, они стали требовать немедленнаго выступленія, говоря, что въ противномъ случаѣ въ селенія вновь явятся карательные добровольческіе отряды и каждому селенію придется самостоятельно вступать въ бой съ этими отрядами.

На мои замѣчанія, что у насъ мало оружія и совсѣмъ нѣтъ артиллеріи, крестьяне отвѣчали съ увѣренностью, что разъ у добровольцевъ имѣются и пушки и пулеметы — то намъ не о чемъ беспокоиться, ибо послѣ перваго-же боя добрая часть этого оружія перейдетъ въ руки крестьянъ.

— Цѣлый годъ такъ воюемъ, говорили крестьяне: по началу почти съ голыми руками отъ кадетъ отбивались, а за лѣто, смотришь, и разбогатѣли — пять пулеметовъ и больше сотни винтовокъ отъ «кадетъ» добыли. А теперь, коль дружно ударимъ — и на бабъ оружія наберемъ!

Главному Штабу пришлось уступить и назначить общее выступленіе на 26-е января 1920 года.

На состоявшемся 20 января совѣщаніи съ командирами дружинъ и представителями районныхъ штабовъ былъ выработанъ слѣдующій планъ выступленія:

6 ротъ съ 5-ю пулеметами, сосредоточившись въ «нейтральной зонѣ», атакуютъ на разсвѣтѣ лѣвый флангъ добровольческой позиціи на рѣкѣ Псоу. Двѣ роты совершаютъ горами глубокой обходъ этой позиціи и, одновременно съ фронтальной атакой, займутъ въ тылу у добровольцевъ мостъ черезъ рѣку Мзымту у селенія Молдовки. Въ ночь передъ атакой отряды Волковскаго и Хостинскаго районныхъ штабовъ перерѣжутъ телеграфные и телефонные провода между Туапсе и Сочи и между Сочи и Адлеромъ, завалятъ шоссе деревьями и, прервавъ всѣ сообщенія между штабами и войсковыми частями, произведутъ нападенія на тыловые гарнизоны, склады оружія и продовольствія.

За день до назначеннаго срока погода внезапно испортилась и выпавшій въ горахъ глубокой снѣгъ задержалъ движеніе обходной колонны. Начальникъ этой колонны — подпрапорщикъ Рощенко извѣстилъ меня о неожиданной задержкѣ и просилъ назначить днемъ генеральной атаки — 28-е января, ручаясь, что, несмотря ни на какія препятствія, онъ къ разсвѣту этого дня выйдетъ къ селенію Молдовка и захватитъ мостъ черезъ Мзымту.

Пришлось отложить выступленіе на два дня.

Между тѣмъ вѣсть объ этомъ выступленіи разнеслась по всѣмъ деревнямъ и горнымъ поселкамъ Сочинскаго округа и была встрѣчена крестьянами съ живѣйшей радостью. Все крестьянское населеніе отъ стариковъ до подростковъ, отъ мужчинъ до женщинъ, приготовилось такъ или иначе участвовать въ этомъ долгожданномъ выступленіи. Никто изъ нихъ не сомнѣвался въ успѣхѣ и, без-

условно, такая увѣренность во многомъ способствовала одержанной нами черезъ нѣсколько дней побѣдѣ.

Признаюсь — у меня были кое-какія сомнѣнія; я больше всего опасался нарушенія и безъ того слабой связи между разбросанными на большомъ другъ отъ друга разстояніи дружинами и отрядами. И, хотя неопытность и нерасторопность начальника связи Михлина дѣйствительно явилась причиною того, что въ одинъ изъ самыхъ важныхъ моментовъ боя связь между штабомъ и дружинами оказалась прерванной, но точное исполненіе частями отданныхъ передъ атакой распоряженій и эта увѣренность ополченцевъ въ успѣхѣ — привели насъ все-таки къ полной побѣдѣ надъ добровольцами.

Весь планъ атаки былъ основанъ на глубокомъ обходѣ отрядомъ Рощенко лѣваго фланга добровольческой позиціи. Обходъ этотъ долженъ былъ быть совершенъ по непроходимымъ снѣговымъ вершинамъ Кавказскаго горнаго хребта, причемъ отряду Рощенко предстояло перевалить черезъ самую высокую въ этомъ районѣ гору Дзыхру. Флангъ добровольцевъ упирался въ эту гору, которая считалась добровольческимъ командованіемъ безусловно неприступной и непроходимой, особенно въ зимнее время. Но то, что было невозможнымъ для привыкшихъ къ полевой войнѣ на равнинахъ Россіи солдатъ Добровольческой арміи, являлось вполне осуществимымъ для родившихся въ горахъ ополченцевъ — крестьянъ. Благодаря этому успѣшно выполненному, поистинѣ Суворовскому, переходу — составленный штабомъ планъ атаки удался во всѣхъ деталяхъ.

За нѣсколько дней до выступленія, ко мнѣ явились нѣсколько Сочинскихъ грузинъ, заявившихъ, что они не могутъ оставаться безучастными зрителями предстоящаго боя и просятъ разрѣшить сформировать особый грузинскій отрядъ, который и поступитъ въ полное мое распоряженіе. Не считая обходной колонны Рощенко, у меня было всего 420 штыковъ, поэтому каждый лишній человекъ, и главное — каждая лишняя винтовка, были мнѣ чрезвычайно дороги. Я съ радостью согласился — и черезъ день «армія» моя усилилась еще 70-ю великолѣпно вооруженными грузинами.

Какъ я уже говорилъ раньше, грузинскія войска, выбивъ добровольцевъ изъ Гагръ, принуждены были остановиться на прежней границѣ Кутаисской губерніи — рѣчкѣ Мехадырѣ, протекающей у селенія Пиленкова, въ 15 верстахъ къ сѣверу отъ Гагръ. Селеніе Пиленково расположено на лѣвомъ берегу Мехадыря, на которомъ стояли передовые грузинскіе посты. Главная позиція грузинъ находилась въ одной верстѣ къ югу отъ Пиленкова, такъ-что селеніе лежало между позиціей и передовыми аванпостами. Добровольческая позиція находилась на правомъ берегу рѣки Псоу, въ пяти верстахъ къ сѣверу отъ Пиленкова, и пятиверстная нейтральная зона между рѣками Мехадыремъ и Псоу, не была занята ни грузинскими, ни добровольческими войсками. Эта нейтральная зона и была мною выбрана для концентраціи назначенныхъ для фронтальной атаки дружинъ.

Грузинское командованіе безусловно замѣтило наши приготовленія, но такъ какъ грузины сами находились въ состояніи войны съ добровольцами, то они рѣшили не обращать на насъ вниманія. Я думаю, что если-бы грузины не боялись англичанъ, зорко слѣдившихъ за Гагринскимъ фронтомъ и предупредившихъ грузинское командованіе, что новое наступленіе противъ Деникина будетъ ими разсматриваться, какъ враждебный противъ Англійскаго правительства шагъ, — они оказали-бы намъ самую широкую поддержку въ нашемъ выступленіи. Но

такъ какъ грузины были связаны англійскимъ предупрежденіемъ, то намъ приходилось дѣйствовать крайне осторожно и не обнаруживать своихъ плановъ.

Добровольческая позиція по правому берегу рѣки Псоу (отъ берега моря до подножія горы Дзыхры) тянулась примѣрно на 12 верстъ и была занята тремя баталіонами при 4-хъ орудіяхъ и 12 пулеметахъ. Правофланговый баталіонъ былъ расположенъ въ селеніи Веселомъ, средній — въ селеніи Шиловкѣ и лѣвофланговый — въ деревнѣ Михельрипшѣ. Кромѣ этихъ находившихся на передовой линіи войскъ, въ Адлерѣ (8 верстъ отъ Веселаго) стояли два баталіона и батарея и въ селеніи Молодовка (у моста черезъ рѣку Мзымту) — одна рота. Въ тылу у добровольцевъ находились гарнизоны: Сочи — армянскій баталіонъ, комендантская рота и сотня казаковъ и Хосты — одна рота. Эти войсковыя части составляли 52-ю отдѣльную пѣхотную бригаду Добровольческой арміи.

Согласно отданному мною приказу, шесть ротъ 1-й, 2-й и 3-й дружинъ крестьянскаго ополченія, подъ общимъ начальствомъ Учадзе, должны были на разсвѣтъ 28-го января переправиться вбродъ черезъ Псоу и атаковать лѣвофланговый баталіонъ добровольцевъ у Михельрипша. Одновременно съ этимъ грузинскій отрядъ въ 70 штыковъ при одномъ пулеметѣ долженъ былъ оттянуть на себя вниманіе правофланговаго баталіона, произведя демонстративное наступленіе на Веселое. Въ случаѣ, если-бы находившійся въ Веселомъ баталіонъ, узнавъ о занятіи отрядомъ Рощенко моста черезъ Мзымту, сталъ-бы отступать по прямой дорогѣ на Адлеръ, грузинскій отрядъ долженъ былъ занять Веселое и, соединившись здѣсь со 2-й дружиной, двинуться кратчайшимъ путемъ къ Молдовскому мосту, гдѣ соединиться съ Рощенко для того, чтобы отрѣзать дальнѣйшій путь отступленія Шиловскому и Михельрипшинскому баталіонамъ добровольцевъ.

Вначалѣ я предполагалъ находиться при главныхъ силахъ, но затѣмъ рѣшилъ, ввиду малочисленности грузинскаго отряда и крайне важной возложенной на него задачи — находиться при грузинахъ. Въ ночь на 28-е января грузинскій отрядъ незамѣтно пробрался въ поселокъ Ермоловскъ, откуда и долженъ былъ начать демонстрацію. Начальнику связи Михлину приказано было соединить меня полевымъ телефономъ съ Учадзе, дружины котораго ночью-же заняли селеніе Сулево (въ 7 верстахъ отъ Ермоловска).

Ночью въ штабъ, находившійся близъ Ермоловска, стали со всѣхъ сторонъ стекаться крестьяне ближайшихъ деревень. Ни у кого изъ нихъ оружія не было, такъ какъ всѣ вооруженные огнестрѣльнымъ оружіемъ крестьяне находились въ рядахъ дружинъ. Но и оставшіеся безъ оружія хотѣли такъ или иначе участвовать въ наступленіи, почему и явились въ штабъ за распоряженіями.

Михлинъ, проводившій телефонъ между мною и Учадзе, заблудился въ лѣсу и я оказался безъ всякой связи съ главными силами. Тутъ-то мнѣ и пригодились безоружные крестьяне, съ помощью которыхъ, правда уже къ концу боя, удалось установить линію летучей почты. Часть крестьянъ явилась съ подводами, предоставивъ ихъ для нуждъ обоза. Одновременно съ мужчинами пришли и бабы, принесли съ собою цѣлыя груды хлѣба, сала, пироговъ и яицъ — для угощенія ополченцевъ.

Всѣ они пришли точно на праздникъ, весело разговаривая и смѣясь между собой, несмотря на то, что у большинства изъ нихъ — мужья и сыновья находились въ дружинахъ и черезъ нѣсколько часовъ должны были вступить въ бой.

— Неужели вамъ не страшно самимъ и вы не бонтесъ за своихъ мужей, спросилъ я одну изъ нашихъ маркитантокъ.

— Мы ужъ привычныя, отвѣчала баба: сколько разъ за лѣто подь пулями «кадетскими» побывали. А сейчасъ — все рѣшится сразу, какъ наши «кадетовъ» погонять. Вотъ, дастъ Богъ, и конецъ нашимъ страданьямъ придетъ... А ужъ коль послѣ этого «кадеты» вновь явятся — то и мы все, бабы, въ отрядъ пойдёмъ... Помремъ, а не пустимъ ихъ къ намъ!

И такой всеобщій подъемъ внушалъ твердую увѣренность въ успѣхѣ довольно рискованнаго предпріятія. Глядя на этихъ бабъ, я понималъ, почему крестьяне не сомнѣваются въ томъ, что мы одержимъ побѣду.

Наступалъ разсвѣтъ. Михлина съ телефономъ все еще не было, и я сталъ волноваться, такъ-какъ условился съ Учадзе получать отъ него каждыя 15 минутъ донесенія о ходѣ атаки на Михельрипшъ.

Грузинскій отрядъ подошелъ кустами къ Веселовскому мосту, на которомъ стоялъ сильный караулъ добровольцевъ съ двумя пулеметами. Нужно было начать демонстрацію.

Рѣзко прозвучалъ первый выстрѣлъ съ нашей стороны, за нимъ второй, третій и вскорѣ затрещала оживленная перестрѣлка. Въ Веселомъ началось движеніе. Солдаты выскакивали изъ избъ и, пристегивая на ходу аммуницію, строились въ ряды.

Со стороны стоявшаго на мосту добровольческаго караула раздалось нѣсколько выстрѣловъ, заговорилъ пулеметъ и вдругъ замолкъ. Мы также прекратили огонь и цѣпь стала, прикрываясь кустами, продвигаться по-ближе къ мосту.

Стало совсѣмъ свѣтло и... мы увидали надъ мостомъ бѣлый флагъ.

70 грузинъ, составлявшихъ мой небольшой отрядъ, разсыпались цѣпью на цѣльную версту. У моста оставалось всего 10 человѣкъ съ пулеметомъ. Находящійся при нихъ бывший офицеръ Гурули вышелъ впередъ и предложилъ столпившимся на мосту солдатамъ перенести пулеметы на нашу сторону. Добровольцы тотчасъ-же исполнили это приказаніе. Тогда 10 человѣкъ вошли на мостъ и стали разоружать находившуюся тамъ роту, которая тотчасъ-же сложила оружіе. Мы были удивлены, но черезъ нѣсколько минутъ выяснилось, что сдача Веселовскаго гарнизона вызвана только-что полученнымъ сообщеніемъ о томъ, что большой отрядъ «зеленыхъ» внезапно атаковалъ Молдовку, захватилъ мирно спавшую тамъ роту и овладѣлъ переправами черезъ Мзымту. Добровольцы поняли, что они окружены и рѣшили сдаться; только нѣсколько человѣкъ съ баталіономъ и ротными командирами во главѣ, бросились бѣжать по прямой дорогѣ на Адлерскій паромъ, въ надеждѣ успѣть присоединиться къ Адлерскому гарнизону.

Собравъ свой отрядъ я вступилъ въ Веселое, гдѣ началась сдача оружія сдавшимся въ плѣнъ баталіономъ.

Однако, я сильно беспокоился за исходъ атаки Михельрипша. Посланные мною къ Учадзе верховые не возвращались. Я понялъ, что «зеленые», захватившіе Молдовскій мостъ, — это отрядъ Рощенко, но между мною и имъ находилась еще занятая баталіономъ добровольцевъ деревня Шиловка, гарнизонъ которой могъ ежеминутно придти, услыхавъ выстрѣлы, на помощь Веселовскому баталіону.

И дѣйствительно, только-что мои люди приступили къ подсчету сданныхъ плѣнными винтовокъ, какъ на опушкѣ деревни затрещалъ пулеметъ. Плѣнные начали шептаться и я представлялъ себѣ, какъ они, убѣдившись въ нашей малочисленности, схватятъ валяющіеся на землѣ винтовки и — роли наши перемѣнятся...

Но вдругъ выстрѣлы стихли и на ближайшемъ пригоркѣ показался нашъ — красный съ зеленымъ крестомъ — флагъ крестьянскаго ополченія. Это была 2-я дружина Дзидзигури, который, выполняя диспозицію, послѣ атаки Михельрипша двинулся къ Веселому на поддержку грузинскому отряду. Огонь по Веселому былъ имъ открытъ для того, чтобы отвлечь на себя вниманіе добровольцевъ, которые, по его мнѣнію, должны были сильно тѣснить грузинскій отрядъ.

Отъ Дзидзигури я узналъ, что послѣ незначительнаго сопротивленія Михельрипшъ занятъ 1-й и 3-й дружинами, потерявшими всего одного ополченца убитымъ и трехъ ранеными. Въ дружинѣ Дзидзигури былъ одинъ легко и одинъ тяжело раненый. По словамъ Дзидзигури всѣ три находившіяся въ Михельрипшѣ добровольческія роты взяты въ плѣнъ. Что-же касается Шиловскаго гарнизона, то онъ въ паникѣ бѣжалъ къ Молдовскому мосту, преслѣдуемый дружинами Учадзе.

Черезъ нѣсколько минутъ плѣнные были сданы мною Веселовскому старостѣ, которому я передалъ для вооруженія крестьянъ часть захваченныхъ нами винтовокъ. Дружину Дзидзигури и грузинскій отрядъ я повелъ по кратчайшему пути на Адлеръ, въ которомъ находились резервы добровольцевъ и батарен.

За колонной двигались три нагруженные винтовками повозки и не отставшія ни на шагъ отъ насъ бабы-маркитантки.

Подойдя къ Адлеру, мы услышали пушечные выстрѣлы, доносившіеся со стороны Хосты. Позднѣе выяснилось, что это стрѣляла отступившая изъ Адлера батарея, атакованная на дорогѣ нашей Хостинской ротой.

Подойдя къ берегу рѣки Мзымты, я рассыпалъ цѣпь, ожидая встрѣтить здѣсь сопротивленіе со стороны Адлерскаго гарнизона. Однако, посланная впередъ развѣдка выяснила, что весь Адлерскій гарнизонъ бѣжалъ и городъ никѣмъ не занятъ.

Мы вступили въ Адлеръ, откуда мнѣ наконецъ удалось установить связь съ присоединившимися къ отряду Рощенко дружинами Учадзе.

Къ вечеру всѣ наши силы сосредоточились въ районѣ Адлера, а авангардъ выдвинулся на нѣсколько верстъ впередъ по направленію къ Хостѣ, откуда все еще доносились рѣдкіе пушечные выстрѣлы.

Черезъ нѣсколько часовъ канонада стихла, а ночью въ штабъ прибылъ съ донесеніемъ ординарецъ Хостинскаго районнаго штаба, сообщившій о томъ, что Хостинская рота, подъ начальствомъ крестьянина Петра Блохнина, одновременно съ нашей фронтальной атакой напала на Хостинскій гарнизонъ, захватила его въ плѣнъ и овладѣла складомъ оружія и патроновъ. Вооруживъ взятыми трофеями второочередную Хостинскую роту, Блохнинъ двинулся на Адлеръ и по дорогѣ встрѣтился съ бѣжавшимъ изъ Адлера гарнизономъ, съ которымъ и вступилъ въ бой. Бой закончился поздно вечеромъ тѣмъ, что часть добровольцевъ пробилась въ Сочи, но въ рукахъ у Хостинцевъ осталась брошенная ими четырехъ-орудійная батарея. Хостинцы потеряли нѣсколько человекъ убитыми и въ томъ числѣ — члена организаціоннаго крестьянскаго комитета и предсѣдателя Хостинскаго районнаго штаба В. Т. Васильева.

Такимъ образомъ предчувствія крестьянъ вполне оправдались: мы одержали блестящую побѣду, захвативъ около 600 плѣнныхъ, 4 пушки, 12 пулеметовъ и около 1000 винтовокъ. Оправдалось также и другое предсказаніе крестьянъ: побѣда дала намъ столько оружія, что послѣ вооруженія второочередныхъ ротъ можно было-бы вполне надѣлать винтовками даже бабъ.

1-го февраля крестьянское ополчение подошло къ селенію Мадеста (въ 12 верстахъ къ югу отъ Сочи) и дружины мои заняли позицію по лѣвому берегу рѣчки Гвилушки. На правомъ берегу этой рѣчки укрѣпились отступившіе изъ Адлера остатки 52-й отдѣльной пѣхотной бригады Добровольческой арміи, усиленные прибывшимъ изъ Сочи армянскимъ баталіономъ и сотней кубанскихъ казаковъ.

Хотя моя «армія» пополнилась двумя Хостинскими ротами и ротой плѣнныхъ добровольцевъ, которые въ Адлерѣ упростили штабъ вернуть имъ оружіе и позволить въ бою искупить ихъ невольные грѣхи передъ Черноморскимъ крестьянствомъ, однако на позиціи у меня находилось всего 600 бойцовъ. Самый лучший отрядъ Рощенко послѣ взятія Адлера пришлось на три дня распустить по домамъ, такъ-какъ его ополченцы, совершившіе трудный обходъ лѣваго фланга добровольцевъ, совершенно выбились изъ силъ. Нѣкоторые изъ людей Рощенко сильно обморозились и ихъ пришлось помѣстить въ Адлерскій полевой лазаретъ. Несмотря на малочисленность моей «арміи» я не беспокоился о дальнейшей судьбѣ нашего похода на Сочи, такъ-какъ одержанная подъ Адлеромъ побѣда еще больше подняла духъ ополченцевъ, а кромѣ того я зналъ, что въ случаѣ надобности районные штабы, получившіе теперь достаточно оружія и патроновъ, немедленно пришлютъ мнѣ нѣсколько второочередныхъ ротъ пополненія.

Непріятель нѣсколько дней не проявлялъ никакой активности, и мы отдыхали, выставивъ сильное сторожевое охраненіе на позиціи и готовясь къ новому наступленію. Такая война съ двухъ и трехъ-дневными перерывами являлась одной изъ самыхъ характерныхъ особенностей нашей крестьянской милиціи. Выдержавъ успѣшный бой, большая часть ополченцевъ всегда просилась на нѣсколько дней домой, отдыхала въ своихъ деревняхъ и, набравшись новыхъ силъ, возвращалась на позиціи. Не было ни одного случая, чтобы кто нибудь изъ ополченцевъ опаздывалъ изъ такого отпуска, за чѣмъ также строго слѣдили районные Штабы.

Во время этого перваго отдыха штабъ мой помѣщался въ городкѣ Хоста, одномъ изъ живописнѣйшихъ уголковъ Черноморья, утопавшемъ въ зелени садовъ и парковъ. Большой красный флагъ съ зеленымъ крестомъ развѣвался надъ штабной дачей, около которой съ важнымъ видомъ похаживалъ солидный бородачъ въ постолахъ (лапти изъ козьей шкуры), домотканномъ зипунѣ и тщательно вычищенной, блестящей на солнцѣ трехлинейной винтовкой. Въ двухъ другихъ сосѣднихъ дачахъ кипѣла лихорадочная работа нашего главнаго интендантства. Сюда все время подѣзжали подводы окрестныхъ поселянъ, добровольно привозившихъ для нуждъ ополченія кукурузную муку, хлѣбъ, сало и другіе продукты. Главный штабъ раздавалъ представителямъ районныхъ штабовъ захваченные у добровольцевъ винтовки и патроны.

Хостинскіе обыватели, напуганные разказами, умышленно распространявшимися добровольческими властями, готовились къ самымъ ужаснымъ переживаніямъ. Велико было ихъ изумленіе, когда вмѣсто ожидаемыхъ кровожадныхъ грабителей, они увидѣли въ Хостѣ вооруженныхъ мѣстныхъ поселянъ, которыхъ два раза въ недѣлю встрѣчали раньше на базарѣ . . .

На перекресткахъ улицъ и на афишныхъ столбахъ были расклеены воззванія Комитета Освобожденія, въ которыхъ населеніе извѣщалось о новой власти и приглашалось спокойно продолжать свои мирныя занятія. Комитетъ Освобо-

жденія находился пока въ Адлерѣ и организовывалъ администрацію и гражданское управление въ южной части занятаго нами Сочинскаго округа. Въ Хостѣ-же и ближайшей къ фронту полосѣ всю власть осуществлялъ Хостинскій районный штабъ, председателемъ котораго былъ избранъ отличившійся во время занятія Хосты крестьянинъ селенія Кудепсты — Петръ Павловичъ Блохнинъ. Имя Блохнина было хорошо извѣстно въ округѣ, благодаря одержанной имъ лѣтомъ 1918 года побѣдѣ надъ Екатеринодарскими красноармейцами. Блохнинъ оказался не только отличнымъ партизаномъ, но также и очень хорошимъ администраторомъ. За двухдневное пребываніе въ Хостѣ я все время наблюдалъ какъ председатель районнаго штаба носился верхомъ и пѣшкомъ по городку и окрестнымъ селеніямъ, распоряжался починкой разрушенныхъ при отступленіи добровольцевъ мостовъ, возстановленіемъ телеграфной линіи, мирилъ поссорившихся другъ съ другомъ обывателей, распредѣлялъ между отдыхающими въ Хостѣ резервами продукты. Я видѣлъ также, какимъ всеобщимъ уваженіемъ пользовался Блохнинъ среди крестьянъ и другихъ Хостинскихъ жителей, безпрекословно исполнявшихъ всѣ его приказанія. Здѣсь-же я могъ наблюдать и за дѣятельностью районнаго штаба, легко справлявшагося съ возложенной на него задачей учета бойцовъ, подводъ, оружія и продуктовъ.

Однако, необходимо было снова перейти къ активнымъ дѣйствіямъ, такъ какъ сформированные въ тылу у непріятеля районные штабы стали насъ торопить, донося о сосредоточеніи добровольческихъ подкрѣпленій въ Туапсе, которыя со дня на день должны были выступить на усиленіе Сочинскаго фронта. Поэтому 1-го февраля я отдалъ приказъ о переходѣ въ дальнѣйшее наступленіе.

Силы добровольцевъ, укрѣпившихся на правомъ берегу Гнилушки, состояли изъ четырехъ баталіоновъ, сотни казаковъ и одной четырехъ-орудійной горной батарееи. Мы рѣшили овладѣть ихъ позиціей прибѣгнувъ опять къ глубокому обходу лѣваго фланга, который снова, какъ и на Псоу, упирался въ горы и поэтому считался вполне обеспеченнымъ отъ обхода.

Въ обходъ были посланы двѣ Хостинскія роты съ 4-мя пулеметами, а оставшіеся на фронтѣ 450 ополченцевъ должны были произвести усиленную демонстрацію. Назначенныя въ обходъ роты выступили съ раняго утра и, по моимъ расчетамъ, должны были обойти флангъ противника и выйти ему въ тылъ къ 2 часамъ дня. Къ этому-же времени должна была начаться фронтальная демонстрація.

Первый выстрѣлъ съ нашей стороны раздался ровно въ 2 часа дня и добровольцы тотчасъ-же открыли по нашему расположенію сильный артиллерійскій обстрѣлъ. Въ отвѣтъ затрещали наши пулеметы и оживленная перестрѣлка завязалась по всему фронту. Одинъ изъ непріятельскихъ снарядовъ угодилъ въ каменный заборъ дачи Зензинова, у котораго находился наспѣхъ вырытый окопчикъ для 2-хъ пулеметовъ. Снарядъ исковеркалъ одинъ пулеметъ и убилъ пять пулеметчиковъ. Ополченцы заволновались и стали требовать немедленнаго перехода въ атаку.

— Чего тутъ зря сидѣть и ждать пока «кадеты» насъ всѣхъ перебьютъ... Дозвольте перейти Гнилушку — мы ихъ однимъ духомъ выбьемъ и погонимъ до самыхъ Сочи...

Въ это время раздалась сильная перестрѣлка въ тылу противника: Хостинскія роты вышли въ тылъ добровольческой позиціи.

Съ громкимъ «ура», безъ всякой команды, ловко перепрыгивая съ камня на камень, спустились стоявшіе на фронтѣ ополченцы, по поясъ въ водѣ пере-

правились через рѣчку и начали карабкаться на противоположный, занятый армянским баталіономъ, берегъ. Вспыхнувшая съ новой силой ружейная перестрѣлка прекратилась черезъ двѣ-три минуты и сильно укрѣпленная позиція добровольцевъ была занята нами. Непріятель, бросивъ двѣ пушки и нѣсколько пулеметовъ, сталъ быстро отступать по Сочинскому шоссе.

Мои ополченцы, разгоряченные боемъ, досадовали, что «кадеты» успѣли увезти остальные двѣ пушки, но черезъ часъ и эти пушки оказались въ нашихъ рукахъ.

Пришло это слѣдующимъ образомъ: увлекшіеся преслѣдованіемъ отступавшаго противника, три ополченца Хостинской роты, отдѣлившись отъ своихъ товарищей, залегли за высокой скалой надъ самымъ шоссе. Увидавъ показавшуюся изъ-за поворота отступавшую колонну добровольцевъ, они открыли по ней мѣткій ружейный огонь изъ трехъ винтовокъ. Колонна остановилась и выкинула бѣлый флагъ. Тогда одинъ изъ ополченцевъ спустился со скалы и вступилъ въ переговоры съ начальникомъ колонны. Ополченецъ согласился пропустить въ Сочи всю колонну, при условіи сдачи двухъ пушекъ. Добровольцы съ радостью согласились на такое условіе, передали ополченцу оба замка и, тѣснясь съ тылу продвигавшимися вслѣдъ за ними дружинами, бросились дальше по Сочинскому шоссе. Тогда два ополченца остались сторожить захваченныя ими орудія, а третій побѣжалъ къ намъ съ донесеніемъ.

Утромъ 2-го февраля мы подошли къ самому Сочи и остановились въ селеніи Нижне-Раздольномъ (въ 2-хъ верстахъ къ югу отъ города). Непріятель занималъ опушку знаменитаго Худяковского парка и возвышенную окраину Сочи, гдѣ предполагалъ обороняться до прибытія выступившихъ уже изъ Туапсе подкрѣпленій. Мы стали быстро окружать городъ и къ 8 часамъ вечера наши роты тѣснымъ кольцомъ окружили противника. Рота Волковского районнаго штаба къ этому времени вышла на Туапсинское шоссе и подходила къ Сочи съ сѣвера. Ополченцы просили разрѣшенія немедленно-же ворваться въ городъ, но штабъ, не желавшій подвергать мирное населеніе Сочи опасностямъ ночного боя въ самомъ городѣ, рѣшилъ отложить занятіе Сочи до утра.

Развѣдчики доносили намъ о царившей въ городѣ паникѣ и полной растерянности добровольческаго командованія. Въ этой растерянности мы сами скоро убѣдились.

Штабъ мой занялъ дачу инженера Николаева, соединенную телефономъ съ гостиницей «Ривьера», въ которой помѣщался начальникъ обороны полковникъ Брунъ. Кто-то изъ нашихъ штабныхъ офицеровъ позвонилъ по телефону и вызвалъ Бруна.

— Господинъ полковникъ, «зеленые» сильно тѣснятъ насъ, пришлите намъ въ Худяковскій паркъ подкрѣпленіе . . .

— Откуда я вамъ достану подкрѣпленій, меня самого со всѣхъ сторонъ тѣснятъ, отвѣчалъ съ отчаяніемъ начальникъ обороны: всѣ потеряли головы, никто не исполняетъ приказаній и, если къ утру не прибудетъ изъ Туапсе отрядъ Жуковского — я брошу городъ.

— А гдѣ находится полковникъ Жуковский?

— Почему я знаю, никакой связи у меня съ нимъ нѣтъ: вѣдь эти «зеленые черти» перерѣзали всѣ телефонныя и телеграфныя провода съ Туапсе . . .

Изъ этого разговора мы поняли, что никакого сопротивленія утромъ при занятіи города не встрѣтимъ. Такъ оно и случилось.

До самаго утра вокругъ города раздавались рѣдкіе ружейные выстрѣлы

противника, на которые мы не отвѣчали. Стало свѣтать, выстрѣлы стихли, на фронтѣ царила полиѣйшая тишина. Я отдалъ приказъ первой дружинѣ втягиваться въ городъ, выславъ впередъ сильные патрули. Надъ одной изъ крайнихъ дачъ взвился бѣлый флагъ. Патрули вошли въ городъ, не встрѣчая никакого сопротивленія. вмѣстѣ съ командиромъ дружины я подошелъ къ дачѣ, гдѣ былъ выкинутъ бѣлый флагъ и увидѣлъ человѣкъ пятьдесятъ бородатыхъ кубанцевъ.

— Простите, товарищи, не знаемъ, какъ васъ величать, подошелъ къ намъ одинъ изъ нихъ: намъ дѣваться некуда, начальство еще ночью куда-то убѣжало, такъ ужъ вы насъ не обижайте! Сами понимаете — заставляли насъ противъ васъ воевать . . .

Къ казакамъ подошли ополченцы и, смѣясь, стали ихъ успокаивать:

— Ахъ вы, куркули, чего пугаетесь — звѣри мы, что-ли?

Отобравъ у сдавшихся въ плѣнъ винтовки и приказавъ имъ явиться къ дому окружного начальника, гдѣ предполагалось помѣстить комендантское управленіе, мы двинулись дальше, прошли Худяковскій паркъ и по каменной лѣстницѣ поднялись на Московскую улицу.

Съ волненіемъ вступалъ я въ городъ, съ которымъ у меня были связаны самыя хорошія воспоминанія и который годъ тому назадъ мнѣ пришлось покинуть, благодаря тѣмъ самымъ добровольцамъ, въ паникѣ отступавшимъ теперь передъ командуемой мною крестьянской арміей . . .

Солнце только-что поднялось изъ-за горъ и привѣтливо освѣщало чистенькія дачи и лакированные листья магнолій и пальмъ. Но улица была пустынной, ставни дачъ были плотно прикрыты, и перепуганные обыватели не показывались изъ своихъ домовъ.

Вдругъ раздались звуки бравурнаго марша и намъ на-встрѣчу показалась небольшая группа стройно марширующихъ, одѣтыхъ въ англійскія шинели, солдатъ. Это былъ оркестръ Сальянскаго полка 52-й бригады, оставленный бѣжавшимъ изъ города штабомъ и рѣшившій съ музыкой перейти на сторону «зеленыхъ».

Патрули мои уже прошли весь городъ и донесли о томъ, что до самой «Ривьеры» никакого непріятели не встрѣтили. Я поставилъ оркестръ передъ дружиной и подъ звуки марша повелъ своихъ ополченцевъ на базарную площадь.

Огласившая пустынные улицы города музыка успокоила обывателей. Ставни начали открываться и въ окнахъ появились головы любопытныхъ. На базарѣ собралась порядочная толпа, изъ которой раздавались удивленные и радостные возгласы:

— Никакъ Микита изъ Раздольнаго . . . А вонъ Климчукъ изъ Измайловки . . . Да это все наши ребята, гдѣ-же большевики — то?

Въ толпѣ находилось много моихъ старыхъ знакомыхъ, привѣтствовавшихъ меня, и вскорѣ вѣсть, что Сочи занято «своими» быстро облетѣла весь городъ. Обыватели успокоились, открылись лавки и магазины, и городъ принялъ свой обычный видъ.

Продвинувъ авангардъ до селенія Мамайки (въ 6 верстахъ къ сѣв. отъ Сочи), я вернулся въ городъ и расположился со своимъ штабомъ въ гостиницѣ «Ривьера», въ которой всего лишь нѣсколько часовъ тому назадъ помѣщался штабъ добровольцевъ. Здѣсь я узналъ, что, получивъ донесеніе о занятіи Дагомыса (въ 10 верстахъ отъ Сочи по Туапсинскому шоссе) отрядомъ «зеленыхъ», начальникъ обороны полковникъ Брунъ отдалъ въ часъ ночи приказъ спѣшно очистить городъ и двинулся съ остатками 52-й бригады по линіи Черноморской

жел. дороги, опасаясь отступать по занятому «зелеными» шоссе. Весь обозъ и автомобили добровольцевъ остались въ Сочи.

Не успѣлъ я войти въ отведенный мнѣ номеръ, какъ былъ атакованъ десяткомъ плачущихъ дамъ. Это оказались жены отступившихъ съ Бруномъ офицеровъ, которыя не успѣли даже попрощаться со своими мужьями и были перепуганы распушенными кѣмъ-то слухами о происшедшемъ подъ Мамайкой кровопролитномъ боѣ, во время котораго были якобы перебиты все отступившіе изъ Сочи добровольцы. Съ трудомъ удалось мнѣ успокоить взволнованныхъ дамъ и увѣрить ихъ, что никакого боя подъ Мамайкой не было.

— Какъ вамъ не стыдно, сказала мнѣ одна изъ этихъ дамъ: не могли предупредить, что никакихъ большевиковъ у васъ нѣтъ! Если-бы мы знали, что съ вами идутъ крестьяне — мы никуда нашихъ мужей изъ Сочи не пустили бы... А теперь, вотъ ищи ихъ...

Къ вечеру въ Сочи переѣхалъ изъ Адлера Комитетъ Освобожденія, и наши «министеры» (какъ потомъ прозвали членовъ комитета крестьяне) принялись за оргавизацію гражданской власти въ столицѣ Черноморской крестьянской республики. Я былъ занятъ другими вопросами, чисто военными, и не вмѣшивался въ эту дѣятельность Комитета Освобожденія.

Въ первый-же день послѣ занятія Сочи пришлось начать борьбу съ многочисленными плѣнными солдатами Добрармін, которые разбрелись по окрестностямъ и принялись за грабежи. Воспитанные на постоянно примѣнявшихся добровольческими властями реквизиціяхъ, плѣнные эти врывались въ дома и дачи и, подъ видомъ обысковъ, забирали цѣнные вещи. Я отдалъ приказъ, запрещающій всякіе обыски, и предупредилъ, что пойманные мародеры будутъ на мѣстѣ разстрѣливаются. Благодаря ополченцамъ Хостинской роты, оставленнымъ мною въ Сочи, грабежи эти удалось прекратить, и все плѣнные добровольцы были сведены въ команды, переданныя въ распоряженіе Сочинскаго коменданта.

XVI

4-го февраля рано утромъ я былъ разбуженъ дежурнымъ вѣстовымъ, сообщившимъ мнѣ, что къ Сочи приближается англійскій миноносецъ. Такъ какъ мы знали, что англичане поддерживаютъ Деникина, то приготовились къ враждебнымъ дѣйствіямъ со стороны англійскаго военного суда. Я приказалъ Хостинской ротѣ занять пристань «Русскаго общества», близъ которой стали на позицію два орудія.

Но миноносецъ спокойно подошелъ къ городу, бросилъ якорь и спустил шлюпку. Я находился на пристани и разглядѣлъ въ бинокль, какъ въ шлюпку сошли нѣсколько человекъ, послѣ чего она понеслась къ пристани. Когда шлюпка подошла къ пристани изъ нея вышли два офицера и десять вооруженныхъ матросовъ.

— Понимаетъ-ли ктонибудь изъ васъ по-англійски или по-французски, спросилъ поднявшійся на пристань майоръ.

Я подошелъ къ нему и отвѣтилъ, что говорю по-французски.

— По приказанію верховнаго комиссара Великобританіи, заявилъ англичанинъ, я долженъ выяснитъ, кѣмъ занять городъ Сочи?

— Сочи занято Черноморскимъ крестьянскимъ ополченіемъ, находящимся въ состояніи войны съ арміей генерала Деникина.

Майоръ обратился къ прибывшимъ съ нимъ матросамъ, командовалъ имъ и хотѣлъ пройти въ городъ.

— Простите, господинъ майоръ, обратился я къ нему: ваши люди никуда дальше пристани не будутъ пропущены!

— Мнѣ нужно переговорить съ занявшими Сочи властями, а безъ моего конвоя я не могу пройти къ нимъ.

— Въ такомъ случаѣ вамъ придется разговаривать здѣсь, на пристани!

— Почему-же вы не хотите пропустить мой конвой въ городъ, возмущился майоръ.

— По тѣмъ-же самымъ причинамъ, по которымъ вы не позволили-бы и мнѣ явиться на вашъ миноносецъ съ вооруженными людьми.

Англичанинъ подумалъ немного, перекинулся нѣсколькими словами съ сопровождавшимъ его офицеромъ и снова обратился ко мнѣ:

— Хорошо, я оставляю здѣсь мой конвой и пойду съ вами въ городъ, но знайте, что я — представитель Верховнаго комиссара и, если надо мною будетъ учинено какое-либо насиліе, то суда королевскаго флота не оставятъ камня на камнѣ отъ занятаго вами города!

— Вы имѣете дѣло не съ дикарями, а съ русскими крестьянами, вашими бывшими союзниками, и вы здѣсь не подвергаетесь никакой опасности, отвѣтилъ я майору.

Послѣ этой предварительной бесѣды мы прошли съ англійскими офицерами въ «Ривьеру», гдѣ между ними, председателемъ Комитета Освобожденія Филипповскимъ и мною состоялся слѣдующій разговоръ:

— Скажите, спросилъ англійскій майоръ, давно-ли русскіе оставили Сочи?

— Сочи находится по-прежнему въ русскихъ рукахъ, изъ города ушли лишь части Добровольческой арміи, изгнанныя отсюда русскими Сочинскими крестьянами.

— Какое участіе приняли въ борьбѣ крестьянъ съ добровольцами грузинскія войска?

— Грузины никакого участія въ этой борьбѣ не принимали.

— Какова ваша политическая программа и какъ относитесь вы къ присоединенію Черноморья къ Россіи?

— Мы всегда стояли на той точкѣ зрѣнія, что Черноморье составляетъ нераздѣльную часть Россіи. Если мы сейчасъ объявили нашу временную самостоятельность, то это вызвано тѣмъ, что мы не желаемъ признавать ни Всероссійской диктатуры генерала Деникина, ни такой-же диктатуры большевиковъ.

— Откуда крестьяне достали столько оружія, чтобы рѣшиться на открытіе военныхъ дѣйствій противъ добровольцевъ?

— Вначалѣ у насъ имѣлось всего 300 винтовокъ и немного патроновъ, но послѣ перваго столкновенія съ добровольцами, мы захватили столько оружія, что имѣли возможность вооружить все крестьянское населеніе округа.

— Извѣстно-ли вамъ, что добровольцы получили оружіе и снаряженіе отъ англичанъ?

— Мы это знаемъ и очень вамъ благодарны за прекрасное обмундированіе, патроны и оружіе, которыми вы черезъ добровольцевъ снабдили насъ.

Англичанинъ покраснѣлъ, промолчалъ нѣсколько минутъ и снова заговорилъ:

— Если вы въ состояніи создать въ Сочинскомъ округѣ твердую власть и поддержать полное спокойствіе, мы готовы признать совершившійся политическій

переворотъ, но требуемъ отъ новой власти гарантій въ томъ, что жизни и имуществу военноплѣнныхъ и иностранцевъ не будетъ угрожать никакой опасности.

— Мы не слѣдуемъ примѣру генерала Деникина и не разстрѣливаемъ плѣнныхъ. Что-же касается имущества иностранныхъ подданныхъ — то до тѣхъ поръ, пока власть будетъ находиться въ рукахъ избраннаго крестьянствомъ правительства, оно также не подвергается никакой опасности. Однако мы не можемъ дать никакихъ гарантій въ неприкосновенности имущества иностранцевъ, въ случаѣ новаго наступленія на Сочи добровольческой арміи.

— Я не думаю, чтобы генераль Деникинъ предпринялъ новое наступленіе на Сочи и убѣдительно прошу васъ дать мнѣ завѣреніе въ неприкосновенности жизни и имущества плѣнныхъ и иностранцевъ. Въ противномъ случаѣ — мы будемъ вынуждены вмѣшаться въ ваши дѣла съ оружіемъ въ рукахъ.

— Мы еще разъ подтверждаемъ только-что сдѣланное нами заявленіе!

Послѣ этого разговора англичане попросили разрѣшенія пройти въ городъ и посмотреть, что въ немъ происходитъ.

Я распорядился подать захваченный у добровольцевъ автомобиль, и гости наши имѣли возможность лично убѣдиться въ полнѣйшемъ спокойствіи и нормальной жизни занятаго «зелеными» города.

Англичане вѣжливо распрощались съ нами, сѣли въ шлюпку и вернулись на свой миноносецъ, который тотчасъ-же поднялъ якорь и ушелъ въ море.

Черезъ нѣсколько дней послѣ занятія Сочи, мнѣ пришлось передать командованіе фронтомъ одному изъ моихъ помощниковъ — служившему ранѣе въ Грузинской Народной Гвардіи подполковнику Г., и принять дѣятельное участіе въ работѣ Комитета Освобожденія, налаживавшаго организацію гражданскаго управления и экономической жизни освобожденной отъ добровольцевъ территоріи.

Предсѣдатель комитета и большинство его членовъ, между которыми были распределены «министерскіе портфели», являлись пришлыми и незнакомыми съ жизнью Черноморья людьми. Только бывший предсѣдатель Сочинской городской думы Теръ-Григорьянъ и я были хорошо знакомы съ мѣстными обычаями и довольно сложными взаимоотношеніями между многочисленными національностями, населявшими округъ. Особенно усложнились отношенія русскихъ крестьянъ къ армянскимъ поселенцамъ, которые, руководимые армянской партіей «Дашнакцакановъ», поддерживали добровольцевъ и нарушали постановленія остального крестьянскаго населенія. Послѣ пораженія добровольцевъ армяне круто измѣнили свой политическій курсъ и попытались возстановить прежнія дружественныя отношенія съ русскими крестьянами. Но послѣдніе не желали мириться съ бывшими союзниками «кадетъ» и относились къ нимъ съ нескрываемой враждой. Поговаривали о готовящемся погромѣ армянъ. А между тѣмъ, война съ добровольцами была еще далеко не законченной и намъ ни въ коемъ случаѣ нельзя было допустить какихъ-либо беспорядковъ въ тылу фронта. Кромѣ того я, какъ предсѣдатель Главнаго Штаба крестьянскаго ополченія, исполнял, громко говоря, обязанности «военнаго министра», или-же, по-просту, обязанности окружнаго воинскаго начальника. Отсутствие дѣятельныхъ помощниковъ и даже простыхъ писарей заставляло меня съ утра до вечера заниматься въ канцеляріи штаба, инструктировать пріѣзжавшихъ за разъясненіями представителей районныхъ штабовъ и лично вмѣшиваться и вникать во всякія мелочи.

Наладивъ кое-какъ канцелярскую работу и дѣятельность интендантскаго отдѣла, я на нѣсколько дней выѣхалъ изъ Сочи для объѣзда районныхъ штабовъ. Во всѣхъ деревняхъ, въ которыя я пріѣзжалъ, собирались сходы, обсуждавшіе

политическое положеніе, создавшееся съ пораженіемъ добровольцевъ и успѣшнымъ продвиженіемъ на Кубань красной арміи.

Крестьяне инстинктивно чувствовали, что въ случаѣ занятія большевиками Кубанской области, Черноморью не миновать новыхъ испытаній.

— Прежде всего намъ нужно совсѣмъ выгнать «кадетъ» съ Черноморья, говорили они, а потомъ договориться съ казаками. Если Рада возьметъ въ свои руки власть на Кубани — всѣ казаки стѣной встанутъ на защиту своихъ станицъ. А коль мы объединимся съ Кубанью, — то большевики ничего съ нами не смогутъ подѣлать.

На каждомъ сходѣ принимались резолюціи — продолжать борьбу съ Деникиными и одновременно съ этой борьбой приступить къ переговорамъ съ Кубанской Радой, на предметъ образованія Кубано-Черноморской крестьянско-казачьей республики.

Къ сожалѣнію попытки такого соглашенія съ Радой остались безрезультатными. Съ одной стороны Кубанскіе политики не рѣшались открыто выступить противъ правительства Деникина и, какъ всегда, колебались въ своихъ ориентаціяхъ.

— Еще неизвѣстно, чья возьметъ, говорили представители Кубанскаго казачества: вотъ англичане заявляютъ, что будутъ помогать только Деникину. Можетъ-быть съ помощью англичанъ Деникину удастся снова разбить большевиковъ . . .

Съ другой стороны наши Черноморскіе «министры» были увѣрены, что, занявъ Кубань, красная армія не двинется дальше въ предѣлы Черноморья и что большевики никогда не рѣшатся вступить въ борьбу съ крестьянской властью. Поэтому они не были склонны къ какимъ-то переговорамъ съ колеблющимися Кубанскими политиками. Только ввиду моихъ настойчивыхъ требованій, подкрѣпленныхъ многочисленными резолюціями крестьянскихъ сходовъ, Комитетъ Освобожденія обратился, наконецъ, 9-го февраля по радіо къ Кубанской Радѣ, предлагая ей установить добрососѣдскія отношенія. Какъ оказалось впоследствии, эта радіограмма была перехвачена Штабомъ Добарміи и не была передана по назначенію.

На обратномъ пути въ Сочи я узналъ о томъ, что послѣ ликвидаціи добровольческаго фронта на рѣкѣ Псоу, грузинскія военныя власти стали разсматривать прежнюю «нейтральную зону», какъ часть грузинской территоріи. Между тѣмъ Грузинское правительство неоднократно заявляло, что считаетъ рѣку Мехадыръ границей между Грузіей и Сочинскимъ округомъ, а нейтральная зона лежала къ сѣверу отъ этой границы и безспорно отходила къ Сочинскому округу. Но военныя грузинскія власти почему-то рѣшили продвинуть свою границу до рѣки Псоу и, занявъ нейтральную зону постами, требовали отъ крестьянъ пяти селеній, находившихся въ этой зонѣ, подчиненія всѣмъ распоряженіямъ грузинскаго коменданта. Крестьяне заявляли, что ничьихъ распоряженій, кромѣ избраннаго ими Комитета Освобожденія, они исполнять не будутъ и не желаютъ. На этой почвѣ стали возникать конфликты, которые необходимо было немедленно же ликвидировать.

Узнавъ объ этомъ я рѣшилъ съѣздить въ Гагры и переговорить съ командовавшимъ грузинскими войсками генераломъ Артмеладзе, а также, если-бы это оказалось недостаточнымъ — то снестись по прямому проводу съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Грузинской республики Е. П. Гегечкори.

Принявъ такое рѣшеніе я въ тотъ-же день вечеромъ пріѣхалъ въ Гагры, гдѣ засталъ грузинскаго министра внутреннихъ дѣлъ Н. В. Рамишвилли, случайно заѣхавшаго сюда изъ Сухума.

Какъ я и предполагалъ пограничный конфликтъ былъ быстро улаженъ. Грузинское правительство отнюдь не хотѣло расширять своей территоріи за счетъ Сочинскаго округа, и генераль Артмеладзе тотчасъ-же распорядился очистить нейтральную зону, занятую самочинно командиромъ одного изъ Грузинскихъ баталіоновъ.

Во время разговора Н. В. Рамишвилли сообщилъ мнѣ, что въ Гаграхъ находится Верховный англійскій комиссаръ генераль Кизъ, только-что прібывшій на миноносцѣ изъ Сочи.

— Генераль Кизъ хотѣлъ переговорить съ предсѣдателемъ Комитета Освобожденія, но Филипповскій почему-то не пожелалъ разговаривать съ нимъ и поручилъ это какому-то Чайкину.

В. А. Чайкинъ, бывший комиссаръ Временнаго Правительства въ Туркестанѣ и бывший членъ Центр. Комитета партіи Соц. Рев. былъ вызванъ изъ Тифлиса Филипповскимъ, который хотѣлъ предложить ему занять постъ представителя Черноморья при правительствѣ Грузинской республики, только-что признавшемъ Комитетъ Освобожденія. Чайкинъ былъ яримъ англофобомъ, и я понялъ, что разговоръ его съ генераломъ Кизомъ вѣроятно закончился какимъ-нибудь скандаломъ.

Я спросилъ объ этомъ Рамишвилли, но онъ не зналъ подробностей разговора Чайкина съ Кизомъ.

— Я знаю только то, что Кизъ остался очень недоволенъ своей поѣздкой въ Сочи!

Распрощавшись съ Н. В. Рамишвилли я сталъ собираться тотчасъ-же въ обратный путь, но въ вестибюлѣ меня задержалъ начальникъ штаба генерала Артмеладзе, попросившій зайти на минутку къ генералу.

Войдя въ комнату Артмеладзе я засталъ въ ней двухъ пожилыхъ англійскихъ офицеровъ. Одинъ изъ нихъ оказался Верховнымъ комиссаромъ Великобританіи на югѣ Россіи генераломъ Кизомъ.

— Я узналъ отъ генерала Артмеладзе о вашемъ пріѣздѣ въ Гагры, обратился ко мнѣ Кизъ, и хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы переговорить съ вами о томъ дѣлѣ, по которому такъ неудачно ѣздилъ въ Сочи.

Изъ дальнѣйшихъ словъ англійскаго генерала я узналъ, что цѣлью его поѣздки въ Сочи являлась попытка склонить Комитетъ Освобожденія къ началу мирныхъ переговоровъ съ Деникинымъ.

— Вы вѣдь понимаете, что пораженіе Деникина явится торжествомъ большевиковъ. Неужели вамъ желательно, чтобы большевики заняли ваше Черноморье?

— Занятіе большевиками Черноморья намъ совсѣмъ не улыбается, отвѣтилъ я Кизу, и поэтому-то мы и торопимся очистить нашу территорію отъ добровольцевъ, чтобы не дать красной арміи возможности, на плечахъ разгромленныхъ остатковъ Деникинскихъ полковъ, вступить въ Черноморье.

— Но армія Деникина совершенно не разгромлена и съ нашей помощью будетъ еще долгое время успѣшно сдерживать натискъ красныхъ. Генералу Деникину важно лишь, чтобы его не тревожили съ тылу. Онъ согласится передать Комитету Освобожденія управленіе Сочинскимъ округомъ, если вы прекратите ваше дальнѣйшее наступленіе на Туапсе.

Я заявил генералу, что послѣ всѣхъ безобразій и насилій надъ крестьянами, произведенныхъ Деникинскими властями въ Черноморской губерніи, никакихъ разговоровъ о мирѣ между нами и Деникинымъ быть не можетъ:

— Кромѣ того, сказалъ я, Комитетъ Освобожденія является правительствомъ не только одного Сочинскаго округа, но всей губерніи и избранъ делегатами крестьянскаго населенія всѣхъ трехъ округовъ губерніи. Крестьянскій съѣздъ постановилъ очистить отъ добровольцевъ всю территорію Черноморья до Михайловскаго перевала (въ 40 верстахъ къ югу отъ Новороссійска) и мы постараемся выполнить это постановленіе. Пусть генералъ Деникинъ оттянетъ всѣ свои войска въ Новороссійскъ и мы не будемъ ихъ дальше преслѣдовать, но при непремѣнномъ условіи, что англичане дадутъ намъ гарантію въ томъ, что ни при какихъ обстоятельствахъ добровольцы не предпримутъ попытокъ новаго захвата указанной территоріи.

— На добровольное оставленіе Туапсинскаго порта Деникинъ никогда не согласится, отвѣтилъ немного подумавъ Кизъ. Но предположимъ, что вамъ удастся дойти до Михайловскаго перевала, а большевикамъ окончательно разгромить армію Деникина. Какъ вы тогда сможете удержать въ своихъ рукахъ Черноморье?

— Тогда у насъ будетъ обширная территорія, все населеніе которой твердо рѣшило бороться со всякими попытками насильственнаго подчиненія края какой-бы то ни было чуждой ему власти, а естественныя трудно-доступныя границы Черноморья позволяютъ намъ съ незначительными силами обороняться отъ наступленія враговъ. Большевики не рѣшатся на такую борьбу, ибо у нихъ въ тылу останется Кубань, гдѣ къ тому времени неизбѣжно вспыхнутъ анти-большевистскія возстанія казаковъ. Мы надѣемся, что Рада пойметъ всю важность и необходимость союза съ нами и Кубано-Черноморская крестьянско-казачья республика, которая образуется послѣ такого соглашенія, положитъ предѣлъ дальнѣйшему продвиженію большевиковъ.

— Я усматриваю изъ вашихъ словъ, что вы согласны на мирные переговоры съ Кубанской Радой, спросилъ Кизъ.

— Хотя мы никогда не объявляли войны Кубани и боремся исключительно съ Добровольческой арміей, но благодаря тому, что въ подчиненіи Деникина находятся казаки, мы къ нашему глубочайшему сожалѣнію нѣсколько разъ имѣли столкновеніе съ кубанскими частями. Наши крестьяне хотятъ находиться въ добрососѣдскихъ отношеніяхъ съ кубанцами, а поэтому Комитетъ Освобожденія предложилъ Радѣ начать такіе переговоры.

— Въ такомъ случаѣ, не согласитесь-ли вы отправиться вмѣстѣ со мной въ Екатеринодаръ для немедленнаго заключенія соглашенія съ Радой?

— Я согласенъ, но съ условіемъ предварительно заѣхать въ Сочи для того, чтобы получить полномочія на веденіе переговоровъ отъ Комитета Освобожденія.

— Хорошо, сказалъ Кизъ: мы сейчасъ-же отправимся на моемъ миноносцѣ въ Сочи, вы получите соотвѣтствующія полномочія, послѣ чего я доставлю васъ на томъ-же миноносцѣ въ Новороссійскъ, откуда мы съ вами пройдемъ въ Екатеринодаръ. Вы можете быть вполне спокойны въ томъ, что не подвергнетесь никакой опасности, такъ-какъ будете находиться подъ покровительствомъ Его Величества короля Англій.

Черезъ полъ-часа я находился на борту англійскаго миноносца и сидѣлъ въ каютъ-компаніи, потягивая маленькими глотками сода-виски и разговаривая съ англійскими офицерами.

COLONEL VORONOVICH has been given a safe conduct under the protection of the British Acting High Commissioner for South Russia during his stay in Novorossisk and during his return journey to Sochi.

J. K. M.

Brigadier General
Acting High Commissioner
for South Russia

Удостоверение

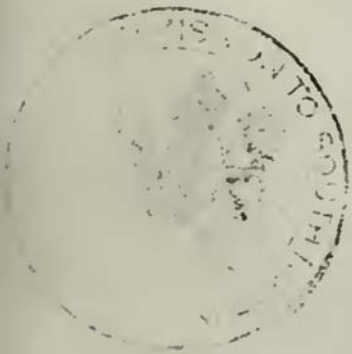
Сили удостоверяетъ, что Полковникъ
Вороновичъ, находится подъ покровительствомъ Верховнаго
Уполномоченнаго Британскаго Правительства на
Южн Россіи во время пребыванія въ Новороссиискъ и
по пути возвращенія въ Сочи.

J. K. M.

Генералъ.
Заместитель Верховнаго Уполномоченнаго
Британскаго Правительства на Южн Россіи

26 Января 1920.

и. Новороссиискъ.

ВРЕМЕННЫЙ ВЪЗМѢНИЙ ЗНАКЪ
ЧЕРНОМОРСКАГО КРЕСТЬЯНСКАГО СОЮЗЕНІЯ
ДВА ДВА ДАТЬ ПЯТЬ РУБЛЕЙ.

/ 25 рублей./

Согласно распоряженію Главнаго Помощнаго Штаба
Черноморскаго Крестьянскаго Ополченія имѣетъ
ходженіе наравнѣ съ Донскими, Добровольческими
и Грузинскими временными знаками до 1-го Января
1920 года. /распоряженіе Гл. Помощн. Штаба 28/1
20 г./

Послѣ 1 Января 1920 года имѣетъ быть обмѣненъ
Сочинскимъ окружнымъ казначействомъ.

Председатель Гл. Штаба *Г. Воронин*

Секретаря *Ивановъ*

№ 227.

— Я недоумѣваю, обратился ко мнѣ генераль Кизъ, какъ вы, интеллигентный человекъ и старый кадровый офицеръ, могли измѣнить Россіи и очутиться въ станѣ враговъ генерала Деникина?

— Господинъ генераль, отвѣтилъ я Кизу: я — вашъ гость и мнѣ кажется, что это обстоятельство вполне гарантируетъ меня отъ оскорбленій . . .

— Простите, спохватился генераль, я не имѣлъ намѣренія васъ обидѣть и тѣмъ болѣе оскорбить . . .

— Если вы считаете, что генераль Деникинъ олицетворяетъ собой Россію, продолжалъ я, то тогда мы являемся дѣйствительно врагами Россіи. Но дѣло въ томъ, что я и мои друзья никакъ не можемъ признать за Деникинымъ права представлять Россію: его никто на это не уполномочивалъ, и онъ распоряжался судьбами миллионѣвъ русскаго народа, опираясь на вооруженную силу. Какъ онъ распоряжался этими миллионами людей — вы можете узнать, поговоривъ съ нашими крестьянами. Признанное вами и всей Европой Временное Россійское Правительство объявило Деникина измѣнникомъ, ибо онъ вмѣстѣ съ другими генералами посягнулъ на это правительство, которому передъ этимъ присягалъ. Вставъ во главѣ Добровольческой арміи, генераль Деникинъ и назначенные имъ чиновники воскресили самыя мрачныя времена русской исторіи. Наше крестьянство, составляющее часть русскаго народа, возстало противъ самозваннаго диктатора, и я счастливъ, что въ этотъ моментъ нахожусь въ лагерѣ противниковъ Деникина! Пораженіе Деникина отнюдь не доказываетъ силы большевиковъ, а свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что народныя массы не хотятъ признавать его диктатуры.

— Но генераль Деникинъ возглавляетъ собой всѣхъ русскихъ антибольшевиковъ . . .

— Самыми яркими анти-большевиками являются крестьяне, съ которыми Деникинъ и его правительство находятся повсюду въ состояніи вражды. Деникина признаютъ и за нимъ идутъ лишь привыкшее къ субординаціи и мало разбирающееся въ политическихъ вопросахъ офицерство, небольшая кучка прогрессивной интеллигенціи и крайніе реакціонеры, мечтающіе при помощи Добрарміи возстановить утерянные ими послѣ революціи привилегіи. Сотни-же миллионѣвъ русскаго народа ненавидятъ и самого Деникина, и назначенныхъ имъ чиновниковъ и никогда не пойдутъ съ Деникинымъ бороться противъ большевиковъ.

— Я хорошо знаю русскій народъ, самоувѣренно заявилъ англійскій генераль, а поэтому останусь при своемъ мнѣніи: всѣ истинно-русскіе люди стоятъ на сторонѣ генерала Деникина, этого великаго русскаго патріота и безукоризненно-честнаго человека. Конечно, многіе изъ назначенныхъ имъ чиновниковъ поступали неправильно, но онъ въ этомъ не виноватъ. Я вижу, что и вы честный патріотъ, но ваши сужденія глубоко неправильны. Вамъ надо подчиниться Деникину и постараться примирить съ нимъ вашихъ крестьянъ. А тогда генераль Деникинъ произведетъ разслѣдованіе неправильныхъ поступковъ назначенныхъ имъ чиновниковъ, и я обещаю вамъ, что они подвергнутся суровому наказанію.

Я не счелъ нужнымъ спорить съ такимъ знатокомъ русскаго народа, какимъ являлся генераль Кизъ. Разговоръ самъ по себѣ прекратился и, пожелавъ мнѣ спокойной ночи, генераль удалился въ свою каюту.

Рано утромъ миноносецъ подошелъ къ Сочи. Но разыгравшійся на морѣ штормъ не далъ возможности спустить шлюпки и съѣхать на берегъ.

— Вамъ придется ѣхать въ Екатеринодаръ безъ полномочій Комитета Освобожденія, сказалъ мнѣ Кизъ, появляясь въ каютъ-кампаніи.

— Я поѣду, но вы понимаете, что безъ соотвѣтствующихъ полномочій никакихъ договоровъ заключать не буду.

— Во всякомъ случаѣ вы сможете переговорить кое съ кѣмъ, и я возлагаю большія надежды на эти, хотя-бы и неофициальные переговоры.

Къ вечеру, выдержавъ жестокій штормъ, мы подошли къ Новороссійску и миноносець ошвартовался у цементныхъ заводовъ, гдѣ находилась англійская база.

Верховный комиссаръ Великобританіи занималъ маленькій двухъ-этажный домъ директора цементнаго завода. Въ трехъ комнатахъ перваго этажа помѣщались канцелярія, спальная генерала и столовая, часть которой была отведена подъ рабочій кабинетъ. Въ комнатахъ втораго этажа помѣщались его секретари и адъютанты.

Генераль извинился, что не можетъ предоставить мнѣ отдѣльной комнаты, и предложилъ временно расположиться въ его кабинетѣ.

Въ семь часовъ вечера состоялся парадный обѣдъ, къ которому были приглашены нѣсколько англійскихъ офицеровъ, явившихся въ парадной формѣ. Секретари Киза спустились въ смокингахъ и я въ своей потертой кожаной курткѣ выдѣлялся среди остальныхъ приглашенныхъ.

По окончаніи обѣда генераль сказалъ мнѣ, что завтра утромъ онъ отправится къ помощнику Деникина — Новороссійскому генераль-губернатору Лукомскому, послѣ чего мы съ вечернимъ поѣздомъ выѣдемъ въ Екатеринодаръ.

На слѣдующій день утромъ Кизъ дѣйствительно поѣхалъ къ Лукомскому, но вернулся весьма разстроеннымъ и обозленнымъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, окружающіе генерала Деникина люди абсолютно не способны разбираться въ политическихъ вопросахъ, съ раздраженіемъ проговорилъ онъ, входя въ свой кабинетъ. Я одинъ поѣду въ Екатеринодаръ и постараюсь привезти съ собой кого-нибудь изъ членовъ Рады, а вы подождете меня здѣсь.

Передъ своимъ отъѣздомъ генераль Кизъ вручилъ мнѣ удостовѣреніе, въ которомъ значилось, что полковникъ Вороновичъ находится подъ покровительствомъ Верховнаго комиссара Великобританіи на югѣ Россіи.

Я сначала не понялъ поведенія Киза и только послѣ его отъѣзда узналъ отъ секретаря, что генераль Лукомскій потребовалъ моей немедленной выдачи для преданія военно-полевому суду. На заявленіе Киза, что я пріѣхалъ для переговоровъ съ Радой, Лукомскій отвѣтилъ, что главное командованіе не допуститъ никакихъ переговоровъ предводителя мятежниковъ съ неполюющимъ до вѣріемъ правительства Кубанскимъ парламентомъ. Ввиду этого Кизъ рѣшилъ самъ переговорить съ Деникинымъ, а для того, чтобы не допустить моего ареста Лукомскимъ, выдалъ удостовѣреніе, благодаря которому всякое покушеніе на мою личность было-бы разсмотрѣно, какъ оскорбленіе Верховнаго комиссара и представителя короля Англій.

Послѣ отъѣзда Киза, я въ сопровожденіи двухъ англійскихъ офицеровъ, назначенныхъ моими тѣлохранителями, отправился въ городъ, въ которомъ могъ увидѣть охватившую добровольцевъ панику. Всѣ Ростовскія и часть Екатеринодарскихъ учреждений были уже эвакуированы въ Новороссійскъ и разговоры многочисленныхъ чиновниковъ, губернаторовъ, оставшихся безъ губерній, и штабныхъ офицеровъ вертѣлись все вокругъ одной и той-же темы: гдѣ купить

иностранный валюты и какъ достать билетъ на какой нибудь отходящій за-границу пароходъ?

Здѣсь-же я встрѣтился съ нѣкоторыми изъ моихъ прежнихъ сослуживцевъ по гвардейскому корпусу. Они знали, что я являюсь «зеленымъ главкомъ», а слѣдовательно ихъ непріателемъ. Тѣмъ не менѣе мы встрѣтились довольно дружелюбно и разговорились по-пріятельски.

— Вотъ, если ты попадешься къ намъ въ плѣнъ, сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ, то ужъ не взыщи: сразу повѣсимъ!

— А я васъ вѣшать не стану, отвѣтилъ я со смѣхомъ, но и вы также не взыщите: придется вамъ немного потрудиться на ремонтъ шоссе и взорванныхъ вашими отрядами мостовъ!

— Меня не испугаешь этимъ, улыбнулся мой собесѣдникъ, къ твоимъ «зеленымъ» я не попадусь: вотъ видишь — билетъ до Константинополя! Дѣло наше я считаю окончательно проиграннымъ и конечно не стану дожидаться здѣсь прихода большевиковъ.

На слѣдующій день вернулся изъ Екатеринодара генераль Кизъ. Онъ былъ смущенъ и совершенно разстроенъ.

— Деникинъ не разрѣшаетъ вамъ вести переговоры съ Радой. Онъ также требуетъ вашего безусловнаго подчиненія главному командованію Добровольческой арміи и только, когда ваши «зеленые» сложатъ оружіе, возможно будетъ добиться назначенія разслѣдованія о произведенныхъ въ Сочинскомъ округѣ незаконныхъ дѣйствіяхъ военныхъ и гражданскихъ властей. Я вамъ совѣтую подчиниться приказу генерала Деникина, тѣмъ болѣе, что за время вашего отсутствія положеніе въ Черноморьѣ измѣнилось.

Съ этими словами генераль передалъ мнѣ послѣднее официальное сообщеніе Штаба Главнокомандующаго, въ которомъ говорилось, что Туапсинскій отрядъ Добровольческой арміи нанесъ полное пораженіе «зеленымъ бандамъ» на рѣкѣ Лоо (въ 20 верстахъ къ сѣверу отъ Сочи). Зеленые въ паникѣ отступаютъ, а побѣдоносные отряды добровольцевъ приближаются къ Сочи.

Меня нѣсколько смутило это извѣстіе, которое оказалось впоследствии сплошнымъ вымысломъ: никакого боя у Лоо не было, а Туапсинскій отрядъ Добрарміи находился въ это время въ Головинкѣ (въ 70 верстахъ отъ Сочи).

Но я не показавъ Кизу своего смущенія, поблагодарилъ его за совѣтъ и попросилъ распорядиться немедленно доставить меня обратно въ Сочи.

— Никакихъ приказовъ генерала Деникина мы, конечно, исполнять не намѣрены; оружія мы не сложимъ до тѣхъ поръ, пока не очистимъ все Черноморье отъ войскъ Деникина, съ которымъ ни въ какіе переговоры не хотѣли вступать. Что-же касается Кубанской Рады, то мы постараемся вступить съ ней въ переговоры, несмотря на запрещеніе Деникина, заявилъ я Верховному комиссару.

— Какъ хотите, сказалъ Кизъ: знайте, что я хотѣлъ вамъ добра и очень опечаленъ, что мнѣ не удалось склонить Деникина помириться съ Черноморскимъ крестьянствомъ.

— Еще разъ заявляю вамъ, господинъ генераль, что мириться съ Деникинымъ мы совершенно не намѣрены. Наша цѣль — освободить Черноморье отъ ига добровольцевъ, а генераль Деникинъ упорно старается подчинить насъ своей власти. Поэтому споръ нашъ будетъ разрѣшенъ оружіемъ, которое не мы первые обнажили.

Генераль очень любезно распрощался со мной и выразил увѣренность, что, несмотря на непримиримое настроеніе обѣихъ враждующихъ сторонъ, Черноморскіе крестьяне со временемъ сдѣлаются болѣе сговорчивыми.

На слѣдующее утро тотъ-же самый миноносецъ доставилъ меня обратно въ Сочи.

Когда мы подошли къ городу я съ радостью увидѣлъ развѣвающійся на маякѣ флагъ крестьянскаго ополченія. Сочи попрежнему находилось въ нашихъ рукахъ.

XVII

Вернувшись въ Сочи, я прежде всего отправился въ Штабъ узнать о положеніи дѣлъ на фронтѣ. Оказалось, что крестьянское ополченіе попрежнему одерживаетъ успѣхи, и за время моего отсутствія фронтъ нашъ продвинулся почти до границы Туапсинскаго округа.

Въ штабѣ я узналъ о томъ, что Комитетъ Освобожденія, получивъ изъ Гагръ мою телеграмму о поѣздкѣ въ Новороссійскъ, постановилъ отчислить меня отъ главнаго командованія крестьянскимъ ополченіемъ и отъ завѣдыванія военнымъ отдѣломъ Комитета.

Я тотчасъ-же пошелъ къ предсѣдателю комитета Филипповскому и спросилъ его, чѣмъ вызвано такое постановленіе?

Филипповскій былъ очень смущенъ и объяснилъ мнѣ, что комитетъ былъ вынужденъ принять такое рѣшеніе по требованію крестьянъ, до которыхъ дошли слухи о томъ, что я поѣхалъ въ Новороссійскъ для заключенія мирнаго договора съ Деникинымъ.

Зная, какъ ко мнѣ относятся наши Сочинскіе крестьяне, я не повѣрилъ такому объясненію и между мною и Филипповскимъ произошелъ крупный разговоръ.

— Я не понимаю, какъ могъ Комитетъ Освобожденія вынести рѣшеніе, не выслушавъ моихъ объясненій?

— Но мы не знали — вернетесь-ли вы обратно изъ Новороссійска!

— Значитъ вы предполагали, что я измѣнилъ крестьянству и перешелъ на службу къ Деникину?

— Нѣтъ, намъ и въ голову не могла придти такая мысль, но мы боялись, что англичане заманятъ васъ въ ловушку и выдадутъ Деникину.

Филипповскій началъ путаться въ своихъ объясненіяхъ.

— Такъ какъ комитетъ отстранилъ меня отъ завѣдыванія военнымъ отдѣломъ, то я больше никакого участія въ его работѣ принимать не буду, заявилъ я ему. Я требую, чтобы Комитетъ Освобожденія опубликовалъ свое постановленіе и разослалъ-бы его по всѣмъ селеніямъ Сочинскаго округа. Никакихъ объясненій я комитету не представляю, а дамъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ крестьянскому съѣзду! Пусть меня судятъ тѣ крестьяне, которые довѣрили мнѣ командованіе своимъ ополченіемъ!

Мое заявленіе встревожило Филипповскаго.

— Я не понимаю, почему вы волнуетесь? Комитетъ ни минуты не сомнѣвался въ вашей преданности крестьянскому дѣлу и теперь, когда вы вернулись цѣлымъ и невредимымъ, вы объясните намъ цѣль вашей поѣздки и мы тотчасъ аннулируемъ наше постановленіе...

Но я категорически отказался отъ всякихъ объясненій съ комитетомъ.

Быть можетъ, я былъ неправъ, но меня крайне возмутило то обстоятельство, что вопросъ о моей преданности Черноморскому крестьянству разбирался тѣми людьми, которые были мною-же приглашены на работу въ Черноморье и были избрапы въ Комитетъ Освобожденія только благодаря моей рекомендаціи.

Вернувшись къ себѣ въ номеръ я засталъ въ немъ представителей Хостинскаго и Волковскаго районныхъ штабовъ, поджидавшихъ меня.

— Намъ сказали въ Главномъ Штабѣ, будто вы подали въ отставку?

Я объяснилъ имъ, что произошло.

— Ну, такъ вотъ что, Н. В., заявили мнѣ крестьяне: никто изъ поселянъ не обращался къ комитету съ требованіемъ отстранить васъ отъ командованія ополченіемъ. Если-же о постановленіи комитета узнаютъ въ деревняхъ — то получится большой скандалъ. Мы вамъ всѣ вполнѣ доверяемъ и никакого разговора о вашей поѣздкѣ среди крестьянъ не было. Тутъ что-то неладно! Мы сейчасъ пойдемъ къ Филипповскому и разузнаемъ въ чемъ дѣло.

Не знаю, что говорили крестьяне предсѣдателю комитета, но только черезъ полчаса Филипповскій прибѣжалъ ко мнѣ и сталъ убѣждать меня не выходить изъ состава комитета.

— Если вы уйдете — крестьяне потребуютъ переизбранія комитета, а вы сами понимаете, что это въ данное время абсолютно невозможно сдѣлать! Комитетъ только-что аннулировалъ свое постановленіе о вашемъ отчисленіи отъ завѣдыванія военнымъ отдѣломъ, и я, отъ имени всего комитета, прошу васъ взять ваше заявленіе обратно.

Я сознавалъ, что начатое нами дѣло не можетъ страдать отъ уязвленнаго самолюбія и личныхъ обидъ кого-либо изъ его участниковъ. Поэтому я согласился остаться въ комитетѣ, но не удержался отъ того, чтобы не высказать Филипповскому моего крайняго удивленія странному поведенію комитета.

— Сначала вы рѣшили отстранить меня отъ завѣдыванія военными дѣлами, не потребовавъ отъ меня никакихъ объясненій, а теперь возстановливаете меня въ правахъ, снова не дождавшись этихъ объясненій. Я не хотѣлъ давать вамъ отчета о моей поѣздкѣ, но теперь, чтобы вывести комитетъ изъ не совсѣмъ пріятнаго положенія людей, выносящихъ необдуманнныя рѣшенія, я требую созыва экстреннаго засѣданія, на которомъ сдѣлаю подробный докладъ.

Филипповскій остался очень доволенъ моимъ отвѣтомъ и тотчасъ-же собралъ комитетъ, который, выслушавъ мой докладъ, единогласно одобрилъ мои дѣйствія и сдѣланныя мною заявленія Верховному англійскому комиссару.

Казалось, что вызванный постановленіемъ Комитета Освобожденія инцидентъ исчерпанъ, но вечеромъ выяснилось, что это не совсѣмъ такъ. Какъ я уже говорилъ раньше, моимъ начальникомъ штаба былъ казачій офицеръ Томашевскій (Сергѣевъ), называвшій себя эсъ-эромъ, а на самомъ дѣлѣ сочувствовавшій коммунистамъ и состоявшій въ связи съ Закавказскимъ комитетомъ Рос. Коммун. партіи. Двое изъ командировъ дружинъ Скобелевъ и Казанскій и помощникъ начальника штаба — Шевцовъ — были также скрытыми коммунистами и руководствовались въ своихъ дѣйствіяхъ секретными инструкціями большевистскаго комитета. Большевики-же относились весьма недоброжелательно къ проведенной мною въ жизнь идеѣ организаціи крестьянскаго ополченія, такъ-какъ знали, что крестьянство относится отрицательно къ политикѣ и тактикѣ компартіи. Какъ оказалось впослѣдствіи, Сергѣеву-Томашевскому была дана инструкція всѣми мѣрами дискредитировать меня въ глазахъ находившихся на фронтѣ частей

ополченія. Постановленіе Комитета Освобожденія дало ему возможность тотчасъ же телеграфировать о моей «измѣнѣ» на фронтъ и исполнить возложенную на него большевиками задачу.

На фронтѣ находились два баталіона, сформированныхъ изъ плѣнныхъ солдатъ Сальянскаго и Шемахинскаго полковъ 52-й бригады Добрарміи. Эти солдаты были въ 1918 году красноармейцами Сорокинской арміи и, послѣ разгрома Сѣверо-Кавказскихъ большевиковъ — взяты въ плѣнъ добровольцами. Среди нихъ оказалось нѣсколько партійныхъ коммунистовъ, ловко скрывшихъ отъ команднаго состава Добрарміи свою партійную принадлежность и все время имѣвшихъ большое вліяніе на бывшихъ красноармейцевъ. Пораженіе добровольцевъ подъ Харьковомъ и Ростовомъ еще болѣе усилили престижъ и вліяніе большевиковъ, которые начали исподволь возстанавливать зачисленныхъ въ ряды ополченія плѣнныхъ добровольцевъ противъ крестьянства.

Извѣстіе о моей «измѣнѣ» было съ восторгомъ встрѣчено этими двумя баталіонами плѣнныхъ добровольцевъ, но крестьянскія роты отнеслись къ нему съ недоувѣріемъ и немедленно командировали въ Сочи своихъ представителей для личныхъ переговоровъ со мною. Делегаты эти прибыли поздно вечеромъ и, переговоривши со мною, тотчасъ-же по телефону сообщили фронту о происшедшемъ недоразумѣніи. Большевики къ этому времени успѣли уже вынести резолюцію, въ которой выражали мнѣ недоувѣріе и требовали немедленнаго отчисленія меня отъ главнаго командованія. Однако, убѣдившись въ настроеніи крестьянскихъ ротъ, заявившихъ, что они признаютъ только меня и будутъ сражаться только подъ моимъ начальствомъ, коммунисты рѣшили припрятать свою резолюцію до болѣе подходящаго момента. Но все-таки необдуманное и слишкомъ поспѣшное постановленіе Комитета Освобожденія сыграло, несомнѣнно, въ руку большевикамъ и положило начало тому расколу на фронтѣ, который черезъ нѣкоторое время вылился въ форму отдѣленія сформированныхъ изъ плѣнныхъ добровольцевъ баталіоновъ отъ крестьянскаго ополченія.

Въ этотъ-же вечеръ я получилъ телефонограмму отъ Хостинскаго районнаго штаба, настоятельно просившаго меня пріѣхать на слѣдующій день въ Хосту, гдѣ былъ назначенъ большой районный (волостной) крестьянскій сходъ.

Пріѣхавъ въ Хосту, я былъ восторженно встрѣченъ собравшимися крестьянами, избравшими меня предсѣдателемъ схода. Здѣсь, на сходѣ, я узналъ отъ крестьянъ, что они сильно обезпокоены медлительностью Комитета Освобожденія и его нерѣшительностью, выразившихся въ томъ, что до сихъ поръ на территоріи, освобожденной отъ добровольческихъ властей, не было установлено гражданскихъ органовъ управленія.

И въ самомъ дѣлѣ, Комитетъ Освобожденія, занявшійся вопросами «высшей политики», не обратилъ достаточнаго вниманія на внутреннюю политику и организацію деревни. Единственными органами, развившими въ округѣ свою дѣятельность, являлись районные штабы крестьянскаго ополченія, къ которымъ крестьяне обращались со всевозможными просьбами и съ вопросами, ничего общаго не имѣвшими съ основной дѣятельностью штабовъ. Предсѣдатели районныхъ штабовъ неоднократно обращались ко мнѣ съ просьбами освободить ихъ отъ гражданскихъ и судебныхъ функцій, и я, въ свою очередь, обращалъ на такую ненормальность вниманіе Комитета.

Еще до занятія Сочи, Комитетъ Освобожденія рѣшилъ созвать въ концѣ февраля очередной крестьянскій съѣздъ для разрѣшенія вопросовъ о дальнѣйшемъ веденіи войны съ Добрарміей, о гражданскомъ самоуправленіи, финансахъ

и восстановленіи экономической жизни Черноморья. Но созывъ этого съѣзда все почему-то откладывался и главной причиной проволочки являлось отсутствіе въ составѣ Комитета достаточнаго числа работниковъ. Повторилась столь обычная за время революціи картина: любителей говорить и кричать было болѣе, чѣмъ достаточно, а исполнять черную работу и приводить въ исполненіе принятыя рѣшенія — было некому...

Изъ девяти членовъ комитета три человѣка были заняты чуть-ли не по 24 часа въ сутки, а остальные шесть ничего не дѣлали.

На Хостинскомъ сходѣ былъ снова поднятъ вопросъ о созывѣ съѣзда и мнѣ, какъ представителю Комитета Освобожденія, было поручено передать резолюцію схода и выработанный на сходѣ порядокъ съѣзда председателю комитета Филипповскому. Одновременно было рѣшено разослать по всеѣмъ районамъ (волостямъ) копіи принятой въ Хостѣ резолюціи.

Я воспользовался поѣздкой въ Хосту для того, чтобы объѣздить сосѣднія селенія и ознакомиться съ настроеніями крестьянства, такъ-какъ зналъ, что никто изъ членовъ Комитета Освобожденія до сихъ поръ не удосужился совершить такую поѣздку по деревнямъ, а у крестьянъ накопилось много вопросовъ, на которые они ждали отвѣтовъ отъ избранныхъ ими руководителей. Эта поѣздка убѣдила меня въ необходимости оторвать президіумъ Комитета Освобожденія отъ кабинетной работы и настоять на скорѣйшемъ проведеніи въ жизнь назрѣвшихъ реформъ.

Вернувшись черезъ день въ Сочи, я доложилъ комитету о своихъ впечатлѣніяхъ и въ длинномъ разговорѣ съ двумя наиболѣе активными членами комитета — В. Н. Филипповскимъ и Ф. Д. Сорокинымъ, обратилъ ихъ вниманіе на отсутствіе достаточной работы въ деревнѣ.

— Наша единственная и могучая опора — крестьянство, которое намъ вполне довѣряетъ, говорилъ я комитету: мы должны удѣлить крестьянству всю свою энергію и поддерживать съ нимъ постоянную и прочную связь. Мы должны знать, чего хотятъ и къ чему стремятся крестьяне и обязаны постоянно держать ихъ въ курсѣ нашихъ рѣшеній по всеѣмъ вопросамъ внѣшней и внутренней политики. А комитетъ, переѣхавъ въ Сочи, занялся преимущественно городскими дѣлами...

Филипповскій и Сорокинъ вполне соглашались со мною, но указывали на то, что занявъ Сочи, комитетъ получилъ тяжелое наслѣдство: полное отсутствіе средствъ и продовольствія и многочисленное городское населеніе, обращавшееся къ комитету со всякаго рода требованіями.

Въ концѣ-концовъ было рѣшено созвать чрезвычайный окружной съѣздъ, а до тѣхъ поръ немедленно произвести рядъ временныхъ реформъ, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, принявъ къ свѣдѣнію рекомендованныя сельскими сходами временныя мѣропріятія.

Однимъ изъ такихъ мѣропріятіи являлось обложеніе всего некрестьянскаго населенія единовременнымъ денежнымъ налогомъ. Крестьяне говорили, что они несутъ на себѣ все тяготы войны, добровольно снабжая ополченіе продовольствіемъ, подводами и лошадьми. Кромѣ того крестьяне-плантаторы рѣшили пожертвовать Комитету Освобожденія часть имѣвшагося у нихъ прошлогодняго запаса табаку, который явился-бы валютнымъ товаромъ и фондомъ для товарообмѣна съ сосѣдней Грузіей и Кубанью. Городское-же населеніе никакихъ налоговъ не вносило и фактически не принимало участія въ борьбѣ крестьянъ съ добровольцами, въ лучшемъ случаѣ выражая лишь свое сочувствіе избранному

крестьянами правительству. Поэтому крестьяне считали справедливым обложить горожанъ Сочи, Адлера и Хосты единовременнымъ денежнымъ налогомъ, который по ихъ подсчету далъ-бы вполне достаточную сумму для необходимыхъ расходовъ по организаціи городского самоуправленія, и снабженію городского населенія продовольствіемъ.

Мы стали дѣятельно готовиться къ подготовкѣ съѣзда и мнѣ пришлось снова раздѣлить свое вниманіе между фронтомъ и тыломъ. На фронтѣ готовились къ продолженію временно прерванныхъ военныхъ операцій, а въ тылу происходила огромная работа по формированію второочередныхъ частей, артиллерійскихъ батарей, инженерной команды, а также по организаціи правильнаго снабженія фронта и возстановленію полуразрушенныхъ шоссе и линіи Черноморской желѣзной дороги.

Между тѣмъ выступившій изъ Туапсе отрядъ Добрармін, въ составѣ офицерскаго баталіона полковника Галкина и 10-го своднаго полка, соединившись съ отступившими изъ Сочи остатками 52-й бригады и армянскимъ баталіономъ полковника Чимишкіанца, укрѣпился на рѣкѣ Шахэ (у селенія Головинки). Командовавшій всѣми добровольческими войсками (2000 штыковъ и 8 орудій) полковникъ Жуковскій прислалъ къ намъ парламентаровъ съ предложеніемъ — покориться приказу Новороссійскаго генераль-губернатора Лукомскаго и немедленно сдать оружіе. Парламентары доставили намъ нѣсколько экземпляровъ воззванія генерала Лукомскаго, въ которомъ крестьянамъ обѣщалось полное прощеніе, если они выдадутъ оружіе и главарей возстанія. Генералъ Лукомскій обѣщаль также отъ имени Деникина — освободить Черноморскихъ крестьянъ отъ всякихъ мобилизацій и реквизицій.

Мы не хотѣли скрывать прокламацій Лукомскаго отъ крестьянъ и немедленно разослали ихъ по всѣмъ деревнямъ. Но результатами этихъ прокламацій явилось то, что отпущенные штабомъ на недѣльный отдыхъ въ свои деревни ополченцы, стали въ этотъ-же вечеръ возвращаться на фронтъ и заявили о своемъ настойчивомъ рѣшеніи продолжать войну съ «кадетами» до полнаго освобожденія Черноморья отъ власти Деникина и его губернатора Лукомскаго.

— Довольно мы вѣрили «кадюкамъ», говорили крестьяне. Сколько разъ они освобождали насъ отъ мобилизацій и реквизицій, когда имъ туго приходилось. Вотъ и теперь — выгнали мы ихъ изъ Сочи, такъ они чего угодно готовы наобѣщать, а какъ только насъ обезоружать — снова примутся за старое...

Мы заявили парламентарамъ, что отказываемся подчиниться приказу Лукомскаго и въ свою очередь предложили Жуковскому, во избѣжаніе кровопролитія, безъ боя отойти къ Новороссійску, очистивъ весь Туапсинскій и южную часть Новороссійскаго округовъ.

Парламентары вернулись обратно, предупредивъ насъ, что на слѣдующій день, 13-го февраля, полковникъ Жуковскій перейдетъ въ наступленіе и заставитъ насъ силой оружія подчиниться приказу генерала Лукомскаго.

Однако, несмотря на то, что числомъ штыковъ и орудій добровольцы значительно превосходили насъ, мы нисколько не безпокоились и были увѣрены, что 13-е февраля будетъ днемъ нашей новой побѣды.

Произведенная охотниками развѣдка расположенія силъ противника выяснила всю слабость добровольческой позиціи. Позиція эта тянулась по правому низменному берегу рѣки Шахэ и находилась подъ губительнымъ обстрѣломъ со стороны нашей, находившейся на возвышенномъ лѣвомъ берегу рѣки, позиціи. Окопы, вырытые добровольцами, совершенно не предохраняли ихъ отъ нашего ружей-

наго и пулеметнаго огня. Флангъ позиціи отряда Жуковскаго снова упирался въ подножіе высокої горы и, несмотря на опытъ боевъ подъ Адлеромъ и Мацестой, снова считался добровольческимъ командованіемъ вполне обеспеченнымъ отъ обхода. Для того, чтобы вполне застраховаться отъ обхода, Жуковскій приказалъ свалить на своемъ крайнемъ флангѣ нѣсколько десятковъ деревьевъ и опутать эти деревья колючей проволокой. Устроенная такимъ образомъ засѣтка тянулась всего на сто сажень въ длину и, конечно, не представляла собой надежнаго прикрытія совершенно обнаженнаго фланга.

Въ ночь на 13-е февраля мы выслали два сильныхъ отряда (по три роты каждый) въ обходъ фланга и тыла противника. Первый отрядъ долженъ былъ совершить ближній обходъ, подняться на ту гору, въ которую упирался лѣвый флангъ позиціи Жуковскаго, а второй — выйти въ тылъ между Головинкой и Лазаревкой, откуда и предпринять наступленіе по Черноморскому шоссе. Оставшіяся на фронтѣ двѣ дружины общей численностью въ 500 штыковъ должны были сдерживать наступленіе добровольцевъ, а затѣмъ, когда совершится обходъ, перейти въ фронтальную атаку.

Въ 11 часовъ утра добровольцы открыли военныя дѣйствія, начавъ артиллерійскій обстрѣлъ нашей позиціи. Черезъ полъ-часа съ моря подошла подводная лодка, открывшая огонь изъ 75 миллиметроваго орудія по нашему тылу. Но миниатюрная пушенка подводной лодки не причиняла намъ никакихъ потерь и поврежденій.

Мы ограничивались рѣдкимъ ружейнымъ огнемъ и ждали условленнаго сигнала со стороны обходныхъ колоннъ. Наконецъ, около часу дня въ тылу у добровольцевъ затрещали пулеметы. Въ отрядѣ Жуковскаго поднялась паника, которую еще больше увеличилъ сильный и мѣткій огонь, открытый нами съ фронта. Черезъ нѣсколько минутъ, понесся большія потери, добровольцы были вынуждены очистить неудачно выбранную ими позицію на берегу Шахэ. Ополченцы, по поясъ въ холодной водѣ, быстро переправились на правый берегъ рѣки и стали тѣснить отступающихъ. Въ это время на шоссе показался вышедшій имъ въ тылъ крестьянскій отрядъ и — участь боя была рѣшена.

Офицерскій баталіонъ и часть 10-го своднаго полка, бросивъ двѣ батареи и обозъ, успѣли пробиться къ линіи желѣзной дороги, пластунская сотня есаула Базарова выкинула бѣлый флагъ и сдалась въ плѣнъ, а армянскій баталіонъ Чимишкіанца, припертый къ горамъ, былъ совершенно разгромленъ. Крестьяне особенно ненавидѣли этотъ баталіонъ, постоянно принимавшій участіе во всѣхъ карательныхъ экспедиціяхъ, и не давали пощады армянамъ. Во время этого послѣдняго эпизода Головинскаго боя разыгралась слѣдующая отвратительная сцена: солдаты армянскаго баталіона, зная, какъ ихъ ненавидятъ крестьяне, рѣшили заслужить себѣ прощеніе путемъ избіенія своихъ офицеровъ... Армяне-пулеметчики, увидѣвъ, что бой проигранъ, повернули свои пулеметы и начали обстрѣливать пытавшихся пробить себѣ путь отступленія офицеровъ. Командиръ баталіона — полковникъ Чимишкіанъ былъ буквально перерѣзанъ пулеметомъ на двѣ части... Однако это предательство еще болѣе возмутило крестьянъ, и ротнымъ командирамъ съ большимъ трудомъ удалось останоить поголовное избіеніе взятыхъ въ плѣнъ армянъ.

Преслѣдованіе отступавшихъ въ паникѣ добровольцевъ продолжалось до поздней ночи, число плѣнныхъ и трофеевъ все увеличивалось. Когда мы заняли Лазаревку (въ 90 верстахъ къ сѣв. отъ Сочи) выяснилось, что дорога на

Туапсе совершенно открыта, такъ-какъ отрядъ Жуковского не могъ остановиться на заранѣе подготовленной у Лазаревки позиціи и отступилъ до самого Туапсе.

Въ этотъ день крестьянское ополченіе захватило 8 орудій, 30 пулеметовъ и около 300 плѣнныхъ, потерявъ всего 11 человекъ убитыми и ранеными. Но мы радовались больше всего тому, что въ наши руки попалъ обозъ и три вагона бѣлой муки, которая для насъ была дороже всякихъ пушекъ и пулеметовъ . . .

XVIII

Вскорѣ послѣ Головинскаго боя началась предвыборная кампанія и подготовка къ чрезвычайному окружному съѣзду. По всѣмъ селеніямъ собирались сходы, выбиравшіе делегатовъ и выносившіе резолюціи съ наказами избраннымъ на съѣздъ делегатамъ. Всѣ эти наказы требовали скорѣйшей организаціи крестьянскаго самоуправления, продолженія борьбы за освобожденіе Черноморья и дальнѣйшаго усиленія крестьянскаго ополченія, которое «должно защищать нашу крестьянскую власть отъ всякой пришлой силы, какъ справа, такъ и слѣва».

Съѣздъ былъ назначенъ на 20-е февраля, но такъ-какъ къ этому дню организаціонный комитетъ не могъ вырѣшить нѣкоторыхъ связанныхъ съ открытіемъ съѣзда вопросовъ, его пришлось отложить на одинъ день. Кромѣ крестьянскихъ делегатовъ, комитетъ рѣшилъ предоставить нѣсколько мѣстъ Сочинскимъ и Адлерскимъ рабочимъ и профессиональнымъ союзамъ, а фронтовики требовали допущенія на съѣздъ и ихъ представителей. Требованіе это исходило не отъ крестьянскихъ ротъ, а отъ плѣнныхъ добровольцевъ, голосами которыхъ намѣревались воспользоваться большевики, не получившіе ни одного депутатскаго мандата ни отъ крестьянъ, ни отъ рабочихъ.

Хотя Главный Штабъ и былъ противъ участія на съѣздѣ представителей отъ плѣнныхъ солдатъ Добрармій, не имѣвшихъ никакой связи съ мѣстнымъ населеніемъ, но комитетъ согласился съ ихъ требованіемъ и предоставилъ по одному мандату каждой ротѣ.

Такъ какъ крестьяне-ополченцы принимали участіе въ избраніяхъ делегатовъ въ своихъ деревняхъ, то всѣ делегаты отъ фронта оказались бывшими красноармейцами Сальянскаго и Шемахинскаго полковъ, находившимися подъ вліяніемъ большевиковъ. Делегатами отъ фронта были избраны также Томашевскій-Сергѣевъ и Казанскій, которые на съѣздѣ дирижировали «фракціей фронтовиковъ», согласно полученныхъ ими указаній отъ большевистскаго комитета.

Незадолго до съѣзда, въ Сочи образовался Черноморскій комитетъ Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи (меньшевиковъ). Комитетъ этотъ въ сущности являлся самозваннымъ, такъ какъ былъ избранъ небольшою группою Сочинскихъ рабочихъ и никакой связи съ меньшевиками Туапсинскаго и Новороссійскаго округовъ не имѣлъ.

Предсѣдателемъ комитета былъ довольно неустойчивый въ своихъ политическихъ выступленіяхъ бывший членъ 2-й Госуд. Думы Измайловъ. Въ 1918 году, явившись въ Сочи изъ Новгородской губерніи, онъ яростно выступалъ противъ большевиковъ и всѣми своими силами содѣйствовалъ занятію Сочи грузинами, которые назначили его за проявленное усердіе предсѣдателемъ окружного земельного комитета. Послѣ занятія Сочи добровольцами, Измайловъ

бѣжалъ въ Грузію, откуда и явился въ Сочи непримиримымъ грузинофобомъ и большимъ сторонникомъ большевиковъ. Членами меньшевистскаго комитета были: нѣкій Королевъ, оказавшійся впоследствии коммунистомъ, и именовавшій себя «инженеромъ» Я. Г. Цвангеръ.

Цвангеръ пріѣхалъ въ Сочи въ 1917 году, выступалъ на всѣхъ митингахъ и собраніяхъ какъ социаль-демократъ — интернаціоналистъ, редактировалъ газету Сочинскаго совѣта рабочихъ и солд. депутатовъ, а въ концѣ-концовъ — оказался представителемъ гетмана Петлюры . . .

Таковъ былъ персональный составъ Черноморскаго комитета меньшевиковъ, пытавшагося подчинить своему вліянію крестьянъ и рабочихъ Сочинскаго округа. Во время предвыборной кампаніи комитетъ этотъ выставялъ на различныхъ волостныхъ сходахъ кандидатуры своихъ членовъ для избранія ихъ делегатами на съѣздъ. Но крестьяне относились къ нимъ съ недоувѣріемъ, и никто изъ членовъ меньшевистскаго комитета не былъ избранъ на волостныхъ сходахъ. Послѣ пораженія въ деревняхъ, Измайловъ и Королевъ были избраны городскими рабочими и получили мандаты, благодаря которымъ имѣли возможность принять участіе на съѣздѣ.

Какъ только крестьянскіе делегаты начали съѣзжаться въ Сочи, ихъ начали усиленно обхаживать съ одной стороны коммунисты, а съ другой стороны — члены меньшевистскаго комитета. Крестьяне рѣшили не поддаваться вліянію никакихъ партійныхъ организацій и составить собственную крестьянскую фракцію. Наканунѣ открытія съѣзда крестьяне собрались въ помѣщеніи театра гостиницы «Ривьера» и приступили къ обсужденію вопросовъ, поставленныхъ въ порядокъ дня. Они пригласили меня принять участіе въ ихъ собраніи и, когда я къ нимъ явился, избрали меня предсѣдателемъ крестьянской фракціи окружного съѣзда.

Какъ предсѣдатель крестьянской фракціи, въ составъ которой входили три четверти делегатовъ, я былъ почти единогласно избранъ предсѣдателемъ чрезвычайнаго съѣзда. Хотя такое избраніе и свидѣтельствовало о томъ довѣрїи, которымъ я пользовался среди крестьянскаго населенія, оно очень меня не устраивало, такъ какъ совершенно устраняло отъ управленія фронтомъ, гдѣ съ часу на часъ усиливалось вліяніе большевиковъ.

Линія нашего фронта подходила къ этому времени къ самому Туапсе, и мы готсвились занять этотъ городъ, въ которомъ были сосредоточены богатые продовольственные запасы, склады оружія и обмундированія, только-что доставленные англичанами. Подойдя къ Туапсе крестьянское ополченіе установило связь съ партизанскими «зелеными» отрядами Туапсинскаго и Новороссійскаго округовъ, отрѣзавшими Туапсе отъ Новороссійска и готовившимися напасть на Туапсинскій гарнизонъ съ тыла.

Участъ Туапсе особенно беспокоила англійское командованіе, которое обѣщало добровольцамъ принять активное участіе въ оборонѣ города и порта. Мнѣ кажется, что англичане беспокоились главнымъ образомъ за судьбу свезенныхъ ими въ Туапсе предметовъ снаряженія и обмундированія, которые они въ данный моментъ не могли вывезти обратно. Англичане попробовали воздѣйствовать на насъ угрозами и 22-го февраля прислали на фронтъ парламентаровъ, заявившихъ, что правительство Великобританіи поддерживаетъ генерала Деникина и поэтому отнесется крайне отрицательно къ дальнѣйшему наступленію войскъ Комитета Освобожденія на Туапсе.

Командовавшій фронтомъ полковникъ Г. отвѣтилъ англичанамъ, что онъ исполняетъ директивы Комитета Освобожденія, приказавшаго ему занять Туапсе, а посему просить со всякими требованіями, и переговорами обращаться непосредственно къ Комитету Освобожденія.

Рано утромъ 24-го февраля къ Сочи подошелъ снова англійскій миноносецъ № 78, на которомъ я совершилъ свое путешествіе въ Новороссійскъ. На миноносцѣ прибылъ для переговоровъ съ Комитетомъ Освобожденія помощникъ Верховнаго комиссара Великобританіи генералъ Коттонъ.

И только-что готовился открыть засѣданіе съѣзда, какъ миѣ доложили о пріѣздѣ англичанъ и о просьбѣ Филипповскаго немедленно явиться на экстренное засѣданіе Комитета Освобожденія.

Пришлось объявить перерывъ, и я отправился въ комнату Филипповскаго, гдѣ засталъ генерала Коттона, съ которымъ уже былъ знакомъ, встрѣтившись съ нимъ впервые на обѣдѣ у генерала Киза въ Новороссійскѣ. Съ генераломъ Коттономъ пріѣхалъ въ качествѣ переводчика мой товарищъ по Пажескому корпусу — капитанъ конной артиллеріи Чириковъ.

Генералъ Коттонъ заявилъ намъ, что цѣлью его визита является прекращеніе дальнѣйшей войны между крестьянами и правительствомъ Деникина.

— Мы можемъ заставить генерала Деникина вступить въ непосредственные переговоры съ крестьянскимъ правительствомъ Черноморья, сказалъ Коттонъ. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что Деникинъ пойдетъ на уступки и признаетъ самостоятельность Сочинскаго округа. Мы готовы оказать вамъ всяческое содѣйствіе и гарантировать вашу самостоятельность, но при непремѣнномъ условіи прекращенія дальнѣйшаго наступленія на Туапсе.

— Къ сожалѣнію, мы должны отклонить ваше любезное вмѣшательство, отвѣтилъ ему Филипповскій. Черноморское крестьянство неоднократно обращалось въ прошломъ году къ англійскому командованію, надѣясь на то, что чувства гуманности и справедливости заставятъ представителей Великобританіи обратить вниманіе на тяжелое положеніе крестьянскаго населенія Черноморской губерніи. Но тогда — вы не удостоили насъ даже своимъ отвѣтомъ, теперь-же споръ крестьянъ съ Добрарміей разрѣшается при помощи оружія. Этотъ споръ — является дѣломъ русскаго народа, и мы не желаемъ вмѣшательства иностранцевъ во внутреннія русскія дѣла.

— Но командованіе Добровольческой арміи относится вполне благожелательно къ нашему вмѣшательству, возразилъ Коттонъ.

— Можетъ быть, но мы стоимъ на опредѣленной точкѣ зрѣнія, что васъ совершенно не касаются взаимоотношенія различныхъ русскихъ политическихъ группировокъ. Вѣдь мы не вмѣшиваемся въ ваши внутреннія дѣла, почему-же вы хотите оказывать свое вліяніе на наши русскіе споры?

— Правительство Великобританіи хочетъ видѣть въ Россіи миръ и спокойствіе. Мы поддерживали Деникина въ его борьбѣ съ большевиками, но не хотимъ допустить междоусобицы между крестьянами и Добровольческой арміей. Этимъ объясняется наше желаніе примирить васъ съ Деникинымъ.

— Въ настоящій моментъ въ Сочи засѣдаетъ окружной съѣздъ. Комитетъ Освобожденія не выноситъ самостоятельныхъ рѣшеній, а выполняетъ волю крестьянскаго населенія. Предложите съѣзду заключить миръ съ генераломъ Деникинымъ и, если съѣздъ постановитъ такое рѣшеніе, мы обязаны будемъ привести его въ исполненіе.

Генераль Коттонъ пожелалъ лично обратиться къ представителямъ Сочинскаго крестьянства и попросилъ разрѣшенія посѣтить засѣданіе съѣзда.

Я открылъ прерванное засѣданіе, на которое вскорѣ явились генераль Коттонъ, его переводчикъ капитанъ Чириковъ и предсѣдатель Комитета Освобожденія Филипповскій.

Но англійскому генералу не скоро удалось выступить передъ крестьянами, которые наперерывъ старались рассказать представителю культурной Европейской націи о всѣхъ страданіяхъ и обидахъ, причиненныхъ имъ властями и карательными экспедиціями Добрарміи. Одинъ за другимъ поднимались на трибуну представители различныхъ районовъ и селеній и жуткими красками описывали «подвиги» назначенныхъ генераломъ Деникинымъ гражданскихъ и военныхъ начальниковъ.

— Въ прошломъ году, на второй день Свѣтлаго Праздника, мы обратились къ вашему полковнику Файну, заявилъ Коттону одинъ изъ депутатовъ. Но вы тогда не захотѣли помочь намъ. Чего-же вы хотите отъ насъ сейчасъ, когда мы, съ Божьей помощью, избавились отъ гнета насильниковъ?

— Мы не побоялись вашихъ пулеметовъ и пушекъ, которыми вы снабжали Деникина для борьбы съ безоружными крестьянами, обратился къ Коттону другой депутатъ, такъ неужели вы думаете, что теперь мы, завладѣвъ этими вашими пушками и пулеметами, побоимся вашихъ угрозъ? Знайте, что мы до тѣхъ поръ не прекратимъ борьбу, пока не установимъ свою крестьянскую власть на всемъ Черноморьѣ . . . И никакіе иностранцы не смогутъ помѣшать намъ . . .

Генераль Коттонъ, которому переводчикъ дословно переводилъ каждое заявленіе депутатовъ съѣзда, былъ видимо смущенъ. Привыкнувъ на территоріи Добрарміи къ выраженіямъ почтительной благодарности, онъ впервые столкнулся и ознакомился съ настроеніями того русскаго народа, отъ имени котораго съ нимъ до сего времени разговаривали генералы и бывшіе губернаторы до-революціоннаго режима. Враждебное отношеніе русскихъ къ всемогущимъ бывшимъ союзникамъ было для него полной неожиданностью. До сихъ поръ англичане думали, что, поддерживая Деникина, Колчака и другихъ «правителей», они оказываютъ благодѣяніе русскому народу, и представители добровольческаго командованія поддерживали въ нихъ эту увѣренность.

Коттонъ попросилъ слова и обратился къ съѣзду съ предложеніемъ послать съ нимъ въ Новороссійскъ делегатовъ для переговоровъ съ Верховнымъ комиссаромъ Великобританіи на предметъ заключенія перемирія съ Добрарміей.

— Англичане желаютъ добра Россіи, заявилъ генераль. Англія всегда и всюду боролась за свободу и справедливость. Мы помогали Деникину оружіемъ и обмундированіемъ, такъ-какъ онъ боролся противъ большевизма, который является самымъ большимъ врагомъ свободы. Выберите делегатовъ, и я ихъ доставлю въ Новороссійскъ, гдѣ они смогутъ договориться о прекращеніи борьбы съ добровольцами. Я не сомнѣваюсь, что ваши рассказы о произведенныхъ добровольцами звѣрствахъ — соотвѣтствуютъ истинѣ, но эти звѣрства не могутъ служить препятствіемъ для заключенія мира. Англичане ручаются за то, что всѣ виновники этихъ звѣрствъ будутъ наказаны, а англичане всегда держатъ свое слово . . .

Крестьяне молча и съ недовѣріемъ выслушали генерала и, когда онъ усѣлся на мѣсто, на трибуну поднялся Филипповскій, предложившій представителю Верховнаго комиссара Великобританіи отвѣтить на три вопроса:

— Россія страдаетъ отъ голода, холода и отсутствія предметовъ первой необходимости. Англія запрещаетъ другимъ странамъ возобновлять торговлю съ Россіей и обрекаетъ русскій народъ на новыя лишенія. До какихъ поръ будетъ поддерживаться такая политика Великобританіи? Англичане снабжаютъ реакціонныя правительства и самозванныхъ правителей оружіемъ и снаряженіемъ, чѣмъ поддерживаютъ гражданскую междоусобицу. Когда прекратится это вмѣшательство англичанъ во внутреннія дѣла Россіи?

— Англія обѣщала свою поддержку анти-большевистскому правительству Деникина и всѣми мѣрами помогаетъ ему въ борьбѣ съ большевиками, отвѣтилъ генераль Коттонъ.

— Проводя политику блокады, будетъ-ли Англія препятствовать установленію морского транспорта между Сочи и Грузіей и будетъ-ли допускать въ Сочи суда съ продовольствіемъ и мануфактурой, снова задалъ вопросъ Филипповскій.

— Этотъ вопросъ еще не разрѣшенъ Англійскимъ командованіемъ . . .

Хоръ негодующихъ восклицаній прервалъ отвѣтъ генерала.

— Вы пріѣхали уговаривать насъ помириться съ Деникинымъ, а сами хотите насъ уморить голодомъ, кричали съ мѣсть депутаты.

Съ трудомъ удалось мнѣ успокоить взволновавшихся членовъ сѣзда, послѣ чего я заявилъ генералу Коттону, что сѣздъ обсудитъ его предложеніе и дастъ на слѣдующій день отвѣтъ представителю Верховнаго комиссара.

— Хорошо, согласился Коттонъ: я вышлю завтра въ 6 часовъ вечера парламентаря на 12-ю версту жел. дорожной линіи отъ Туапсе. Въ этомъ пунктѣ онъ будетъ дожидаться вашего отвѣта.

Мнѣ только-что передали телефонограмму съ фронта о начавшейся атакѣ Туапсе и о томъ, что одинъ изъ нашихъ отрядовъ уже овладѣлъ вокзаломъ и предмѣстьями города. Поэтому я отвѣтилъ генералу, что назначенный имъ пунктъ встрѣчи парламентаревъ придется оставить и избрать другой — къ сѣверу отъ Туапсе.

— Неужели вы надѣетесь занять завтра Туапсе, улыбнулся Коттонъ: имѣйте ввиду, что суда королевскаго флота примутъ участіе въ оборонѣ этого порта.

— Боюсь, что англійская эскадра запоздаетъ и не сможетъ оказать поддержки Туапсинскому гарнизону.

— Прежде, чѣмъ начать атаку Туапсе, вспомните, что англійское командованіе отнесется крайне отрицательно къ такому шагу съ вашей стороны.

— Къ сожалѣнію, ваше предупрежденіе также запоздало, господинъ генераль, такъ-какъ атака Туапсе уже началась и наши отряды въ настоящій моментъ вступаютъ въ городъ . . .

Съ этими словами мы распрощались съ англичанами, которые поспѣшили вернуться на свой миноносецъ. Черезъ 10 минутъ миноносецъ поднялъ якорь и отошелъ по направленію къ Туапсе, куда прибылъ въ 6 часовъ вечера и былъ встрѣченъ въ порту назначеннымъ мною новымъ комендантомъ, только-что приступившимъ къ подсчету захваченныхъ ополченіемъ трофеевъ.

Послѣ отъѣзда англичанъ сѣздъ приступилъ къ обсужденію резолюціи по текущему моменту. Резолюція эта обсуждалась уже наканунѣ крестьянской фракціей, была ею единогласно принята и теперь я огласилъ ее на пленарномъ засѣданіи сѣзда. Такъ-какъ крестьяне составляли подавляющее большинство сѣзда, не могло быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что она будетъ принята пленумомъ сѣзда. Но къ моему глубочайшему изумленію вышло иначе:

выработанная крестьянами, на основаніи данныхъ имъ съ мѣстъ наказовъ, резолюція была отклонена съѣздомъ, который принялъ другую, предложенную Филипповскимъ и находившуюся въ рѣзкомъ противорѣчій съ настроеніями крестьянства.

Произошло это слѣдующимъ образомъ. Въ деклараціи крестьянской фракціи, положенной въ основу резолюціи по текущему моменту говорилось объ одинаково отрицательномъ отношеніи крестьянъ, какъ къ генеральской, такъ и къ большевистской диктатурамъ. Крестьяне заявляли, что они будутъ стремиться къ установленію въ освобожденномъ отъ добровольцевъ краѣ началъ истиннаго народоправства и будутъ бороться противъ всякихъ попытокъ новаго насильственного захвата своей родной территоріи: «всякая посторонняя сила сможетъ перейти границы округа только по трупамъ всего Сочинскаго крестьянства».

Затѣмъ въ резолюціи указывалось на стремленіе крестьянъ положить конецъ безсмысленной братоубійственной гражданской войнѣ и на ихъ желаніе вступить въ свободный союзъ съ остальными областями и народами Россіи. «Но мы не хотимъ такого объединенія, говорилось въ резолюціи, подъ властью насильниковъ и можемъ вступить въ переговоры о такомъ союзѣ лишь съ свободно избранными представителями сосѣднихъ областей».

Когда я огласилъ эту резолюцію и предложилъ голосовать ее, поднялся со своего мѣста лидеръ «фракціи фронтовиковъ» Томашевскій и заявилъ, что резолюція эта совершенно неприемлема фронтовикамъ. Такое-же заявленіе отъ имени рабочей группы сдѣлалъ предсѣдатель меньшевистскаго комитета Измайловъ. Начались пренія, во время которыхъ выяснилось, что неприемлемыми для фронтовиковъ и рабочихъ являются тѣ выраженія, въ которыхъ говорится о «всякой посторонней силѣ» и о существующей въ остальной Россіи «власти насильниковъ». Большевики, конечно, понимали что эти выраженія относятся къ нимъ и поэтому энергично противъ нихъ протестовали. Я не придавалъ никакого значенія заявленію Томашевскаго, такъ какъ зналъ, что фракція фронтовиковъ представляетъ не фронтъ, а всего лишь два баталіона плѣнныхъ добровольцевъ, которые были послушнымъ орудіемъ въ рукахъ дирижировавшихъ ими большевиковъ. Но меня поразило заявленіе Измайлова, котораго я до сихъ поръ считалъ идейнымъ меньшевикомъ и противникомъ политики коммунистовъ.

Крестьяне отнеслись совершенно равнодушно къ заявленію фронтовиковъ и рабочихъ и предложили имъ воздержаться при принятіи резолюціи. Томашевскій, пошептавшись со своими товарищами, согласился съ такимъ предложеніемъ и заявилъ, что фронтовики не будутъ принимать участія въ голосованіи. Такимъ образомъ предложенная крестьянами резолюція была-бы принята подавляющимъ большинствомъ съѣзда, но вмѣшательство Филипповскаго и Измайлова помѣшало этому. Филипповскій, который какъ и нѣкоторые другіе члены Комитета Освобожденія, былъ увѣренъ въ эволюціи большевиковъ, считалъ невозможнымъ обострять отношеній крестьянъ съ коммунистами. Поэтому онъ предложилъ избрать согласительную комиссію — по три представителя отъ крестьянской, рабочей и фронтовой фракцій, для составленія новой резолюціи, въ которой должны быть выкинуты всѣ направленные противъ большевиковъ выраженія. Измайловъ горячо поддержалъ предложеніе Филипповскаго, которое и было принято незначительнымъ большинствомъ съѣзда. Большая часть крестьянъ демонстративно не приняла участія въ голосованіи этого предложенія, которое явно нарушало указы волостныхъ и сельскихъ сходовъ.

Я отказался отъ участія въ согласительной комиссиі и ушелъ въ штабъ переговорить по прямому проводу съ командующимъ фронтомъ, отъ котораго хотѣлъ узнать подробности начавшейся атаки Туапсе.

Командующій фронтомъ передалъ мнѣ донесеніе о взятіи Туапсе и захватѣ колоссальныхъ трофеевъ, въ томъ числѣ 35 милліоновъ рублей, только-что полученныхъ Туапсинскимъ казначействомъ изъ Новороссійска.

Когда я вернулся въ залъ засѣданія, согласительная комиссія уже составила новую резолюцію, въ основу которой была положена декларация крестьянской фракціи, но изъ которой были тщательно выкинуты всѣ «обидныя» для большевиковъ выраженія. Часть крестьянъ не поняла новой резолюціи, а остальные снова не приняли участія въ голосованіи. Такимъ образомъ резолюція эта была принята всѣми голосами рабочихъ и фронтѣвиковъ и незначительной частью крестьянскихъ делегатовъ.

Послѣ принятія резолюціи я объявилъ съѣзду о новой одержанной крестьянскимъ ополченіемъ побѣдѣ, встрѣченной восторженными «ура» членовъ съѣзда и присутствовавшей на засѣданіи публики.

Слѣдующія засѣданія съѣзда проходили довольно вяло. Крестьяне поняли, что принятая по текущему моменту резолюція не соотвѣтствуетъ ихъ настроеніямъ и торопились разѣхаться по домамъ. Фронтѣвики также просили скорѣе закончить съѣздъ, чтобы поспѣть въ Туапсе, гдѣ, какъ оказалось впоследствии, большевики готовились произвести «государственный переворотъ».

Послѣ переизбранія Комитета Освобожденія, которое кончилось полнымъ проваломъ выставленныхъ рабочей и фронтѣвой фракціями кандидатовъ и побѣдой крестьянъ, забаллотировавшихъ даже лидеров рабочихъ и фронтѣвиковъ — Измайлова и Томашевскаго, съѣздъ былъ закрытъ.

Изъ Туапсе стали поступать тревожныя вѣсти и я собирался выѣхать на фронтъ, приближавшійся уже къ Геленджикю.

Меня тревожило не столько положеніе фронта, которое я считалъ вполне прочнымъ, сколько начавшійся въ Туапсе безобразія, производимыя перешедшимъ при взятіи города на нашу сторону Черноморскимъ пѣхотнымъ полкомъ Добрарміи. Полкъ этотъ, заранѣе распропагандированный большевиками, которые еще въ Новороссійскѣ при его формированіи основали въ немъ солидную комъ-ячейку, арестовалъ своихъ офицеровъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ разстрѣлялъ, послѣ чего началъ грабить доставшіеся намъ въ Туапсе богатые склады обмундированія. Командующій фронтомъ доносилъ мнѣ, что онъ не въ состояніи обуздать разошедшихся Черноморцевъ, а комендантъ Туапсе — коммунистъ Шевцовъ и самовольно выѣхавшій въ Туапсе Томашевскій, преслѣдуя извѣстную цѣль, не только не принимали мѣръ къ обузданію вышедшихъ изъ повиновенія солдатъ, но наоборотъ всячески имъ потакали.

Я спѣшно выслалъ въ Туапсе три крестьянскихъ роты подъ начальствомъ моего помощника, члена Комитета Освобожденія Учадзе, которому предложилъ немедленно разоружить Черноморцевъ. Прибывшіе въ Туапсе крестьяне быстро навели тамъ порядокъ, спасли отъ разграбленія казначейство и вывезли изъ Туапсинской тюрьмы многочисленныхъ плѣнныхъ офицеровъ Добрарміи, которые подвергались тамъ ежеминутной опасности быть разстрѣлянными своими бывшими подчиненными — солдатами Черноморскаго полка.

27-го февраля я собирался выѣхать въ Туапсе, но вторичный визитъ англійскаго генерала Коттона, явившагося за отвѣтомъ на сдѣланное имъ предложеніе о мирныхъ переговорахъ съ Деникинымъ, помѣшало этому.

Обсудивъ предложеніе англичанъ, съѣздъ рѣшилъ ни въ какіе переговоры съ командованіемъ Добрарміи не вступать и поручилъ Комитету Освобожденія передать объ этомъ представителю Верховнаго комиссара Великобританіи.

Отвѣтъ Комитета Освобожденія былъ изложенъ въ особой нотѣ, состоявшей изъ 4-хъ пунктовъ. Въ первомъ пунктѣ комитетъ заявлялъ, что крестьяне отказываются отъ переговоровъ съ генераломъ Деникинымъ. Во второмъ — говорилось о твердомъ рѣшеніи крестьянскаго населенія освободить изъ подъ власти Добрарміи всю территорію Черноморской губерніи. Третій пунктъ подтверждалъ радиограмму Комитета Освобожденія Кубанской Радѣ отъ 9-го февраля, предлагающую установить добрососѣдскія отношенія съ Кубанью. Въ четвертомъ пунктѣ Комитетъ указывалъ на противорѣчія между заявленіемъ генерала Коттона о продолженіи вооруженнаго вмѣшательства англичанъ въ русскія дѣла и словами англійскаго премьера Ллойдъ-Джорджа о прекращеніи военной помощи Деникину и Колчаку.

На этотъ разъ генераль Коттонъ держалъ себя гораздо скромнѣе, чѣмъ во время перваго своего визита. Выслушавъ отвѣтъ Комитета Освобожденія, онъ не настаивалъ больше на мирныхъ переговорахъ съ Деникинымъ, но просилъ прекратить дальнѣйшее наступленіе нашихъ войскъ на Новороссійскъ. Онъ просилъ также разрѣшить англичанамъ вывезти изъ Сочи плѣнныхъ офицеровъ Добрарміи и тѣхъ гражданъ, которые пожелаютъ покинуть Черноморье.

Хотя мы по нѣкоторымъ соображеніямъ и не стремились занимать Новороссійска, но говорить объ этомъ англійскому генералу не хотѣли. Поэтому Филипповскій отвѣтилъ Коттону, что такъ какъ Новороссійскъ находится на территоріи Черноморской губерніи, то наступленіе крестьянскаго ополченія не будетъ приостановлено до тѣхъ поръ, пока врагъ не будетъ изгнанъ изъ предѣловъ губерніи.

— Такъ какъ въ Новороссійскѣ находятся склады англійскаго имущества, то движеніе ваше на этотъ городъ будетъ нами разсмотрѣно, какъ враждебное выступленіе противъ Англии, заявилъ Коттонъ.

— Вы можете вывезти ваше имущество изъ Новороссійска, но во всякомъ случаѣ это не остановитъ насъ отъ занятія нашего города, отвѣтили мы ему.

— Повторяю, что въ случаѣ вашего наступленія на Новороссійскъ — англійскія войска не останутся нейтральными, сказалъ волнуясь генераль.

— Мы оффиціально заявляемъ вамъ, что не имѣемъ никакого желанія сражаться съ англичанами, но, если вы первые выступите противъ насъ, то вся отвѣтственность ляжетъ на васъ. Мы доведемъ до свѣдѣнія англійскаго народа черезъ Палату Общинъ о вашемъ предупрежденіи и о нарушеніи вами нейтралитета. Что-же касается Новороссійска, то это русскій городъ и иностранцамъ нечего беспокоиться о томъ, будетъ-ли онъ занятъ Черноморскими крестьянами, или останется въ рукахъ Деникина. Ваше имущество насъ нисколько не интересуеть, и мы можемъ гарантировать вамъ его неприкосновенность, въ случаѣ занятія нашими отрядами Новороссійска. Если-же вы упорно хотите вмѣшаться въ нашу борьбу съ Добрарміей, то это ваше дѣло, за которое вы будете отвѣчать передъ вашимъ народомъ. Мы еще разъ повторяемъ вамъ, что ваши угрозы не повліяютъ на принятое нами рѣшеніе — довести до конца дѣло освобожденія Черноморской губерніи.

Коттонъ обѣщалъ передать наше заявленіе и ноту Верховному комиссару — генералу Кизу и, очень недовольный результатами своего визита, раскланялся съ нами.

Между тѣмъ въ Туапсе назрѣвали крупныя событія. Комитетъ Освобожденія, опиравшійся исключительно на крестьянъ Сочинскаго округа, не торопился переѣзжать въ Туапсе, являвшійся центральнымъ пунктомъ губерніи, и пытался изъ Сочи управлять всѣмъ Туапсинскимъ и южной частью Новороссійскаго округовъ, очищенныхъ къ началу марта отъ властей и отрядовъ Добрарміи. Крестьяне этихъ двухъ округовъ не принимали участія въ послѣднемъ съѣздѣ и новый составъ комитета былъ имъ незнакомъ. Главный Штабъ ополченія успѣлъ организовать только два районныхъ штаба въ Туапсинскомъ округѣ и также имѣлъ мало вліянія на крестьянство сѣверной части губерніи. Первые дни послѣ съѣзда былъ занятъ организаціей волостныхъ крестьянскихъ управъ въ Сочинскомъ округѣ, почему также не могъ во время поспѣть въ Туапсе.

Всѣмъ этимъ воспользовались большевики, которые хотѣли объявить Черноморье совѣтской республикой и, опираясь на солдатъ Сальянскаго, Шемахинскаго и Черноморскаго полковъ Добрарміи, въ достаточной степени распропагандированныхъ ком-ячейками и спеціально командированными Закавказскимъ областнымъ комитетомъ коммунистической партіи агитаторами, свергнуть избранное крестьянами правительство.

Черезъ нѣсколько дней послѣ занятія Туапсе въ штабъ фронта явились представители наступавшей на Кубань 9-й совѣтской арміи — Соркинъ и Цимбалистъ. По ихъ указанію Томашевскій и Шевцовъ вооружили всѣхъ военно-плѣнныхъ добровольцевъ и сформировали изъ нихъ шесть баталіоновъ. Затѣмъ былъ въ экстренномъ порядкѣ созванъ «фронтной съѣздъ», который провозгласилъ крестьянское ополченіе — Черноморской красной арміей, отказался признавать Комитетъ Освобожденія и Главный Штабъ и избралъ «реввоенсовѣтъ».

Какъ только извѣстіе о рѣшеніяхъ фронтного съѣзда дошло до находившихся на фронтѣ крестьянскихъ отрядовъ Сочинскаго округа, всѣ они тотчасъ снялись съ фронта и, отказавшись подчиняться новому «реввоенсовѣту», вернулись въ Сочи. На фронтѣ, такимъ образомъ, остались только баталіоны бывшихъ добровольцевъ.

Туапсинскіе крестьяне, узнавъ о происшедшемъ въ Туапсе переворотѣ, также забеспокоились, прислали ходяковъ въ Сочи и заявили Главному Штабу, что они не хотятъ признавать власти реввоенсовѣта и будутъ впредь подчиняться только приказамъ Главнаго Штаба крестьянскаго ополченія и Комитету Освобожденія.

Большевики не ожидали такого противодѣйствія со стороны крестьянъ и въ свою очередь забеспокоились, стараясь найти выходъ изъ создаваемаго положенія. Туапсинскій реввоенсовѣтъ обратился къ Комитету Освобожденія и предложилъ намъ договоръ для разграниченія функцій реввоенсовѣта и комитета. Онъ предлагалъ передать комитету управление всѣмъ Туапсинскимъ округомъ, при условіи передачи ему всѣхъ захваченныхъ въ Туапсе трофеевъ и половины суммъ Туапсинскаго казначейства, во время перевезенныхъ Учадзе въ Сочи.

Въ общемъ положеніе не было катастрофическимъ и Комитетъ Освобожденія, опираясь на все крестьянское населеніе, могъ-бы съ честью изъ него выйти. Но къ сожалѣнію недалковидность Филипповскаго, который былъ ослѣпленъ фантастической мечтой о возможности договориться съ большевиками, испортила все дѣло.

Я предложилъ Филипповскому немедленно выѣхать со мной въ Туапсе и, выяснивъ тамъ обстановку, такъ или иначе положить конецъ создавшемуся двоевластію.

Филипповскій опасался, что реввоенсовѣтъ насъ арестуетъ, но я успокоилъ его, заявивъ, что въ случаѣ нашего ареста, крестьяне силой освободятъ насъ и живо расправятся съ реввоенсовѣтомъ и его шестью деморализованными грабеджами баталіонами.

Мы выѣхали на двухъ моторныхъ катерахъ, сопровождаемые представителями Хостинскаго и Волковскаго районныхъ штабовъ, которые не хотѣли отпустить меня безъ конвоя въ Туапсе.

Реввоенсовѣтъ устроилъ намъ торжественную встрѣчу, демонстративно подчеркивая, что онъ не стремится къ захвату власти въ Туапсинскомъ округѣ, а желаетъ исключительно управлять фронтомъ. Назначенный «командармомъ» — бывший командиръ одной изъ дружинъ крестьянскаго ополченія Казанскій — сдѣлалъ мнѣ подробный докладъ о положеніи на фронтѣ и заявилъ, что, несмотря на рѣшеніе фронтового съѣзда, онъ и всѣ бывшіе подъ моимъ начальствомъ фронтовики готовы съ радостью исполнять по-прежнему мои приказы и распоряженія.

Вскорѣ въ помѣщеніи штаба арміи состоялось совѣщаніе, на которомъ приняли участіе члены реввоенсовѣта (Соркинъ, Цимбалистъ и Казанскій), Филипповскій, Сорокинъ, я и находившійся въ Туапсе членъ Комитета Освобожденія И. И. Рябовъ (бывшій членъ Самарскаго правительства и членъ Учредительнаго Собранія).

Мнѣ прежде всего хотѣлось выяснитъ планы большевиковъ и ихъ ближайшія намѣренія.

— Нашей задачей является облегчить наступленіе 9-й совѣтской арміи на Екатеринодаръ, заявилъ предсѣдатель реввоенсовѣта Соркинъ. Поэтому мы на дняхъ двинемся на Бѣлорѣченскую, захватимъ Майкопскій и часть Лабинскаго отдѣловъ и, обезпечивъ себѣ прочную тыловую базу, пойдемъ на соединеніе съ частями 9-й арміи. Что-же касается Геленджикскаго фронта, то, усиливъ его нѣсколькими ротами, мы двинемъ его на Новороссійскъ, чтобы отрѣзать путь отступленія добровольцамъ и захватить желѣзную дорогу изъ Новороссійска въ Екатеринодаръ.

Для меня было совершенно ясно, что планъ Соркина обреченъ на вѣрную неудачу, но возражать я ему не сталъ, такъ какъ считалъ, что чѣмъ скорѣе армія реввоенсовѣта покинетъ нашу территорию, тѣмъ мы скорѣе возстановимъ свою власть.

Я уже говорилъ, что будучи увѣрены въ неминуемомъ разгромѣ добровольцевъ, мы хотѣли прочно укрѣпиться на естественныхъ и неприступныхъ рубежахъ Черноморья, каковыми являлись — главный Кавказскій хребетъ на востокъ и Михайловскій переваль на сѣверѣ. Укрѣпившись на этихъ рубежахъ, организовавъ свою крестьянскую армію и объединивъ населеніе Сочинскаго, Туапсинскаго и южной части Новороссійскаго округовъ, Комитетъ Освобожденія могъ бы сохранить эту территорию отъ захвата ея большевиками и заявить совѣтскому правительству о полной автономіи и самостоятельности Черноморья. Ввиду неприступности естественныхъ границъ Черноморья и такого неважнаго тыла, какимъ являлась Кубань, большевики безусловно отказались-бы на первое время отъ мысли завоевать Черноморье силой оружія, а черезъ полгода или годъ мы-бы настолько укрѣпились, что распространили свое вліяніе на Кубанскихъ казаковъ

и крестьянъ Ставропольской губерніи и, можетъ быть, достигли-бы нашего завѣтнаго стремленія — образованія Сѣверо-Кавказской крестьянско-казачьей республики.

Поэтому я готовъ былъ пойти на какія угодно уступки реввоенсовѣту, лишь бы онъ скорѣе убрался изъ Туапсе и очистилъ территорию до Михайловскаго перевала.

Началась торговля. Реввоенсовѣтъ требовалъ отъ насъ все захваченное крестьянскимъ ополченіемъ оружіе, обмундированіе и часть перевезенныхъ въ Сочи милліоновъ. Я не возражалъ противъ денегъ, но не соглашался на передачу всего оружія.

— Если васъ разобьютъ добровольцы, то мы останемся безоружными и Черноморье можетъ быть вновь захвачено Деникинымъ, отвѣтилъ я Соркину.

— Не беспокойтесь: если даже мы и потерпимъ поражение, то черезъ нѣсколько дней 9-я и 10-я совѣтскія арміи захватятъ всю Кубань, двинутся на Черноморье и освободятъ васъ отъ добровольцевъ.

Онъ разсуждалъ правильно, но мы какъ разъ и опасались вторженія большевиковъ, на плечахъ разбитой Деникинской арміи, въ предѣлы Черноморья.

Поэтому я сталъ категорически настаивать на немедленной передачѣ Комитету Освобожденія всей власти въ Туапсинскомъ округѣ, возвращеніи Главному Штабу крестьянскаго ополченія 2-хъ тяжелыхъ и 4-хъ горныхъ пушекъ и 12-ти пулеметовъ. Безъ этого оружія мы не могли-бы сформировать три новыя дружины, необходимыя намъ для обороны Черноморья и отъ большевиковъ, и отъ добровольцевъ.

Въ компенсацію за это я предлагалъ реввоенсовѣту 20 милліоновъ изъ захваченныхъ нами денегъ Туапсинскаго казначейства.

Реввоенсовѣтъ сталъ колебаться и навѣрное согласился-бы на мои условія, но тутъ вмѣшался Филипповскій, который сталъ уговаривать меня не требовать такого большого количества оружія.

— Товарищъ Соркинъ правъ, сказалъ онъ: зачѣмъ намъ пушки и пулеметы, когда не за горами день окончательнаго разгрома добровольцевъ . . .

Филипповскаго поддержали Рябовъ и Соркинъ, которые также какъ и онъ вѣрили въ то, что большевики оставятъ насъ спокойно управлять Черноморьемъ . . . Если-бы они въ этотъ моментъ могли предугадать то, что произошло черезъ полтора мѣсяца въ Сочи, когда эти наивные люди были арестованы «товарищами-большевиками», они навѣрно не стали-бы мнѣ мѣшать и также настаивали-бы на возвращеніи Главному Штабу пушекъ и пулеметовъ.

Въ концѣ-концовъ, Филипповскій не только отказался отъ возвращенія оружія, но согласился даже на временное оставленіе власти въ Туапсинскомъ округѣ въ рукахъ реввоенсовѣта и обязался, отъ имени Комитета Освобожденія, не препятствовать агитаціи коммунистовъ въ селеніяхъ Сочинскаго округа.

За все это реввоенсовѣтъ милостиво разрѣшилъ намъ владѣть и княжить Сочинскимъ округомъ до тѣхъ поръ, пока товарищи-коммунисты не расправятся окончательно съ Деникинымъ и не приберутъ насъ подъ свою высокую руку . . .

Мы позорно очистили поле битвы, хотя могли-бы выйти побѣдителями и добиться очень многого отъ реввоенсовѣта, который чувствовалъ, что вся его сила заключается только въ одномъ нахальствѣ

Несмотря на такую неудачу, я все-таки выторговалъ у Казанскаго и Соркина одно тяжелое орудіе и двѣ горныхъ пушки, которыя тотчасъ-же пере-

отправилъ въ Сочи. Кромѣ того Казанскій обѣщалъ прислать мнѣ тайкомъ отъ Реввоенсовѣта четыре пулемета и пятьдесятъ трехъ-линейныхъ винтовокъ.

На слѣдующее утро я отправился съ Казанскимъ осматривать захваченную при взятіи Туапсе тяжелую тракторную батарею и находившійся въ новомъ порту пароходъ «Тайфунъ».

Только-что мы вышли изъ гостиницы «Европа», въ которой помѣщался штабъ арміи, какъ къ Казанскому прибѣжалъ матросъ изъ портового дежурства и доложилъ о приближеніи къ Туапсе какого-то военнаго судна. Мы вернулись въ гостиницу, вышли на балконъ и увидали въ бинокль медленно двигавшійся съ юга миноносецъ.

— Это опять наши друзья англичане, сказалъ Казанскій, и мы спокойно спустились внизъ, сѣли въ извозничью пролетку и поѣхали въ портъ.

Осматривая находившійся въ ремонтѣ пароходъ «Тайфунъ» я замѣтилъ, что неизвѣстный миноносецъ, не поднимая флага, медленно приближался къ порту. Простымъ глазомъ можно было разглядѣть собравшихся на мостикѣ офицеровъ и суетившуюся около орудій прислугу. Никому и въ голову не приходила мысль, что это добровольческій миноносецъ, который готовился обстрѣлять Туапсе.

— Да вѣдь это «Пылкій», сказалъ, пристально взглянувшійся въ судно, стоявшій на молу матросъ изъ портового дежурства.

— Какой тамъ «Пылкій», возразилъ ему Казанскій: развѣ добровольцы не знаютъ, что у насъ въ Туапсе шесть дальнобойныхъ орудій, отъ которыхъ ихъ миноносцу не поздоровится.

— Орудія-то у насъ есть, да пока вы подымете тревогу и соберете къ нимъ прислугу — миноносецъ уснѣетъ насъ здорово раскатать . . .

Въ это время съ кормы миноносца блеснулъ огонь и первый снарядъ со свистомъ пронесся черезъ наши головы и разорвался на базарѣ.

Вслѣдъ за первымъ раздался второй выстрѣлъ и миноносецъ, оказавшійся на самомъ дѣлѣ «Пылкимъ», сталъ осипать территорію новаго порта, вокзалъ Армавирской дороги и базаръ мѣтко направляемыми снарядами.

Поднялась тревога, прислуга бросилась къ тракторнымъ орудіямъ и черезъ пять минутъ Туапсинскія пушки стали отвѣчать добровольческому миноносцу.

«Пылкій» не сталъ дожидаться, пока Туапсинскіе артиллеристы пристрѣляются по немъ и, выпустивъ двадцать пять снарядовъ, быстро повернулся и, развивъ максимальную скорость, скрылся за мысомъ.

Я пошелъ на базаръ поглядѣть на результаты бомбардировки. Они были незначительны: одинъ снарядъ сорвалъ вывѣску съ городской бібліотеки, второй — попалъ въ будку старьевщика, разметавъ весь товаръ обезумѣвшаго со страха торговца, третій разворотилъ нѣсколько лотковъ въ обжорномъ ряду, а четвертый убилъ на-повалъ неизвѣстную женщину. Черезъ нѣсколько минутъ убитая женщина была опознана и оказалась женой взятаго въ плѣнъ офицера-добровольца, который только-что былъ освобожденъ изъ тюрьмы и собирался выѣхать въ Сочи.

Несчастный мужъ, только-что вырвавшійся изъ тюрьмы и пережившій долгую разлуку съ любимой женщиной, рыдалъ надъ трупомъ жены, бился головой о камни окровавленной мостовой и осипалъ проклятіями скрывшійся за горизонтомъ миноносецъ.

— Мерзавцы, истерически кричалъ онъ: когда насъ били подъ Сочи и подъ Головинкой — тогда вы не могли оказать намъ поддержки, а теперь, какъ блуд-

ливыя кошки, подкрадывается къ городу и обстрѣливаете ни въ чемъ неповинное мирное населеніе... А вы тоже, горе-артиллеристы, набросился онъ на столпившихся вокругъ солдатъ тракторной батареи: съ такого близкаго разстоянія и не могли продырявить это паршивое суденышко, сволочи...

Артиллеристы, которые при другихъ обстоятельствахъ немедленно расправились бы съ плѣннымъ «кадетомъ», осмѣлившимся обругать ихъ, конфузливо улыбались и старались оправдаться передъ собравшейся толпой.

Съ тяжелымъ чувствомъ безсилія помочь горю овдовѣвшаго при такихъ трагическихъ обстоятельствахъ офицеру, я протискался сквозь толпу причитавшихъ торговоекъ и вернулся въ гостиницу, гдѣ меня съ нетерпѣніемъ ожидали Филипповскій и Сорокинъ.

— Ну его къ чорту, этотъ проклятый городъ, выругался Филипповскій, выслушавъ мой рассказъ о единственной жертвѣ бомбардировки. Намъ здѣсь дѣлать больше нечего, поѣдемъ домой...

Съ грустными думами возвращался я въ Сочи, сознавая, что всѣ наши планы разбиты и что часы существованія нашей крестьянской республики сочтены.

— Что вы такъ приуныли, Николай Владиміровичъ, обратился ко мнѣ предсѣдатель Хостинскаго штаба Блохинъ.

Я подѣлился съ нимъ моими мрачными думами и невеселыми перспективами предстоящей намъ безславной кончины.

— Не кручиньтесь, Н. В., все будетъ хорошо, подождите немного — мы у себя въ Сочинскомъ округѣ такъ укрѣпимся, что никакая «шати́я» ничего съ нами не сдѣлаетъ. Въмѣсто Михайловскаго перевала станемъ на «Чухукъ» (рѣчка на границѣ Туапсинскаго и Сочинскаго округовъ), укрѣпимъ на ней позицію — пусть-ка ктонибудь тогда къ намъ сунется. Все крестьянство, какъ одинъ человекъ, будетъ защищать свою «зеленую власть». Только-бы поскорѣе реввоенсовѣтъ вашъ изъ Туапсе убрался, а ужъ потомъ — дудки: пускай попробуютъ большевики покорить насъ.

Я крѣпко пожалъ руку этому честному и преданному нашему дѣлу человеку и мы стали съ нимъ оживленно обсуждать планъ реформированія нашихъ дружинъ и укрѣпленія границъ Сочинскаго округа.

— Хоть и маленькая будетъ у насъ республика, а всѣ будутъ намъ завидовать, сказалъ мнѣ на прощаніе Блохинъ, когда мы высаживались на пристани «Ривьеры».

Мнѣ очень хотѣлось вѣрить этому, но какое-то смутное предчувствіе надвигающагося несчастья томило меня. И несчастье это явилось гораздо скорѣе, чѣмъ мы могли предполагать...

XX

Случилось какъ-разъ то, чего мы больше всего боялись: часть преслѣдуемой большевиками Добровольческой арміи отступила изъ Кубани на Черноморское побережье и привела вслѣдъ за собой большевиковъ... А мы оказались совершенно неподготовленными къ этому нашествію и, благодаря Туапсинскому обороту и неудачному соглашенію Комитета Освобожденія съ реввоенсовѣтомъ, почти безоружными.

Туапсинскій реввоенсовѣтъ ничего не сообщалъ о ходѣ военныхъ операцій, и мы пытались лишь случайно доходить до насъ слухами. 20-го Марта вече-

ромъ меня вызвалъ къ прямому проводу председатель реввоенсовѣта Соркинъ и сообщилъ что по нѣкоторымъ соображеніямъ арміи реввоенсовѣта придется очистить Туапсе и отойти на сѣверъ, по направленію къ Геленджикю. Подробности Соркинъ обѣщаль передать въ шифрованной телеграммѣ.

Мы стали съ нетерпѣніемъ ожидать этой телеграммы, предчувствуя, что эвакуація Туапсе является «началомъ конца».

Вскорѣ мы узнали изъ телеграммы Соркина, что реввоенсовѣтъ нѣсколько дней тому назадъ приступилъ къ выполненію «геніальнаго» плана Соркина и Цимбалиста. Шесть баталіоновъ, составлявшихъ «Черноморскую красную армію», перешли границу Кубани и церемониальнымъ маршемъ двинулись въ Майкопскій отдѣлъ. Кубанскіе казаки, которые не хотѣли сражаться со своими сосѣдями — Черноморскими крестьянами, — не оказывали имъ вначалѣ никакого сопротивленія. Но затѣмъ, увидѣвъ, что это не крестьянскія дружины, а невѣдомо откуда взяшіеся красноармейцы, казаки взяли за оружіе и выступили противъ Туапсинской арміи.

Побѣдоносное шествіе баталіоновъ Соркина и Цимбалиста было приостановлено у станицы Ходыженской. Выдержавъ нѣсколько стычекъ съ мѣстными казаками, Туапсинская армія неожиданно для себя столкнулась съ отступавшей изъ Екатеринодара Кубанской арміей генерала Шкуро. Въ телеграммѣ Соркина сила этой арміи опредѣлялась въ 25—30 тысячъ казаковъ. Туапсинцы потерпѣли жестокое пораженіе, въ безпорядкѣ отступили къ станицѣ Индюкъ (на границѣ Туапсинскаго округа и Кубани) и оказались не въ состояніи удержать почти неприступную позицію подъ Индюкомъ. Ввиду полного разстройства «Черноморской красной арміи», реввоенсовѣтъ рѣшилъ эвакуировать Туапсе и отступить по направленію на Геленджикъ, откуда Соркинъ рассчитывалъ снова выйти на Кубань и соединиться съ 9-й совѣтской арміей.

Такимъ образомъ мы стояли передъ опасностью новаго захвата Сочинскаго округа добровольцами. Что изъ себя представляетъ армія Шкуро — мы не знали и считали ее частью Добрарміи. Только черезъ нѣкоторое время мы узнали о томъ, что предводительствуемая генераломъ Шкуро армія состоитъ изъ Донскихъ, Кубанскихъ и Терскихъ частей, отказавшихся признавать Деникина и считавшихъ себя войсками Верховнаго круга Дона, Кубани и Терека.

Наши милые сосѣди — кубанцы до самаго послѣдняго момента никакъ не могли выбрать опредѣленной политики, лавируя между признаніемъ верховной власти Деникина и крайней самостійностью. Руководители кубанскаго казачества — члены Рады и краевого правительства — то агитировали среди кубанскихъ фронтовыхъ частей противъ Добровольческой арміи и единаго командованія, то напуганные угрозами англичанъ, призывали своихъ казаковъ къ подчиненію Деникину. Очень немногіе изъ нихъ требовали перемѣнить политику колебаній на демократическую оріентацію и настаивали на немедленномъ созданіи союзной Сѣверно-Кавказской республики, для чего необходимо было войти въ переговоры съ Ставропольскимъ и Черноморскимъ крестьянствомъ, горцами и Терскими казаками.

Несмотря на то, что мы неоднократно предлагали Кубанской Радѣ заключить такой «договоръ дружбы», къ которому такъ стремились и наши Черноморскіе крестьяне и рядовые станичники, кубанскіе политическіе дѣятели не рѣшались вступать въ какіе-бы то ни было переговоры съ такимъ незначительнымъ и слабымъ союзникомъ, какимъ являлось, по ихъ мнѣнію, Черноморское крестьянство.

Но кубанскіе политики всегда отличались тѣмъ, что признавали только грубую физическую силу, передъ которой трепетали и молча ей покорялись.

Такая оріентація на «сильнѣйшихъ» особенно рѣзко проявилась во время 1918—20 г.г. Безропотно покоряясь Деникину, когда онъ одерживалъ побѣды надъ большевиками или когда за его спиной вырасталъ англійскій генералъ, угрожавшій въ случаѣ неповиновенія «правителю» лишить Кубанскую армію оружіемъ и англійскаго обмундированія, кубанскіе политики тотчасъ-же порывали всякіе договоры и соглашенія съ главнокомандующимъ Добрарміи, когда убѣждались въ побѣдахъ большевиковъ.

Предсѣдатель Кубанской Рады И. П. Тимошенко, неоднократно ѣздившій на поклонъ въ ставку Деникина и всячески старавшійся примирить Раду съ главнокомандующимъ, послѣ казни Калабухова, за три дня до оставленія добровольцами Екатеринодара настоялъ на полномъ разрывѣ съ Деникинымъ.

И если эти политики не заключили тогда соглашенія съ побѣдившими добровольцевъ большевиками, то это объясняется только тѣмъ, что они не были увѣрены въ окончательной побѣдѣ совѣтскаго правительства. Но я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что если большевикамъ удастся справиться съ непрекращающимися до сихъ поръ казачьими и крестьянскими возстаніями и прочно укрѣпиться на Сѣверномъ Кавказѣ, то эти-же самые кубанскіе политическіе дѣятели поспѣшатъ признать диктатуру коммунистической партіи и постараются своимъ примѣрнымъ поведеніемъ заслужить всемилостивѣйшее прощеніе Московскаго Совнаркома.

Рядовое Кубанское казачество рѣзко отличалось отъ своихъ руководителей, было гораздо болѣе свободолюбиво и дѣйствовало болѣе прямолинейно. Станичники сосѣднихъ съ Черноморьемъ Майкопскаго и Баталпашинскаго отдѣловъ не мѣняли еженедѣльно своихъ оріентацій и всегда честно исполняли заключенные ими съ сосѣдями договоры.

Порвавъ съ Деникинымъ, Верховный кругъ Дона, Кубани и Терека, руководимый предсѣдателемъ Кубанской Рады Тимошенко и состоявшій главнымъ образомъ изъ членовъ Рады, рѣшилъ отвести свои отдѣлившіяся отъ Добрарміи казачьи части на Черноморское побережье и отсюда начать вновь завоеваніе Сѣвернаго Кавказа.

Такой проэктъ являлся очень легкомысленной авантюрой и, конечно, былъ заранѣе обреченъ на полный провалъ. Населеніе Черноморья никогда не имѣло достаточнаго количества хлѣба, который получало изъ сосѣдней Кубани. Поэтому оно ни въ коемъ случаѣ не могло прокормить огромную массу казаковъ и бѣженцевъ, бросившихъ всѣ свои запасы продовольствія и стремившихся найти временный пріютъ и отдыхъ на голодающемъ побережьѣ. Но эти обстоятельства, хорошо извѣстныя Тимошенко и другимъ кубанскимъ политикамъ, отнюдь не останавливали ихъ. Имъ нужна была временная передышка для того, чтобы разобраться въ обстановкѣ и выбрать новую политическую оріентацію. Они также не сочли нужнымъ предупредить Черноморскихъ крестьянъ о своемъ рѣшеніи и полагали, что занявъ Черноморье, они поставятъ насъ передъ свершившимся фактомъ и только тогда вступятъ въ переговоры съ крестьянскимъ правительствомъ.

Поэтому мы и полагали, что наступающая на Туапсе армія Шкуро является частью разгромленной большевиками Добрарміи и рѣшили оборонять свою территорию отъ непрошенныхъ гостей.

Еще задолго до оставленія реввоенсовѣтомъ Туапсе, черезъ нѣсколько дней послѣ заключенія неудачнаго соглашенія между Комитетомъ Освобожденія и реввоенсовѣтомъ, въ Сочи состоялось совѣщаніе районныхъ штабовъ крестьянскаго ополченія, на которомъ обсуждался вопросъ объ укрѣпленіи границъ Сочинскаго округа.

Восточная граница Сочинскаго округа была надежно прикрыта главнымъ Кавказскимъ хребтомъ. Два болѣе доступныхъ перевала — Бѣлорѣченскій и Краснополянскій — могли быть легко обороняемы нѣсколькими десятками стрѣлковъ съ 1—2 пулеметами. Гораздо сложнѣе обстоялъ вопросъ объ оборонѣ сѣверной границы. Хотя горы и подходили близко къ берегу моря и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно вдоль горныхъ рѣчекъ, имѣлись очень хорошія оборонительныя позиціи, но для занятія ихъ и обезпеченія отъ глубокихъ обходовъ необходимо было имѣть значительное число штыковъ и, главнымъ образомъ, артиллерию. А вся наша артиллерія состояла всего изъ 2-хъ горныхъ и 1-й тяжелой пушекъ.

По настоянію Блохина мы все-таки рѣшили заблаговременно укрѣпить позицію на сѣверной границѣ Сочинскаго округа, по берегу рѣчки Чухуктъ. Эта позиція являлась наиболѣе удобной для обороны, такъ-какъ фланги ея были почти обезпечены отъ обхода, а по фронту она занимала не болѣе 2-хъ верстъ и могла быть прочно занята всего нѣсколькими ротами.

Такъ-какъ среди сотрудниковъ Главнаго Штаба не было ни инженеровъ, ни даже саперныхъ офицеровъ, насъ очень озабачивалъ вопросъ — кому поручить общее руководство работами по укрѣпленію этой позиціи.

Въ это время въ Сочи пріѣхалъ изъ Тифлиса бывшій командиръ инженерной роты Грузинской народной гвардіи поручикъ Богдасаровъ, снабженный солидными рекомендаціями общественныхъ и политическихъ дѣятелей Закавказья.

Я тотчасъ-же назначилъ Богдасарова начальникомъ саперной команды и строителемъ Чухуктской позиціи. Онъ немедленно выѣхалъ на мѣсто, получивъ въ свое распоряженіе второочередную роту Волковскаго районнаго штаба.

Такимъ образомъ мы приготовились къ оборонѣ еще за недѣлю до наступленія арміи Шкуро.

Получивъ извѣстіе о занятіи добровольцами Туапсе, Главный Штабъ объявилъ всеобщую мобилизацію крестьянскаго ополченія. Благодаря системѣ районныхъ штабовъ и общей солидарности крестьянства, мобилизація прошла очень успѣшно: въ первый-же день въ штабы явилось около 1500 ополченцевъ, но за недостаткомъ оружія, которое было въ свое время передано почти цѣликомъ Туапсинскому фронту, пришлось распустить по домамъ болѣе 600 явившихся.

Въ моемъ распоряженіи находилось всего три офицера: Учадзе, котораго я назначилъ начальникомъ обороны Бѣлорѣченскаго перевала, Богдасаровъ, руководившій укрѣпленіемъ позиціи на Чухуктѣ, и только-что явившійся изъ Дагестана полковникъ Перепелица.

Этотъ «полковникъ», оказавшійся впоследствии прапорщикомъ военнаго производства, прибылъ также, какъ и Богдасаровъ, съ очень солидными рекомендаціями.

Я еще не успѣлъ ознакомиться съ «выдающимися» боевыми качествами Перепелицы, почему и имѣлъ неосторожность назначить его начальникомъ передового отряда, состоявшаго изъ 3-хъ ротъ, одной горной пушки и 4-хъ пулеметовъ. Отрядъ этотъ на слѣдующій-же день послѣ приказа о мобилизаціи высту-

пиль на Чухуктъ, гдѣ долженъ былъ занять позицію и прикрывать формированіе остальныхъ частей ополченія.

Черезъ нѣсколько дней, объѣхавъ районные штабы и осмотрѣвъ сформированныя роты ополченія, я выѣхалъ на Чухуктскую позицію, куда приказалъ выступить еще тремъ ротамъ.

Приѣхавъ на позицію и осмотрѣвъ произведенную Богдасаровымъ работу, я пришелъ въ ужасъ: за шесть дней усиленной работы позиція оказалась совершенно не укрѣпленной. Кое-гдѣ были вырыты небольшіе окопчики для стрѣльбы съ колѣна, у подножія горы были забиты десятка два кольевъ. Трассировка окоповъ была произведена самымъ небрежнымъ образомъ. Пришлось начать все дѣло за-ново.

Начальникъ передового отряда Перепелица оказался совершенно неграмотнымъ въ военномъ дѣлѣ человѣкомъ и, прибывъ на позицію на два дня раньше меня, не удосужился даже выслать въ сторону Туапсе развѣдки. Поэтому мы ничего не знали о силахъ и мѣстонахожденіи противника.

Прежде всего я выслалъ развѣдку, которой приказалъ занять Лазаревку и установить связь съ противникомъ. Затѣмъ мы принялись за рытье новыхъ окоповъ и ходовъ сообщенія и маскировку позиціи. Вскорѣ прибыли подъ общимъ начальствомъ предсѣдателя Хостинскаго штаба Блохнина еще три роты, такъ что всего на позиціи и въ ближайшемъ резервѣ у меня оказалось около 500 штыковъ, 1 орудіе и 6 пулеметовъ. Съ этими силами можно было сдерживать натискъ во много разъ сильнѣйшаго противника.

Къ вечеру 26-го марта я получилъ донесеніе отъ развѣдчиковъ, что Лазаревка никѣмъ не занята и передовыя части противника находятся еще подъ самымъ Туапсе.

Я приказалъ Перепелицѣ выступить съ ротой въ Лазаревку и продолжать оттуда развѣдку, для чего предоставилъ въ его распоряженіе паровозъ, на которомъ можно было по линіи Черноморской желѣзной дороги легко добраться до самага Туапсе.

Вскорѣ развѣдчики донесли, что колонна противника, которую они опредѣлили въ 10,000 конныхъ и пѣшихъ людей съ двумя батареями, выступила изъ Туапсе и приближается къ Лазаревкѣ. Обстрѣленная съ горъ нашими развѣдчиками, колонна эта остановилась и, ввиду наступленія темноты, не рѣшилась занять Лазаревку. Ночью были получены новыя донесенія, изъ которыхъ мы узнали, что въ окрестностяхъ Туапсе сосредоточилось до 30,000 войскъ и столько-же безоружныхъ бѣженцевъ съ многочисленными обозами. Одинъ изъ нашихъ развѣдчиковъ побывалъ въ самомъ Туапсе и рассказалъ о томъ, что видѣлъ въ городѣ.

— Два года былъ я на фронтѣ, а такого войска еще никогда не видѣлъ, рассказывалъ развѣдчикъ: тутъ и калмыки, и хохлы, и кацапы, кто съ винтовкой, а у кого только одинъ кинжалъ. Обозовъ видимо-невидимо, гораздо больше, чѣмъ войскъ. Въ обозахъ ѣдутъ бабы, дѣтишки, ведутъ за собой верблюдовъ, быковъ, коровъ, овецъ. Продовольствія нѣтъ никакого, дѣти ревуть съ голоду, а жители Туапсинскіе тоже плачутъ, такъ какъ казаки все у нихъ поотбирали... Что это за войско, куда оно наступаетъ, кто его сзади гонитъ — ничего понятъ пельзя! Одни говорятъ что они добровольцы и командуетъ ими генералъ Шифнеръ-Маркевичъ, другіе сказываютъ, что это Кубанская армія генерала Шкуры. Тѣ, которые себя добровольцами считаютъ, говорятъ, что будутъ въ Туапсе

грузиться на пароходы и поѣдутъ въ Крымъ, а Шкуринцы говорятъ что пойдутъ походнымъ порядкомъ черезъ Сочи въ Грузію.

27-го марта послѣ 12 часовъ дня отрядъ Шифнеръ-Маркевича занялъ Лазаревку. Прибѣжавшіе изъ Лазаревки крестьяне рассказывали, что селеніе занято 5000 казаковъ, за которыми слѣдомъ явились обозы и около 10,000 бѣженцевъ — стариковъ, женщинъ и дѣтей.

— За какихъ-нибудь полъ-часа все подь-чистую у насъ въ Лазаревкѣ прибрали, всю муку, кукурузу и птицу . . . Прямо, какъ саранча, опустошили селеніе . . .

Отправившійся на развѣдку Блохнинъ подтвердилъ вскорѣ рассказы крестьянъ. По его словамъ наступающая на насъ орда двигается отъ селенія къ селенію, опустошая все на своемъ пути. Въ авангардѣ идутъ пять баталіоновъ и нѣсколько конныхъ сотенъ. Наступаютъ смѣло, не обращая никакого вниманія на огонь нашихъ развѣдчиковъ, такъ-какъ останавливаться имъ не позволяютъ напирющіе съ тыла обозы.

Вечеромъ 27-го марта я собралъ представителей районныхъ штабовъ, находившихся при своихъ ротахъ, и мы стали обсуждать планъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

— Все равно намъ не удастся остановить эту саранчу, говорили крестьяне. Начнемъ по нимъ стрѣлять — перебьемъ сотни двѣ-три, а сзади будутъ напирать тысячи новыхъ. Да и бить-то ихъ жалко, того и гляди, что стариковъ и бабъ съ дѣтишками перестрѣляемъ . . .

— И пускать ихъ къ себѣ не охота, говорили другіе: разорять насъ они совсѣмъ! Смотри — что съ Лазаревкой за день сдѣлали? Такъ и въ нашихъ селеніяхъ будетъ.

Въ концѣ-концовъ мы рѣшили поступить слѣдующимъ образомъ.

Постараться задержать казаковъ на одинъ-два дня подь Чухуктомъ дабы дать время жителямъ расположенныхъ близъ шоссе селеній вывезти свое имущество въ горы. Сообщить въ Сочи, чтобы Комитетъ Освобожденія эвакуировалъ всѣ цѣнности, продовольственные и другіе склады въ расположенное въ горахъ селеніе Анбгу, затѣмъ снять фронтъ, очистить приморское шоссе и отойти въ горы, дабы не допустить войска Шкуро до горныхъ селеній. Мы рассчитывали, что казаки не задержатся долго на побережьѣ и или интернируются въ Грузію, или-же дождутся пароходовъ и отправятся въ Крымъ.

Объ этомъ рѣшеніи я передалъ по телефону въ Сочи и во всѣ районные штабы, которымъ было предписано въ эту-же ночь выслать возможно большее количество подводъ для эвакуаціи Сочинскихъ складовъ и имущества Комитета Освобожденія. Коменданту Сочи я приказалъ также немедленно выслать всѣ моторные суда, катера и фелюги на станцію Лоо, гдѣ находилось вывезенное изъ Туапсе полевое интендантство. Имущество интендантства должно было быть перевезено въ Адлеръ и оттуда переправлено на подводахъ и вьюкахъ въ горы.

Рано утромъ 27-го марта къ нашей позиціи подошелъ непріятельскій блиндируванный поѣздъ начавшій изъ двухъ орудій обстрѣливать окопы. Удачный выстрѣлъ нашей горной пушки, попавшій въ тендеръ паровоза, обратилъ поѣздъ въ поспѣшное отступленіе. Я приказалъ Богдасарову и его подрывникамъ взорвать желѣзнодорожный мостъ находившійся въ трехъ верстахъ отъ нашей позиціи, чтобы прекратить эти непріятныя для насъ прогулки блиндируваннаго поѣзда.

Богдасаровъ вернулся часа черезъ два и доложилъ мнѣ, что мое приказаніе исполнено: мостъ взорванъ и на его возстановленіе потребуется не менѣе 7-ми дней.

Не прошло и полу-часа, послѣ возвращенія нашего генераль-инспектора по инженерной части, какъ блиндированный поѣздъ снова подошелъ къ самой позиціи и принялся въ упоръ разстрѣливать изъ пушекъ и пулеметовъ окопы нашего лѣваго фланга. Съ трудомъ удалось намъ снова прогнать надоѣдливаго визитера.

Богдасаровъ сознался, что онъ приказанія не исполнилъ и удовлетворился тѣмъ, что облилъ деревянные части моста керосиномъ и поджегъ ихъ. Понятно, что мостъ уцѣлѣлъ и броневикъ могъ свободно по немъ проходить.

Въ 3 часа дня я выслалъ на развѣдку имѣвшійся въ моемъ распоряженіи моторный катеръ «Лихой», который вскорѣ вернулся обратно и донесъ, что сильная непріятельская колонна выступила изъ Лазаревки и двигается на насъ.

Блохнинъ съ двумя взводами своей Хостинской роты занялъ крайній правый флангъ нашего расположенія и донесъ мнѣ о томъ, что полусотня казаковъ пробирается по горной тропѣ, стараясь выйти въ тылъ нашей позиціи. Чтобы парализовать этотъ обходъ, я могъ выслать на встрѣчу казакамъ находившуюся у меня въ резервѣ въ «Зубовой щели» (въ 3-хъ верстахъ отъ Чухуктской позиціи) Адлерскую роту. Въ это время начался сильный артиллерійскій огонь со стороны противника. Наша горная пушченка изрѣдка отвѣчала. Непріятельскіе снаряды перелетали черезъ нашу позицію и рвались далеко въ тылу надъ шоссе. Я послалъ Богдасарова на автомобилѣ въ Зубову щель передать приказаніе Адлерской ротѣ парализовать обходъ нашего праваго фланга.

Минуть черезъ десять Богдасаровъ примчался обратно и, сильно волнуясь, доложилъ мнѣ, что проѣхать по шоссе невозможно, такъ-какъ оно сильно обстрѣливается непріятельской артиллеріей.

Я рѣшилъ съѣздить самъ въ Зубову щель, передавъ Перепелицѣ командованіе находившимися на позиціи ротами.

Проѣхать по шоссе оказалось вполне возможнымъ, такъ какъ непріятельскіе снаряды рвались очень высоко и правѣе шоссе. Черезъ 10 минутъ я уже былъ въ Зубовой щели и выслалъ резервную роту по горной тропинкѣ на встрѣчу небольшой кучкѣ пытавшихся насъ обойти казаковъ.

Сдѣлавъ это, я сѣлъ въ автомобиль и поѣхалъ обратно на позицію. На первомъ-же поворотѣ шоссе я увидѣлъ скачущаго карьеромъ на артиллерійской лошади Богдасарова. Онъ что-то прокричалъ мнѣ и не останавливаясь промчался дальше. Я рѣшилъ, что Перепелица послалъ его въ резервъ за патронами и спокойно продолжалъ свой путь. Но, проѣхавъ съ полъ-версты, я встрѣтилъ довольно поспѣшно отступающую съ позиціи роту, которая занимала лѣвофланговые окопы.

— Въ чемъ дѣло, куда вы идете, спросилъ я ротнаго командира.

— Начальникъ передоваго отряда Перепелица приказалъ намъ бросить позицію и отступить въ Лоо!

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ выяснилось, что черезъ пять минутъ послѣ моего отъѣзда къ позиціи снова подошелъ блиндированный поѣздъ, открывшій сильный артиллерійскій и пулеметный огонь по лѣвофланговой ротѣ. Нѣсколько непріятельскихъ снарядовъ разорвались надъ нашей пушкой, ранивъ одного изъ артиллеристовъ. Тогда Перепелица отдалъ приказаніе отступить, бросился къ

стоявшему у берега близъ артиллерійской позиціи катеру «Лихому» и уѣхалъ на немъ въ Лоо.

— А гдѣ-же Блохнинъ, спросилъ я снова ротнаго командира.

— Петръ Павловичъ остался со своей ротой на позиціи, но я послалъ къ нему ополченца и сообщилъ о приказаніи отступать въ Лоо. Другія роты уже снялись съ позиціи и идутъ слѣдомъ за мною.

Я былъ возмущенъ поведеніемъ «полковника» Перепелицы, но спасти положеніе было уже невозможно: позиція была почти безъ боя оставлена и теперь уже навѣрно занята противникомъ.

Я дождался подхода остальныхъ ротъ и, назначивъ за старшаго одного изъ ротныхъ командировъ — бывшаго фельдфебеля Кавказскаго стрѣлковаго полка — приказалъ ему отвести роты къ рѣкѣ Шахе, находившейся въ 7 верстахъ къ югу отъ Зубовой щелки.

Оставивъ при себѣ полуроту я пошелъ съ ней на встрѣчу къ Блохнину. Почти у самой брошенной нами позиціи я встрѣтилъ Хостинскую роту, отступавшую въ полномъ порядкѣ и прикрытую тыловыми дозорами.

— Покорно благодарю васъ за назначенныхъ вами начальниковъ, обратился ко мнѣ возмущенный Блохнинъ. Лучше-бы вы оставили за себя Митьку телефониста, чѣмъ такую рвань . . .

Съ трудомъ успокоилъ я лихого партизана, который считалъ наше отступление величайшимъ скандаломъ.

— Все равно, Петръ Павловичъ, вѣдь мы-же рѣшили снять сегодня ночью, или завтра утромъ фронтъ. Ну сняли его на нѣсколько часовъ раньше, вотъ и все!

— Одно дѣло самимъ снять фронтъ, а другое дѣло — бѣжать съ фронта . . . Вы мнѣ только дайте эту «Перепелицу», ужъ я ей повыщиплю перья!

Поздно вечеромъ мы добрались до селенія Головинки, гдѣ и рѣшили заночевать.

Изъ Головинки я соединился по телефону съ Сочи, вызвалъ къ аппарату Филипповскаго и передалъ ему, что буду задерживать наступленіе казаковъ не болѣе, чѣмъ два-три дня.

— Когда-же они смогутъ занять Сочи, спросилъ Филипповскій.

— Отъ Чухукта до Сочи около 80 верстъ, поэтому казаки смогутъ подойти къ Сочи не ранѣе, какъ черезъ пять — шесть дней. Надѣюсь, что вы успѣете за это время спокойно вывезти изъ города все имущество комитета и склады.

— Конечно, успѣемъ, но можетъ-быть намъ и не придется продолжать эвакуаціи.

— Почему такъ, удивился я.

— Дѣло въ томъ, что въ Гагры пріѣхалъ предсѣдатель Кубанскаго правительства Иванисъ, который телеграфировалъ мнѣ и предложилъ заключить перемиріе съ арміей Шкуро, который подчиняется не Деникину, а Кубанскому правительству. Считаете ли вы возможнымъ вступить съ нимъ въ переговоры?

— Отчего-же не сговориться съ казаками, отвѣтилъ я Филипповскому. Мы все равно не имѣемъ никакой возможности сдержать ихъ пятидесяти-тысячную лавину, а возможно, что путемъ переговоровъ мы избавимъ Сочинскій округъ отъ нашествія незваныхъ гостей.

Утромъ 29-го марта мы снова устроили совѣщаніе съ представителями районныхъ штабовъ.

На этомъ совѣщаніи выяснилось, что ополченцы изъ селеній прибрежной полосы очень беспокоятся за судьбу своего имущества и просятъ отпустить ихъ по домамъ, чтобы успѣть до прихода казаковъ вывезти свое добро въ горы.

Мы рѣшили оставить при штабѣ полуроту, а всѣхъ остальныхъ отпустить по домамъ, съ условіемъ черезъ три дня вновь собраться въ Сочи.

— Зачѣмъ вамъ эта полурота, спросилъ меня Блохнинъ. Казаки все равно раньше, какъ черезъ четыре дня не подойдутъ къ Сочи. Отпустите и ихъ по домамъ, а на позицію вызовите изъ Сочи комендантскую роту. Она тамъ лишь даромъ хлѣбъ ѣсть. А для «арьергарда» я останусь самъ и дамъ вамъ еще пять-шесть молодцовъ.

Я согласился съ Блохнинымъ, и мы остались на берегу рѣки Шахэ самъ-шесть.

Для того, чтобы еще на лишній день задержать движеніе казаковъ, мы рѣшили сжечь оба деревянныхъ моста черезъ довольно широкую рѣку Шахэ. Молодцы Блохнина притащили сухихъ сучьевъ, достали у машиниста стоявшаго на разъѣздѣ «Головинка» дежурнаго паровоза банку мазута, и вскорѣ желѣзнодорожный и шоссеый мосты запылали, подожженные съ нѣсколькихъ концовъ.

Пока ополченцы подъ руководствомъ Блохнина жгли мосты, я съ пулеметомъ Люиса занялъ сторожевой постъ, чтобы предупредить мой «арьергардъ» въ случаѣ появленія казачьяго разъѣзда.

Я думаю, что во всей военной исторіи еще не было такого случая, чтобы командующій арміей стоялъ часовымъ на передовомъ посту, лично прикрывая свою армію. Впрочемъ — я вспомнилъ: маршалъ Ней представлялъ собой однажды «арьергардъ великой арміи».

XXI

Изъ Головинки я по телефону приказалъ Сочинскому коменданту выслать находившіяся въ Сочи комендантскую роту и учебно-пулеметную команду въ Дагомысь (въ 15 верстахъ къ сѣверу отъ Сочи), гдѣ и выставить сторожевое охраненіе для прикрытія эвакуаціи города.

Когда оба моста черезъ Шахэ основательно подгорѣли и средніе пролеты рухнули въ воду, я отдалъ приказъ «арьергарду» отступать на станцію Лоо. Отступление это совершилось съ большимъ комфортомъ: мы успѣли на паровозъ и черезъ полъ-часа прибыли въ Лоо.

Здѣсь меня долженъ былъ поджидать автомобиль, на которомъ я собирался тотчасъ же выѣхать въ Сочи для участія въ назначенномъ вечеромъ экстренномъ засѣданіи Комитета Освобожденія.

Къ моему удивленію никакого автомобиля въ Лоо не было. Станція имѣла покинутый видъ и мы не нашли здѣсь ни начальника станціи, ни коменданта, ни телеграфиста. Большая часть вагоновъ съ интендантскимъ грузомъ были уже разгружены, но караула при остальныхъ вагонахъ также не оказалось.

Оставивъ въ Лоо трехъ человекъ изъ «арьергарда», мы двинулись пѣшимъ порядкомъ по желѣзнодорожной линіи въ Сочи. Воспользоваться паровозомъ мы не могли, такъ-какъ происшедшіе въ трехъ мѣстахъ обвалы разрушили совершенно путь между Сочи и Лоо. Намъ предстояло совершить 25-ти верстную прогулку пѣшкомъ.

Я утѣшалъ себя тѣмъ, что въ Дагомыслѣ встрѣчу комендантскую роту и возьму у командира верховую лошадь.

Дойдя до Дагомыса мы стали тщетно разыскивать сторожевое охраненіе и никакъ его не могли найти:

— Ишь-ты, какъ здорово «примѣнились къ мѣстности», разсмѣялся Блохнинъ: ни часовыхъ, ни заставъ не видно . . .

Дѣлать было нечего и пришлось пройти еще 15 верстъ пѣшкомъ.

Въ 8 часовъ вечера мы усталые и голодные добрали наконецъ до «Ривьеры».

Швейцаръ съ удивленіемъ взглянулъ на меня и сообщилъ, что весь Комитетъ Освобожденія, Главный Штабъ и команда связи въ 2 часа дня спѣшно покинули Сочи и уѣхали въ Адлеръ.

— Неужели-же въ городѣ никого не осталось, спросилъ я швейцара.

— Кажется въ «Грандъ отелѣ» находится еще комендантъ съ ординарцами.

Мы поплелись въ «Грандъ-отель», находившійся въ противоположномъ концѣ города.

Здѣсь мы узнали, что комендантъ также уѣхалъ изъ Сочи.

Не понимая, чѣмъ вызвано такое поспѣшное бѣгство властей изъ города, и совершенно изнемогая отъ усталости, мы отправились съ Блохнинымъ въ сосѣдній духанъ, чтобы хотя немного перекусить.

Хозяинъ духана былъ несказанно удивленъ и обрадованъ увидѣвъ насъ.

— Такъ вы, стало-быть, живы и не въ плѣну, воскликнулъ онъ, бросившись къ намъ съ распростертыми объятіями.

— Чего это вы насъ хоронить вздумали, пошутилъ я, присаживаясь къ столику. Какъ видите — пока еще живы, но, если вы насъ сію-же минуту не накормите, то мы на самомъ дѣлѣ умремъ отъ голода!

Хозяинъ моментально притащилъ холодной баранины, «чурекъ» и бутылку вина и, пока мы съ Блохнинымъ насыщались, сталъ намъ рассказывать о томъ, какъ произошло бѣгство комитета, коменданта и прочихъ властей:

— Часовъ въ двѣнадцать, передъ самымъ обѣдомъ, въ Сочи примчались изъ Лоо два вашихъ офицера. Они заявили предсѣдателю комитета, что добровольцы разбили васъ подъ Головинкой и весь вашъ отрядъ частью перебитъ, частью взять въ плѣнъ. По ихъ словамъ вы и Петръ Павловичъ были не то убиты, не то ранены и попались въ руки къ «кадетамъ». Они также сказали, что добровольцы уже заняли Дагомысъ и черезъ два часа будутъ въ Сочи. Тутъ поднялась такая суматоха, что вы и представить себѣ не можете. Члены комитета разобрали автомобили и черезъ какой-нибудь часъ никого изъ властей въ Сочи уже не было. Комендантъ хотѣлъ-было остаться и вывезти кое-какое имущество изъ складовъ, но его напугали тѣмъ, что казачьи разъѣзды въѣзжаютъ въ городъ и онъ также все бросилъ и поскакалъ въ Хосту. Я слыхалъ, что онъ сейчасъ находится въ Мацестѣ.

Мы догадались, что тревога была поднята удравшими съ фронта Перепелицей и Богдасаровымъ.

— Если вы ихъ не разстрѣляете, сказалъ мнѣ разсвирѣпѣвшій Блохнинъ, то я васъ перестану уважать!

Пришлось потребовать вторую бутылку кахетинскаго, чтобы успокоить разошедшагося предсѣдателя Хостинскаго штаба.

Когда мы слегка подкрѣпились, хозяинъ духана отвелъ меня въ сторону и сообщилъ по секрету, что оставшіеся въ городѣ плѣнные офицеры Добрармін

организовали самооборону, разобрали брошенные въ комендантскомъ управленіи винтовки и являются сейчасъ хозяевами Сочи.

— Вы все-таки остерегайтесь, предупредилъ онъ меня: хотя они на васъ лично и не сердятся, но все-таки могутъ васъ арестовать и выдать «кадетамъ».

Я рассказалъ Блохнину о предупрежденіи хозяина.

— Пусть только попробуютъ, проворчалъ онъ: я сейчасъ соберу своихъ ребятъ, которые еще находятся въ городѣ, и завтра утромъ приведу въ Сочи двѣ роты Хостинцевъ. Со своими ребятами я здѣсь въ полъ-часа наведу порядокъ.

Распроставшись съ хозяиномъ, отказавшимся на отрѣзъ получить съ насъ деньги за ужинъ, мы вышли на улицу и отправились на телеграфъ, чтобы соединиться съ Адлеромъ и установить связь съ черезъ-чуръ поспѣшно эвакуировавшимся комитетомъ.

Но на телеграфѣ намъ сообщили, что, отступивъ изъ Сочи, комендантская рота перерѣзала всѣ телефонные и телеграфные провода между Сочи и Хостой.

Выходя изъ помѣщенія телеграфа, мы столкнулись съ вооруженнымъ винтовкой офицеромъ, у котораго лѣвый рукавъ шинели былъ перевязанъ бѣлымъ платкомъ. Офицеръ пристально посмотрѣлъ мнѣ въ лицо и попросилъ остановиться. Блохнинъ сталъ вытаскивать свой револьверъ, полагая, что офицеръ хочетъ меня арестовать.

— Господинъ полковникъ, — сказалъ офицеръ, приближаясь ко мнѣ: — я прошу васъ не показываться такъ открыто въ городѣ, иначе васъ могутъ арестовать. Мы вамъ многимъ обязаны, но за всѣхъ ручаться нельзя. Лучше всего поскорѣе уходите изъ Сочи.

— Я вамъ очень благодаренъ за такое предупрежденіе, отвѣтилъ я ему, но также хочу васъ кое о чемъ предупредить: дѣло въ томъ, что слухи о нашемъ разгромѣ совершенно не вѣрны. Мы оставили позицію подъ Чухуктомъ, но отрядъ мой цѣль и черезъ нѣсколько минутъ двѣ крестьянскихъ дружины войдутъ въ городъ. Всѣ ваши товарищи были освобождены Главнымъ Штабомъ подъ честное слово, обѣщавъ не принимать больше участія въ войнѣ крестьянъ съ добровольцами. Захвативъ въ комендантскомъ управленіи оставленные тамъ въ суматохѣ винтовки и сформировавъ офицерскій отрядъ — вы тѣмъ самымъ нарушаете данное вами честное слово. Если объ этомъ узнаютъ мои ополченцы, я врядъ-ли смогу остановить ихъ возмущеніе и тогда — вы сами понимаете — никакимъ честнымъ словамъ плѣнныхъ крестьяне вѣрить не будутъ. Имѣйте ввиду, что генералъ Шкуро сможетъ занять Сочи не ранѣе, какъ черезъ пять дней.

Офицеръ былъ сильно смущенъ моими словами.

— Я вамъ совѣтую, — продолжалъ я, — передать всѣмъ вашимъ товарищамъ мое предупрежденіе и попросить ихъ отъ моего имени сейчасъ-же вернуть на мѣсто винтовки и разойтись по домамъ. Даю вамъ слово, что никто изъ васъ послѣ этого не пострадаетъ.

— Вы правы, господинъ полковникъ, и я сейчасъ-же передамъ нашъ разговоръ другимъ офицерамъ.

Съ этими словами онъ раскланялся съ нами и быстро зашагалъ по направлению къ Московской улицѣ.

Посоветовавшись съ Блохнинымъ, я рѣшилъ собрать прибывшихъ изъ Головинки одиночнымъ порядкомъ ополченцевъ и выслать нѣсколько патрулей

по улицамъ Сочи, чтобы показать обывателямъ и плѣннымъ добровольческимъ офицерамъ, что мы пока еще не разгромлены и продолжаемъ существовать.

Блохнинъ вскорѣ разыскалъ на базарѣ и привелъ ко мнѣ 30 человекъ своей роты. Мы раздѣлили ихъ на два патруля, начальство надъ которыми приняли я и Блохнинъ.

Уже совсѣмъ стемнѣло и только передъ «Ривьерой» и на базарной площади свѣтились одинокіе фонари. Я повелъ свой патруль черезъ базаръ на Хлудовскую сторону, Блохнинъ сталъ обходить южную часть города.

Сочинскіе обыватели съ удивленіемъ встрѣчали насъ, вступали въ разговоры и спрашивали, чѣмъ вызванъ поспѣшный отъѣздъ изъ города Комитета Освобожденія?

Обойдя всю Хлудовскую сторону, мой патруль вернулся въ центральную часть города, гдѣ мы должны были встрѣтиться съ Блохнинымъ.

Когда мы проходили по Дагомысской улицѣ, отъ одного изъ домовъ отдѣлилась маленькая фигурка умиленно улыбавагося человека.

— Позвольте въ вашемъ лицѣ привѣтствовать доблестную Добровольческую армию, проговорилъ человекъ подойдя ко мнѣ.

Мы приостановились.

— Что вамъ угодно, спросилъ я этого ревностнаго почитателя Добрарміи.

— Я знаю адресъ всѣхъ мѣстныхъ большевиковъ и другихъ вашихъ враговъ заявилъ человекъ, доставая изъ кармана заранѣе приготовленный имъ списокъ. Многие изъ нихъ, къ сожалѣнію, уже успѣли удрать, но нѣкоторые остались, и я съ удовольствіемъ провожу васъ и укажу ихъ квартиры.

— А вы знаете, кто мы, — спросилъ я, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха.

— Вы — славные солдаты Добровольческой Арміи, которые пришли освободить всѣхъ честныхъ гражданъ Россійской Имперіи отъ опостылѣвшихъ намъ зеленыхъ хамовъ, — захлебываясь отъ восторга, торжественно проговорилъ незнакомецъ.

— Къ сожалѣнію, вы ошибаетесь, мы — ополченцы Хостинской роты Черноморскаго крестьянскаго ополченія . . .

Человекъ въ ужасѣ присѣлъ на мостовую.

Я досталъ свой карманный электрическій фонарикъ и ознакомился съ переданнымъ мнѣ спискомъ. Въ немъ было помѣщено до 30 фамилій и первымъ въ списокѣ значился я. Въ особомъ примѣчаніи было написано: «хотя онъ и не большевикъ, и не крайній социалистъ, но все-таки является сугубо-вредной личностью и главнымъ зачинщикомъ крестьянскаго бунта».

Ополченцы подошли ко мнѣ и начали также читать списокъ «Сочинскихъ большевиковъ».

— Что-же мы будемъ дѣлать съ этимъ паршивцемъ, — спросили меня ополченцы.

— Да что съ нимъ дѣлать — развѣ вы не видите, что онъ совсѣмъ отъ страха помираетъ, — отвѣтилъ я, указывая на съежившагося на мостовой человека.

Мы пошли дальше. Человекъ приподнялся, посмотрѣлъ намъ вслѣдъ, вскочилъ и стрѣлой понесся въ противоположный конецъ улицы. Позднѣе я узналъ, что онъ былъ однимъ изъ служащихъ отдѣла снабженія Главнаго Штаба.

Обойдя почти весь городъ и показавшись жителямъ, которые считали насъ

погибшими, мы сошлись на базарной площади съ Блохнинымъ и стали обсуждать планъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Такъ какъ Кубанское правительство, судя по сообщенію Филипповскаго, предлагало намъ вступить съ нимъ въ мирные переговоры, я полагалъ необходимымъ, какъ можно скорѣе возстановить фронтъ, дабы не допустить казаковъ занять нашу столицу — Сочи.

Блохнинъ считалъ, что черезъ два дня можно будетъ вновь собрать распущенныхъ по домамъ ополченцевъ. До тѣхъ поръ необходимо было занять подступы къ Сочи комендантской ротой, насчитывавшей въ своихъ рядахъ до 200 человѣкъ.

Я рѣшилъ немедленно пойти пѣшкомъ въ Мацесту, найти комендантскую роту и вернуть ее въ Сочи.

Въ первомъ часу ночи я вышелъ изъ Сочи и, пройдя 12 верстъ, былъ остановленъ часовымъ комендантской роты. Съ трудомъ убѣдивъ часового, что я живъ и здоровъ и являюсь именно тѣмъ лицомъ, которымъ себя называю, мнѣ удалось заставить его проводить меня на заставу, гдѣ находился Сочинскій комендантъ Родзевичъ.

Родзевичъ былъ назначенъ мною комендантомъ по просьбѣ Филипповскаго, который усиленно выдвигалъ его на одну изъ командныхъ должностей. Онъ былъ очень порядочнымъ человѣкомъ, но совершенно не годился замѣщать какую бы-то ни было самостоятельную и отвѣтственную должность. Послѣ моего отъѣзда на Чухуктскую позицію, Родзевичъ совершенно растерялся, суетился и способствовалъ распространенію паники. Распустивъ свою роту и трехъ адъютантовъ, которые были имъ назначены изъ плѣнныхъ солдатъ Сальянскаго полка, Родзевичъ допустилъ самочинный разстрѣлъ трехъ плѣнныхъ казачьихъ офицеровъ. Я узналъ объ этомъ возмутительномъ случаѣ изъ записки, полученной мною наканунѣ боя подъ Чухуктомъ отъ одного изъ членовъ Главнаго Штаба.

Произведеннымъ Главнымъ Штабомъ дознаніемъ выяснилось, что разстрѣлъ этихъ плѣнныхъ былъ организованъ адъютантами Родзевича, которые хотѣли завладѣть золотымъ портсигаромъ, часами и деньгами плѣнныхъ. Такъ-какъ плѣнные не пожелали добровольно отдать свои цѣнности, два комендантскихъ адъютанта предъявили крестьянскому караулу фальшивый ордеръ на переводъ плѣнныхъ въ тюрьму и по дорогѣ разстрѣляли ихъ при помощи конвоя отъ комендантской роты, также состоявшей изъ бывшихъ солдатъ Сальянскаго полка. Расправившись такимъ образомъ съ несговорчивыми плѣнными и ограбивъ ихъ, адъютанты донесли Родзевичу, что плѣнные разстрѣляны при попыткѣ бѣжать. Конвойные, съ которыми адъютанты не подѣлились награбленнымъ, донесли Главному Штабу о происшедшемъ, и оба адъютанта, которыхъ я приказалъ немедленно предать полевому суду, скрылись и только черезъ нѣсколько дней были арестованы Хостинскимъ районнымъ штабомъ и въ свою очередь разстрѣляны по приказанію Блохнина.

Родзевичъ былъ чрезвычайно удивленъ, увидѣвъ меня, и объяснилъ происшедшую въ Сочи панику вздорными слухами, распространенными прибѣжавшими съ фронта Перепелицей и Богдасаровымъ.

Я приказалъ Родзевичу немедленно выступить съ комендантской ротой въ Сочи и выставить сторожевое охраненіе по рѣкѣ Мамайкѣ (въ 8 вер. къ сѣверу отъ города). Самъ-же, воспользовавшись имѣвшимся въ распоряженіи Родзевича автомобилемъ, я выѣхалъ въ Адлеръ, гдѣ находился Главный Штабъ и Комитетъ Освобожденія.

Въ Адлерѣ я узналъ что предсѣдатель комитета Филипповскій выѣхалъ въ Гагры для переговоровъ съ предсѣдателемъ Кубанскаго правительства Иванисомъ.

На слѣдующій день рано утромъ Филипповскій вернулся въ Адлеръ въ сопровожденіи товарища предсѣдателя Верховнаго Круга Дона, Кубани и Терека — Мамонова и ознакомилъ насъ съ проектомъ заключеннаго имъ соглашенія съ Кубанскимъ правительствомъ.

Проектъ соглашенія состоялъ изъ шести пунктовъ, въ которыхъ Кубанское краевое правительство обязывалось не вмѣшиваться во внутреннюю жизнь Черноморья, признавало всѣ избранные крестьянами органы самоуправления и обязывалось не расквартировывать по городамъ и селеніямъ частей арміи Шкуро безъ вѣдома и согласія представителей крестьянской власти.

Соглашеніе это должно было-быть въ трехдневный срокъ представлено на утвержденіе экстреннаго собранія представителей районныхъ штабовъ и волостныхъ крестьянскихъ комитетовъ и вступало въ силу только послѣ такой ратификаціи. Впредь до созыва чрезвычайнаго съѣзда и до утвержденія соглашенія, между крестьянскимъ ополченіемъ и арміей Шкуро заключалось трех-дневное перемиріе, причемъ части Шкуро не имѣли права во время перемирія продвигаться впередъ и должны были оставаться на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ застанетъ увѣдомленіе о заключенномъ перемирії.

Приѣхавшій съ Филипповскимъ товарищъ предсѣдателя Верховнаго Круга Мамоновъ былъ очень смущенъ начавшейся войной между казаками и крестьянами.

— Мы порвали съ Деникинымъ и хотѣли завязать добрососѣдскія отношенія съ Черноморскимъ крестьянствомъ, — заявилъ онъ намъ. — Къ сожалѣнію командный составъ нашей арміи черезчуръ поспѣшилъ съ наступленіемъ на Сочи, почему мы и опоздали вступить въ переговоры съ Комитетомъ Освобожденія.

— Какую цѣль преслѣдуете вы своимъ нашествіемъ въ Сочинскій округъ, спросилъ я Мамонова.

— Мы хотимъ отдохнуть здѣсь, привести въ порядокъ нашу разстроенную армію и затѣмъ предпринять, базируясь на Черноморское побережье, новое наступленіе на Донъ и Кубань.

— Знаете-ли вы катастрофическое продовольственное положеніе Сочинскаго округа? Вѣдь у нашихъ крестьянъ едва хватаетъ кукурузы для собственнаго пропитанія, и они не смогутъ удѣлить вашей арміи ни одного пуда хлѣба!

— Да, мы приняли это во вниманіе и на дняхъ изъ Крыма намъ будутъ доставлены значительные продовольственные запасы, такъ что мы сможемъ немедленно возратить крестьянамъ тотъ хлѣбъ, который наши войска были принуждены реквизировать въ деревняхъ.

— Но вѣдь Крымъ во власти Деникина, и врядъ-ли главнокомандующій Добрарміи согласится довольствоваться тѣ войска, которые отказались ему повиноваться, — усумнился я въ заявленіи Мамонова.

— Деникинъ, конечно, никогда на это не согласился-бы, но англичане заставили его отпустить для насъ хлѣбъ и другіе продукты.

Изъ дальнѣйшаго разговора съ Мамоновымъ выяснилось, что руководители казачества и командный составъ казачьей арміи другъ-другу не довѣряютъ. Особенныя подозрѣнія возбуждалъ у членовъ Круга генераль Шкуро, котораго они подозрѣвали въ непосредственныхъ сношеніяхъ со ставкой Деникина.

Какъ выяснилось впоследствии, подозрѣнія Мамонова были вполне основательны: Шкуро дѣйствительно сносился съ Деникинымъ и, въ откровенной бесѣдѣ съ посторонними, относился весьма иронически къ казачьимъ «демократамъ».

Было рѣшено, что Филипповскій и Мамоновъ выѣдутъ немедленно въ Штабъ Шкуро для увѣдомленія его о состоявшемся соглашеніи между Комитетомъ Освобожденія и Кубанскимъ правительствомъ и для оффиціального заключенія перемирія. Я долженъ былъ вернуться въ Сочи и заняться подготовкой чрезвычайнаго крестьянскаго съѣзда.

Вечеромъ того-же дня я вернулся въ Сочи и занялся водвореніемъ на мѣста учрежденій Комитета Освобожденія и отдѣловъ Главнаго Штаба. Филипповскій и Мамоновъ выѣхали на автомобилѣ подъ бѣлымъ парламентарскимъ флагомъ въ Головинку, гдѣ по нашимъ свѣдѣніямъ находился штабъ Шкуро. Эвакуація невывезеннаго изъ Сочи имущества была приостановлена.

На слѣдующій день въ 2 часа дня Филипповскій и Мамоновъ вернулись изъ штаба Шкуро и сообщили мнѣ, что перемиріе заключено.

Я тотчасъ-же отправилъ въ отрядъ Волковскаго районнаго штаба приказаніе прекратить военныя дѣйствія противъ казаковъ. Предвидя, что мое приказаніе дойдетъ до Волковскаго штаба не ранѣе вечера, я послалъ одного изъ членовъ Главнаго штаба къ начальнику передовой дивизіи Шкуро — генералу Агоеву — съ предупрежденіемъ о томъ, что сообщеніе о перемирії дойдетъ до отдѣльно дѣйствующихъ отрядовъ ополченія лишь къ вечеру и съ просьбой принять мѣры для предотвращенія столкновеній съ этими отрядами крестьянскаго ополченія.

Генералъ Агоевъ принялъ моего посланнаго очень любезно и завѣрилъ его въ томъ, что онъ не допуститъ до наступленія темноты никакихъ столкновеній съ Волковскимъ отрядомъ.

Узнавъ о заключенномъ перемирії, взволновавшіеся-было Сочинскіе обыватели совершенно успокоились и жизнь города вступила въ нормальное русло.

Филипповскій, Мамоновъ и я отправились обѣдать въ одинъ изъ ресторановъ и мирно дѣлились впечатлѣніями о пережитыхъ за послѣдніе дни событіяхъ.

Во время обѣда ко мнѣ прибѣжалъ вѣстовой изъ Главнаго Штаба и сообщилъ, что дивизія генерала Агоева продолжаетъ быстро продвигаться впередъ и передовыя части дивизіи дошли уже до Дагомыса. Онъ сказалъ мнѣ также, что начальникъ штаба Агоева желаетъ переговорить по желѣзно-дорожному телефону съ кѣмъ-нибудь изъ чиновъ штаба крестьянскаго ополченія.

— Такъ-то вы исполняете условія перемирія, сказалъ я Мамонову, который слышалъ донесеніе ординарца.

Мамоновъ пожалъ плечами.

— Вы не повѣрите, какъ трудно имѣть дѣло съ нашими генералами, сказалъ онъ. Они не желаютъ считаться съ политической обстановкой и все время дѣйствуютъ самостоятельно, проявляя черезъ чуръ большую личную инициативу. Я сейчасъ-же отправлюсь вмѣстѣ съ вами къ телефону и узнаю въ чемъ дѣло.

Мы отправились на вокзалъ и соединились по телефону съ развѣздомъ «Дагомысь».

Къ телефону подошелъ начальникъ штаба дивизіи генерала Агоева.

— Я — командующій крестьянскимъ ополченіемъ, что вамъ угодно, спросилъ я его.

— Дѣло въ томъ, что намъ отсюда изъ Дагомыса видно, что надъ Сочинскимъ маякомъ развѣвается красный флагъ. Генералъ приказалъ передать вамъ

его категорическое требованіе — немедленно спустить красный и поднять надъ маякомъ трехцвѣтный флагъ Добровольческой арміи.

— Надъ Сочи развѣвается флагъ крестьянскаго ополченія — зеленый крестъ на красномъ полѣ. Флагъ этотъ не будетъ спущенъ до тѣхъ поръ, пока Сочи не будетъ съ бою занято вашими войсками, отвѣтилъ я. Передайте вашему генералу, что его требованіе является нарушеніемъ только-что заключеннаго перемирія.

— Если наше требованіе не будетъ вами исполнено, мы сейчасъ-же начнемъ артиллерійскій обстрѣлъ Сочи, заявилъ начальникъ штаба.

Къ телефону подошелъ Мамоновъ и попросилъ передать ему трубку.

— У телефона товарищъ предсѣдателя Верховнаго Круга Мамоновъ. Передайте генералу Агоеву, что я требую безусловнаго подчиненія приказаніямъ президіума Круга и Кубанскаго краевого правительства. Между Комитетомъ Освобожденія Черноморья и Кубанскимъ правительствомъ состоялось соглашеніе, по которому всякія военныя дѣйствія между крестьянами и казаками прекращаются. Я только-что вернулся изъ штаба генерала Шкуро и подписалъ условія перемирія. Ваше требованіе нарушаетъ это перемиріе, и я настаиваю, чтобы вы взяли его обратно!

Я не знаю, что отвѣтилъ на это начальникъ штаба Агоева, но видѣлъ по выраженію лица Мамонова, что его слова мало дѣйствуютъ на штабныхъ офицеровъ.

— Вотъ извольте имѣть дѣло съ такими господами, обратился ко мнѣ Мамоновъ, повѣсивъ трубку. Они совершенно не желаютъ считаться съ нами и чувствуютъ себя побѣдителями, имѣющими право диктовать свои условія побѣжденнымъ!

Флагъ крестьянскаго ополченія не былъ спущенъ, и генераль Агоевъ не привелъ въ исполненіе своей угрозы.

Вечеромъ я выѣхалъ въ Хосту, гдѣ должно было состояться совѣщаніе представителей районныхъ штабовъ.

Не успѣлъ я приѣхать въ Хосту, какъ мнѣ сообщили изъ Сочи телефонограммой о томъ, что генераль Шкуро нарушилъ перемиріе и отдалъ своимъ войскамъ приказъ занять Сочи.

Сочинскій комендантъ Родзевичъ доносилъ мнѣ, что въ 6 часовъ вечера генераль Шкуро увѣдомилъ сторожевое охраненіе о возобновленіи военныхъ дѣйствій. Онъ придрался къ тому, что въ 4 часа дня Волковскій отрядъ, который еще не успѣлъ получить увѣдомленія о перемирії, обстрѣлялъ казачій разъѣздъ а поэтому обвинялъ крестьянское ополченіе въ несоблюденіи условій перемирія.

Комендантская рота не была въ состояніи остановить наступленіе десяти-тысячнаго казачьяго отряда и принуждена была отойти и очистить Сочи, которое въ 8 часовъ вечера было занято войсками Шкуро.

Черезъ нѣсколько часовъ я получилъ копію перехваченной нашими телефонистами телефонограммы генерала Шкуро, въ которой онъ сообщалъ Агоеву о томъ, что наступающіе со стороны Бѣлорѣченской полки красной арміи заставили его очистить Туапсе. Поэтому онъ приказывалъ начальнику передовой дивизіи немедленно начать наступленіе на Сочи, такъ-какъ отступившія изъ Туапсе тыловыя части и обозы безудержно стремятся на югъ. Этимъ вполне объяснялись придирка Шкуро къ инциденту съ Волковскимъ отрядомъ и его желаніе занять Сочи.

Нарушеніе генераломъ Шкуро перемирія сдѣлало невозможнымъ созывъ крестьянскаго съѣзда. Собравшіеся въ Хостѣ представители районныхъ штабовъ крестьянскаго ополченія констатировали фактъ нарушенія казаками перемирія и постановили не входить болѣе съ Шкуро и другими добровольческими генералами, стоявшими во главѣ Кубанской арміи, ни въ какія соглашенія и возобновить съ ними партизанскую войну.

Такъ-какъ предыдущій опытъ показалъ невозможность сдержать продвиженіе тридцати-тысячной казачьей арміи, подпираемой сзади еще большимъ числомъ невооруженныхъ бѣженцевъ, полевой штабъ рѣшилъ отвести все крестьянскіе отряды въ горы и, не препятствуя продвиженію казаковъ по Черноморскому шоссе, не допускать ихъ въ горныя селенія.

Ввиду такого рѣшенія, принятаго въ ночь на 2-ое Апрѣля, на слѣдующій день началась спѣшная эвакуація изъ Хосты и Адлера имущества Комитета Освобожденія и складовъ Главнаго Штаба въ горныя селенія Ахштырь, Красную Поляну и Аибгу. Къ сожалѣнію наиболѣе цѣнное имущество — свезенный плантаторами въ Сочи табакъ, подъ обезпеченіе котораго Комитетомъ Освобожденія были выпущены размѣнные боны 25-ти, 100 и 250-ти рублеваго достоинства, почти цѣликомъ остался въ Сочи, такъ-какъ погрузка его на суда была пріостановлена комитетомъ послѣ заключенія соглашенія съ Кубанскимъ правительствомъ. Послѣ занятія Сочи, Шкуро объявилъ этотъ валютный товаръ военной добычей и, съ согласія Кубанскаго правительства, продалъ его за гроши слетѣвшимъ со всехъ сторонъ спекулянтамъ, что вызвало полное обезцѣненіе боновъ Комитета Освобожденія и разореніе держателей этихъ боновъ, жителей Сочинскаго округа и, главнымъ образомъ, крестьянъ.

Вслѣдъ за казеннымъ имуществомъ потянулись въ горы арбы и повозки крестьянъ прибрежныхъ селеній, торопившихся спасти свое добро отъ разграбленія голодными казаками арміи Шкуро.

3-го апрѣля вся прибрежная полоса Сочинскаго округа до рѣки Мзымты была очищена крестьянскимъ ополченіемъ, все отряды котораго были отведены въ горы. Большая часть населенія этой полосы также покинула свои насиженные мѣста и пріютилась въ горныхъ селеніяхъ. Казаки начали хозяйничать въ брошенной нами части округа.

Изъ Туапсе въ Сочи переѣхала Рада во главѣ съ ея предсѣдателемъ И. П. Тимошенко, члены Кубанскаго правительства и атаманъ генераль Букретовъ.

Кубанское правительство выпустило обращеніе къ населенію Черноморья, въ которомъ заявляло, что оно заняло Черноморье исключительно въ силу сложившейся военной обстановки и никакихъ завоевательныхъ цѣлей не преслѣдуетъ. Поэтому предсѣдатель правительства Иванисъ гарантировалъ населенію оккупированнаго Сочинскаго округа неприкосновенность жизни, чести и имущества, обѣщая бороться со всякими злоупотребленіями.

Черезъ нѣсколько дней населеніе округа убѣдилось въ томъ, какъ Кубанское правительство выполняетъ свои торжественныя обѣщанія и насколько серьезны гарантіи Иваниса.

Семидесяти-тысячная масса войскъ, бѣженцевъ и обозовъ буквально наводнила узкую прибрежную полосу. Въ городѣ Сочи съ трудомъ размѣстились многочисленныя штабы и гражданскія управленія Кубанскаго правительства. Воинскія части, бѣженцы и обозы расположились въ предмѣстьяхъ и окрестныхъ

селеніяхъ. Вся эта масса людей, лошадей, верблюдовъ и другихъ животныхъ явилась на побережье безъ хлѣба, продовольствія и фуража и была вынуждена кормиться за счетъ скудныхъ запасовъ мѣстнаго населенія. Не соблюдая никакихъ правилъ о реквизиціяхъ, командиры частей и отдѣльные казаки цѣлыми днями шарили по деревнямъ, забирая у оставшихся на мѣстахъ крестьянъ послѣдніе остатки кукурузы, пшеницы и домашнюю птицу. Строевые и обозныя лошади, приведенный бѣженцами скотъ и верблюды выпускались на подножный кормъ въ сады, огороды и на поля, засѣянные озимой пшеницей. Черезъ недѣлю всѣ запасы крестьянъ были съѣдены, будущій урожай былъ уничтоженъ и всѣ фруктовыя деревья, составлявшіе главное богатство прибрежныхъ крестьянъ, обглоданы и обломаны.

Въ тѣхъ деревняхъ, въ которыхъ населеніе сопротивлялось своему разоренію, производились самыя гнусныя насилія: осмѣливавшіеся протестовать крестьяне и крестьянки или пристрѣливались мародерами, или подвергались, по приказанію команднаго состава, поркѣ шомполами. А Кубанское правительство и председатель Рады Тимошенко заявляли въ это-же время въ приказахъ и прокламаціяхъ, расклеивавшихся по улицамъ Сочи, что они борются съ злоупотребленіями и защищаютъ жизнь, честь и имущество населенія Сочинскаго округа.

Но вскорѣ и политическимъ Кубанскимъ дѣятелямъ оказалось невозможнымъ умалчивать далѣе о происходившихъ въ округѣ грабежахъ и насиліяхъ. Тогда въ офиціозѣ Тимошенко и Иваниса — въ «Вѣстникѣ Кубанскаго правительства» отъ 7/20 апрѣля появилась статья Кубанскаго министра внутреннихъ дѣлъ Бѣлашева, въ которой говорилось, что отдѣльными воинскими чинами производятся по деревнямъ насилія, пятнающія честь казачества и встрѣчающія самое рѣзкое осужденіе со стороны правительства. Что-же касается до обостренія голода, вызваннаго нашествіемъ Кубанской арміи, то Бѣлашевъ рекомендовалъ населенію примириться съ этимъ явленіемъ, не обвинять казаковъ и не роптать на реквизиціи остатковъ продовольствія, необходимыхъ для арміи, которая является защитницей этого населенія отъ наступающихъ большевиковъ.

Часть городского населенія, которое не такъ терпѣло отъ грабежей, какъ сельское, и которое больше всего опасалось пришествія большевиковъ, повѣрило завѣреніямъ кубанскихъ министровъ и съ надеждой взирало на Кубанскую армію Шкуро. Но крестьяне, которые были до послѣдней нитки обобранны своей «защитницей» и которые видѣли, что все вниманіе этой «защитницы» обращено не на свободно продвигающихся вслѣдъ за ней большевиковъ, а на горныя селенія, гдѣ еще можно было кое-чѣмъ поживиться, отнеслось съ недоувѣріемъ къ этимъ пышнымъ завѣреніямъ, которымъ не вѣрили даже министры и политическіе дѣятели, подписавшіеся подъ ними.

Что-же происходило въ это время на фронтѣ арміи Шкуро? Пока главнокомандующіе со своими многочисленными штабами отдыхали въ «Ривьерѣ», проводя весело время въ кутежахъ и попойкахъ, противъ которыхъ было вынуждено ополчиться даже само Кубанское правительство (въ статьѣ отъ 8/21 апрѣля своего офиціального «Вѣстника») и пока большая часть арміи занималась мародерствомъ по окрестнымъ селеніямъ, три баталіона 34-й совѣтской дивизіи безудержно гнали все дальше и дальше на югъ 30,000-ную армію Шкуринцевъ. Впрочемъ, большевики не торопились нанести этой арміи окончательный ударъ, ибо никакъ не могли предположить, что казаки настолько деморализованы и небоеспособны. Они рѣшили нѣсколько подготовиться къ этому удару, для

чего имъ было необходимо реорганизовать и пополнить ряды занявшей Туапсе 34-й дивизіи, насчитывавшей всего 3000 штыковъ. И вотъ, на виду у непріятеля, большевики начали пополнять свои войска, оттянувъ ихъ въ Туапсе и оставивъ на границѣ Сочинскаго округа для наблюденія за казаками слабый авангардъ въ три баталіона съ одной батареей. Черезъ 10 дней большевики влили въ ряды 34-й дивизіи красноармейцевъ 50-й дивизіи и, доведя численность этой сводной дивизіи до 9000 штыковъ, рѣшили покончить съ арміей Шкуро.

Тимошенко, Иванисъ и другіе Кубанскіе политическіе дѣятели успѣли за это время выбрать новую оріентацію на «демократическую Грузію» и, понявъ, что никакого серьезнаго сопротивленія большевикамъ деморализованная армія Шкуро оказать не сможетъ, рѣшили заблаговременно покинуть Черноморье и отправиться въ Тифлисъ для переговоровъ съ Грузинскимъ правительствомъ на предметъ заключенія Кубано-Грузинскаго союза.

Въ Тифлисъ они надѣялись убѣдить грузинъ прежде всего въ томъ, что армія ихъ вполне боеспособна, нуждается лишь въ кратковременномъ отдыхѣ и затѣмъ легко сможетъ завоевать покинутую территорію Кубани. Затѣмъ они думали склонить Грузинское правительство къ согласію на снабженіе Кубанской арміи продовольствіемъ изъ интендантскихъ запасовъ грузинскихъ войскъ, обѣщая, послѣ очищенія Кубани отъ большевиковъ, наводнить Грузію Кубанскимъ хлѣбомъ.

Перекрасившись въ «демократическій цвѣтъ», Кубанскіе политики начали свои переговоры съ грузинами заявленіями о своей демократичности. Съ этой цѣлью Тимошенко далъ нѣсколько интервью Тифлискимъ журналистамъ, рассказывая о томъ, что на временно-оккупированной территоріи Сочинскаго округа Кубанское правительство разумными и демократическими распоряженіями установило полный порядокъ и снискало къ себѣ общую любовь и благодарность всего населенія. Онъ отрицалъ начавшійся въ Сочинскомъ округѣ голодъ, увѣрялъ, что базары переполнены продуктами и войсковыя части Кубанской арміи не прибѣгаютъ къ насильственнымъ реквизиціямъ, такъ какъ само населеніе охотно доставляетъ имъ всѣ необходимые продукты.

Безсовѣстная ложь Тимошенко принудила меня выступить съ открытымъ къ нему письмомъ, опубликованнымъ во всѣхъ Тифлискихъ и Сухумскихъ газетахъ. Въ этомъ письмѣ я, ссылаясь на статьи «Вѣстника Кубанскаго правительства» и на обще-извѣстные всему Сочинскому населенію факты, опровергалъ сдѣланныя Тимошенко заявленія и обличалъ руководителей казачества въ затѣянной ими безумной авантурѣ, благодаря которой рядовые казаки обрекались на гибель отъ голода и эпидемій, а населеніе Сочинскаго округа на полное разореніе.

Тимошенко обѣщалъ журналистамъ отвѣтить на мое письмо, какъ только онъ получитъ объясненія отъ находящихся въ Сочи членовъ правительства, но, такъ какъ отрицать приведенные мною факты было невозможно, то никакого отвѣта я до сихъ поръ отъ него не дождался.

Быть можетъ Кубанскимъ политикамъ и удалось-бы склонить грузинъ на заключеніе спасительнаго для кубанцевъ союза, но выступленіе генерала Шкуро открыло глаза Грузинскому правительству на «демократизмъ» руководителей казачества. Послѣ одной веселой попойки, происходившей въ переполненномъ публикой общемъ залѣ ресторана «Ривьера», генералъ Шкуро обратился съ зажигательной рѣчью къ своимъ офицерамъ, въ которой заявлялъ о томъ, что онъ для расширенія своей базы принужденъ будетъ перейти границу Грузіи и

занять богатый продовольствием Сухумский округ. В зал присутствовало несколько грузин, которые немедленно передали слова Шкуро через Гагры в Тифлиς, послѣ чего Грузинское правительство отказалось отъ всякихъ переговоровъ съ кубанцами, заявивъ, что оно не можетъ подвергать молодую Грузинскую республику риску войны съ Россійскимъ совѣтскимъ правительствомъ.

Пока политическіе дѣятели Кубани вели переговоры съ грузинами, положеніе арміи Шкуро ухудшалось съ каждымъ днемъ. Всѣ мѣстные запасы были давно съѣдены, и войска начали голодать. Люди стали питаться кониной, падалью и корой, вспыхнулъ голодный тифъ и холера. Продовольствіе изъ Крыма, о которомъ говорили Мамоновъ и другіе вожди казачества, доставлено не было. Штабъ Деникина черезъ англичанъ увѣдомилъ Шкуро, что армія его будетъ доставлена продовольствіе и патроны только въ томъ случаѣ, если она безоговорочно признаетъ власть главнокомандующаго вооруженными силами на югѣ Россіи.

Генералъ Шкуро въ сущности никогда и не порывалъ съ Деникинымъ и, убѣдившись въ полной деморализаціи своихъ войскъ, вступилъ при посредствѣ англичанъ въ переговоры съ главнымъ командованіемъ о перевозкѣ казаковъ въ Крымъ.

Англичане, поддерживавшіе Деникина, а поэтому относившіеся крайне отрицательно къ Кубанскому правительству, обрадовались возможности лишить это правительство вооруженной силы и заявили Иванису, что въ случаѣ согласія его на перевозку казачьей арміи въ Крымъ, англійская эскадра предоставитъ кубанцамъ перевозочныя средства и огнемъ своихъ дреднаутовъ прикроетъ отступление и погрузку на суда арміи Шкуро.

Во время этихъ переговоровъ, высшій командный составъ Кубанской арміи, понявшій, что оставленіе Сочи является вопросомъ всего нѣсколькихъ дней, рѣшилъ воспользоваться случаемъ для ликвидаціи оставленныхъ Комитетомъ Освобожденія табаковъ. Съ этой цѣлью генералъ Шкуро вступилъ въ соглашеніе съ Батумскими спекулянтами и уполномочилъ одного изъ своихъ подчиненныхъ, генерала Остроухова, продать принадлежавшіе Черноморскому крестьянству табакки. Къ Сочи подошло нѣсколько пароходовъ и, къ глубокому разочарованію обывателей, узнавшихъ о приходѣ судовъ и полагавшихъ, что суда эти доставили, наконецъ, давно обѣщанное продовольствіе, приступили къ спѣшной погрузкѣ и вывозкѣ изъ Сочи того валютнаго товара, на который такъ рассчитывало населеніе, надѣясь обмѣнять его на хлѣбъ.

Когда табакки были вывезены въ Батумъ, Комитетъ Освобожденія обратился къ англійскимъ властямъ (Батумъ былъ въ то время оккупированъ англичанами) съ просьбой наложить арестъ на похищенное казаками у крестьянъ имущество, но Батумскій военный губернаторъ официальнымъ документомъ за № 3343 отказалъ въ этомъ ходатайствѣ и разрѣшилъ спекулянтамъ вывезти эти табакки черезъ Константинополь въ Европейскіе порты. Тамъ табакки эти были выгодно проданы, вырученные отъ продажи «фунты» обогатили хищниковъ, а Черноморское крестьянство, вступившее въ періодъ новой борьбы за свои права съ Московскими «комиссародержцами» оказалось безъ всякихъ средствъ, столь необходимыхъ для этой борьбы. Дѣйствія англійскаго Батумскаго губернатора оказались послѣднимъ «благодѣяніемъ», оказаннымъ бывшими союзниками русскому крестьянству Черноморья...

Кубанское правительство, пытавшееся вновь завязать сношенія съ Комитетомъ Освобожденія и неоднократно торжественно завѣрявшее, что оно будетъ бороться со всякими злоупотребленіями и гарантируетъ неприкосновенность иму-

щества и достоянія Сочинскаго населенія, санкціонировало этотъ грабежъ и, оправдываясь вполѣдствіи передъ представителями крестьянства, увѣряло, что табаки были проданы въ обмѣнъ на продовольствіе для арміи и населенія. Быть можетъ, если бы вырученныя отъ продажи табаковъ деньги дѣйствительно пошли на покупку хлѣба, крестьяне отнеслись-бы болѣе снисходительно къ этому грабежу, но на самомъ дѣлѣ заявленіе Кубанскаго правительства явилось такой-же ложью, какъ и всѣ его предыдущія обѣщанія и завѣренія: ни одного пуда хлѣба, въ обмѣнъ на вывезенный табакъ, въ Сочи доставлено не было.

Во время описываемыхъ событій я находился въ горахъ, куда перебрался Комитетъ Освобожденія и Главный Штабъ крестьянскаго ополченія.

Сплошнаго фронта противъ арміи Шкуро мы держать не могли и ограничивались тѣмъ, что заняли отдѣльными заставами дороги и тропинки, ведущія къ горнымъ селеніямъ. Въ наиболѣе угрожаемыхъ мѣстахъ штабъ сосредоточилъ отряды по 50 — 60 ополченцевъ съ пулеметами, которымъ была дана задача до послѣдней возможности оборонять подступы къ горнымъ селеніямъ. Остальные ополченцы находились въ своихъ деревняхъ, составляя резервъ, готовый въ любой моментъ придти на помощь тому или другому отдѣльному отряду.

Несмотря на удрученное состояніе духа и на тревогу о дальнѣйшихъ судьбахъ нашей «крестьянской республики», эти двѣ недѣли, проведенныя мною въ горахъ, среди чарующей природы и сердечно относившихся къ намъ крестьянъ, навсегда остались въ моей памяти, какъ одно изъ лучшихъ воспоминаній о Черноморьѣ.

Мнѣ приходилось все время переѣзжать изъ одного селенія въ другое, участвовать на крестьянскихъ сходахъ, давая объясненія и совѣты поселянамъ и за этотъ періодъ у меня установились съ ними такія хорошія отношенія, которымъ завидовали другіе члены комитета, гораздо болѣе меня связанные съ крестьянствомъ и прожившіе въ округѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ.

Пріѣхавъ въ какое-либо селеніе, я былъ обязанъ поочередно посѣтить каждую избу и отвѣдать хозяйской хлѣба-соли. Отказъ отъ приглашенія зайти «въ гости», и еще болѣе — отъ угощенія, былъ равносильенъ самому глубокому оскорбленію.

И мои мрачныя мысли разгонялись этими простыми и сердечными людьми, увѣрявшими меня, что несмотря ни на какія временныя невзгоды и испытанія, правда все-таки восторжествуетъ и никакая сила не будетъ въ состояніи вырвать изъ рукъ крестьянства ту власть, которая перешла къ нимъ послѣ долгой и упорной борьбы.

— Ни «кадеты», ни большевики ничего съ нами не смогутъ сдѣлать, упрямо твердили жители горныхъ селеній. Пусть пока-что властвуютъ на берегу моря, а мы будемъ у себя въ горахъ отсиживаться. Пройдетъ годъ — другой, наступятъ другія времена, соберемъ съ силами — и однимъ духомъ очистимъ свое Черноморье отъ всякой «шати». Теперь насъ ужъ никто не обманетъ...

Въ концѣ апрѣля казаки стали усиленно пробиваться къ горнымъ селеніямъ.

Главный штабъ рѣшилъ оказать имъ самое упорное сопротивленіе, дабы спасти населеніе горныхъ селеній отъ участи совершенно разоренныхъ и ограбленныхъ деревень прибрежной полосы. Первыя-же столкновенія съ казаками кончились для насъ успѣшно: казачьи отряды принуждены были отступить, оставивъ нѣсколько плѣнныхъ, видъ которыхъ внушалъ крестьянамъ живѣйшее состраданіе. Штабъ постановилъ всѣхъ плѣнныхъ отпускать обратно, взявъ съ

нихъ обѣщаніе не участвовать больше въ набѣгахъ на горныя селенія. Мы стали готовиться къ болѣе серьезнымъ боямъ, такъ какъ изъ донесеній развѣдчиковъ знали объ отданномъ генераломъ Шкуро приказаніи занять рядъ селеній горной полосы.

Однако начавшееся наступленіе красныхъ избавило насъ отъ новыхъ столкновеній съ казаками.

30-го апрѣля, пополненная новыми контингентами, 34-я совѣтская дивизія перешла въ наступленіе и стала тѣснить Шкуринцевъ, въ паникѣ отступавшихъ передъ во много разъ слабѣйшимъ врагомъ. Кубанское правительство согласилось на перевозку своей арміи въ Крымъ, и англійская эскадра, подошедшая къ Сочи, стала прикрывать отступленіе арміи Шкуро. До насъ ясно доносились звуки ожесточенной канонады. Англичане, думая сдержать натискъ большевиковъ, принялись обстрѣливать изъ своихъ дреднаутовъ прибрежныя селенія и результатомъ ихъ активнаго вмѣшательства въ войну между казаками и большевиками оказалось разрушеніе нѣсколькихъ селеній Сочинскаго округа. Красные не понесли никакихъ потерь отъ огня англійскихъ кораблей, но крестьяне пострадали очень сильно: многіе изъ нихъ потеряли свое послѣднее имущество, разрушенное артиллерійскимъ огнемъ самоотверженныхъ и непрошенныхъ «благодѣтелей русскаго народа».

Армія Шкуро быстро очистила Сочи и устремилась къ грузинской границѣ. Командный составъ и передовыя части погрузились между Адлеромъ и Гаграми на подошедшія изъ Крыма суда, но большая часть арміи сдалась большевикамъ. Кубанскіе политическіе дѣятели благополучно успѣли эвакуироваться, бросивъ на произволъ судьбы обманутыхъ ими рядовыхъ казаковъ и бѣженцевъ.

Такъ закончилась вся эта авантюра Кубанскаго правительства, завершившаяся полнымъ разореніемъ Сочинскихъ крестьянъ и безболѣзненнымъ занятіемъ Черноморья большевиками.

Филипповскій и другіе члены Комитета Освобожденія рѣшили тотчасъ-же переѣхать въ Сочи, будучи увѣрены въ томъ, что большевики, покончивъ съ арміей Шкуро, передадутъ комитету бразды правленія и выведутъ свои войска изъ предѣловъ Черноморья.

Я противился такому рѣшенію и настаивалъ на немедленномъ созывѣ въ горахъ крестьянскаго съѣзда для обсужденія создавшагося положенія и подготовленія къ новому періоду борьбы. Я доказывалъ Филипповскому, что большевики никогда не признаютъ Комитета Освобожденія правительствомъ Черноморья и не потерпятъ никакой другой власти, кромѣ диктатуры коммунистической партіи. Но комитетъ мнѣ не повѣрилъ и довѣрчиво откликнулся на призывъ большевистскаго Ревкома, приглашавшаго насъ вернуться въ Сочи.

Въ серединѣ мая Комитетъ Освобожденія спустился съ горъ и торжественно возвратился въ Сочи, любезно встрѣченный военными властями красной арміи и мѣстнымъ революціоннымъ комитетомъ, ставшимъ полнымъ хозяиномъ Сочинскаго округа.

Я отказался вернуться въ Сочи и уѣхалъ въ Гагры, гдѣ предполагалъ отдохнуть нѣкоторое время, послѣ чего собирался снова перебраться въ горы. Но отдыхъ мой оказался весьма непродолжительнымъ. Черезъ нѣсколько дней въ Гагры пріѣхалъ членъ Комитета Освобожденія Ф. Д. Сорокинъ и попросилъ меня немедленно выѣхать въ Сочи, такъ-какъ мое присутствіе является необходимымъ для повѣрки отчетности Главнаго Штаба.

— Ну какъ-же, Федоръ Даниловичъ, скоро-ли большевики уйдутъ изъ Сочи и передадутъ намъ бразды правленія, спросилъ я Сорокина.

— Вы были правы, вздохнулъ Сорокинъ: большевики никогда не согласятся безъ борьбы передать намъ управление Черноморьемъ и вѣроятно на дняхъ ликвидируютъ Комитетъ Освобожденія.

— Почему-же вы хотите вновь вернуться въ Сочи и тащите меня съ собой, задалъ я ему вопросъ.

— Если мы съ вами не вернемся въ Сочи, большевики увѣрятъ населеніе въ томъ, что мы побоялись ревизіи суммъ комитета и обвинятъ насъ въ присвоеніи казенныхъ денегъ.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ я узналъ, что ревизія была назначена Сочинскимъ революціоннымъ комитетомъ и являлась первымъ шагомъ къ ликвидаціи Комитета Освобожденія.

Я заявилъ Сорокину, что готовъ въ любой моментъ отчитаться передъ крестьянскимъ съѣздомъ, но не имѣю ни малѣйшаго желанія отчитываться передъ большевистскимъ ревкомомъ, а поэтому въ Сочи съ нимъ не поѣду.

— Дѣлайте, какъ хотите, отвѣтилъ мнѣ Сорокинъ, но я все-таки просилъ-бы васъ хоть на нѣсколько дней показаться въ Сочи. Комитету необходимо рѣшить нѣкоторые очень важные вопросы, а кромѣ того, увѣряю васъ, что большевики сумѣютъ использовать ваше нежеланіе пріѣхать въ Сочи и обвинятъ васъ въ трусости и похищеніи казенныхъ денегъ.

Эти аргументы заставили меня согласиться и на слѣдующій день мы выѣхали на извозчичьемъ фаэтонѣ въ Сочи.

На правомъ берегу пограничной рѣчки Мехадыря, тамъ, гдѣ мѣсяць тому назадъ стоялъ нашъ «зеленый» постъ, находилась теперь красноармейская застава. Впервые послѣ 1918 года я увидѣлъ красноармейцевъ и былъ пораженъ ихъ дисциплинированностью и военной выправкой, такъ рѣзко отличавшей ихъ отъ прежнихъ разнузданныхъ, необученныхъ и наводившихъ страхъ даже на самихъ комиссаровъ, солдатъ красной гвардіи.

Черезъ нѣкоторое время по пріѣздѣ въ Сочи я имѣлъ возможность еще болѣе убѣдиться въ коренной реорганизаціи красной арміи, которая нисколько не отличалась, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ была даже лучше организована, чѣмъ прежняя до-революціонная русская армія. Три года гражданской войны были умѣло использованы большевиками, сумѣвшими за это время создать многочисленную и хорошо-обученную армію изъ одураченныхъ ими крестьянъ и рабочихъ.

Послѣ эвакуаціи Сочи, мнѣ еще не пришлось быть въ прибрежной полосѣ, и я только по разговорамъ слышалъ, во что превратились послѣ нашествія казаковъ богатые прежде селенія этой полосы. То, что я увидѣлъ по дорогѣ изъ Адлера въ Сочи, превзошло все мои ожиданія: мы ѣхали по совершенно разгромленной и опустошенной, какъ послѣ пожара или другаго стихійнаго бѣдствія, мѣстности. Деревни были покинуты жителями, ушедшими въ горы и пока еще не возвратившимися обратно. Большинство избъ стояло безъ крышъ, которыя пошли на кормъ лошадямъ и верблюдомъ. Все изгороди были сломаны, поля и огороды вытоптаны, фруктовые деревья обглоданы. На каждомъ шагу валялись трупы павшихъ животныхъ, и воздухъ былъ настолько зараженъ запахомъ этихъ разлагавшихся труповъ, что приходилось всю дорогу зажимать носъ, чтобы не задохнуться отъ ужасной вони.

Около Хосты мы наткнулись на огромный штабель сложенныхъ въ беспорядкѣ

винтовокъ, шашекъ, пулеметовъ и пушекъ, охраняемый тремя красноармейцами. На этомъ мѣстѣ произошла сдача большевикамъ казачьей дивизіи генерала Морозова, единственнаго изъ казачьихъ генераловъ, не пожелавшаго бросить своихъ подчиненныхъ и рѣшившагося вмѣстѣ съ ними раздѣлить большевистскій плѣнъ.

Вечеромъ мы пріѣхали въ Сочи, также сильно пострадавшее отъ казачьей оккупации. Комитетъ Освобожденія помѣшался въ гостиницѣ «Грандъ-Отель», любезно отведенной комитету начальникомъ 34-й совѣтской дивизіи. Впослѣдствіи эта любезность вполне объяснилась тѣмъ, что большевики отвели сосѣднюю съ «Грандъ-Отелемъ» дачу своему «особому отдѣлу» (дивизионной чрезвычайкѣ), которому было приказано тщательно слѣдить за каждымъ шагомъ членовъ Комитета Освобожденія.

Большинство членовъ комитета чувствовали себя плѣнниками большевиковъ и сожалѣли, что не послушались меня и вернулись въ Сочи. Только Филипповскій былъ по прежнему спокоенъ и надѣялся на возможность столкнуться съ большевиками.

— Если большевики ликвидируютъ Комитетъ Освобожденія, то они замѣнъ него соберутъ совѣтъ крестьянскихъ депутатовъ, мы будемъ избраны крестьянами въ исполкомъ и попрежнему будемъ стоять у власти, говорилъ онъ. Произойдетъ лишь перемѣна вывѣски и все останется по-прежнему!

На слѣдующее утро ко мнѣ явился адъютантъ штаба 34-й дивизіи и попросилъ немедленно пожаловать къ начальнику дивизіи Егорову, поселившемуся также въ одной изъ ближайшихъ къ «Грандъ-Отелю» дачъ.

Меня встрѣтилъ красноармеецъ, исполнявшій обязанности деньщика «начдива», одѣтый въ опрятную гимнастерку, длинные кавалерійскіе рейтузы и въ бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ; онъ проводилъ меня въ кабинетъ Егорова и попросилъ подождать нѣсколько минутъ.

«Начдивъ» разговаривалъ въ сосѣдней комнатѣ съ однимъ изъ своихъ «комбриговъ» (бригадныхъ командировъ) и совѣмъ по старорежимному распекалъ своего подчиненнаго.

Закончивъ разносъ комбрига, Егоровъ вошелъ въ кабинетъ, щелкнулъ шпорами и любезно пригласилъ меня сѣсть въ кресло, послѣ чего сразу перешелъ къ дѣлу и объяснилъ, почему онъ прислалъ за мной своего адъютанта.

— Дѣло въ томъ, началъ Егоровъ, что реввоенсовѣтъ Кавказскаго фронта предполагаетъ назначить васъ на одну изъ командныхъ должностей. Поэтому командующій 9-й арміей товарищъ Василенко предложилъ мнѣ предупредить васъ для того, чтобы вы были готовы немедленно по полученіи телеграммы изъ Екатеринодара выѣхать изъ Сочи.

— Я очень благодаренъ реввоенсовѣту за оказываемое мнѣ довѣріе, отвѣтилъ я начдиву, но долженъ вамъ заявить, что не имѣю ни малѣйшаго желанія продолжать военную карьеру и не собираюсь покидать Сочинскаго округа.

Егоровъ усмѣхнулся.

— Вы очевидно не знаете, что совѣтское правительство мобилизуетъ всѣхъ «военспецовъ». О вашемъ согласіи или несогласіи никто не спрашиваетъ. Вы получите черезъ нѣсколько дней предписаніе и должны будете немедленно выѣхать къ мѣсту служенія. Что-же касается вашего желанія оставаться въ Сочи, то вы должны знать, что никто изъ членовъ Комитета Освобожденія не будетъ оставленъ въ предѣлахъ Черноморской губерніи. Я совѣтую вамъ какъ можно скорѣе закончить здѣсь ваши дѣла и приготовиться къ отъѣзду.

На этомъ заключилась официальная часть разговора, послѣ чего Егоровъ повелъ меня въ столовую, гдѣ познакомилъ со своей женой, пытавшейся разыгрывать роль «матери-командирши» добраго стараго времени.

Выпивъ стаканъ чаю и посидѣвъ съ полъ-часа у гостепріимнаго начдива, я поспѣшилъ откланяться и вернулся въ «Грандъ-Отель», едва не опоздавъ къ засѣданію Комитета Освобожденія.

Разсказавъ членамъ комитета о моемъ разговорѣ съ Егоровымъ, я заявилъ, что Комитетъ Освобожденія долженъ немедленно покинуть Сочи, отправиться въ горы и созвать чрезвычайный крестьянскій съѣздъ для того, чтобы дать отчетъ крестьянамъ о всей дѣятельности комитета. Послѣ этого комитетъ можетъ сложить съ себя полномочія и члены комитета могутъ вернуться, если пожелаютъ, обратно въ Сочи, но уже какъ частные люди.

Мое предложеніе было отвергнуто, послѣ чего мнѣ оставалось только передать комитету имѣвшіеся у меня оправдательные документы по денежной отчетности военнаго отдѣла и заявить, что я считаю себя отнынѣ вполне свободнымъ и буду дѣйствовать по своему усмотрѣнію.

Сорокинъ спросилъ меня, что я намѣренъ дѣлать и, узнавъ о томъ, что я собираюсь завтра-же уѣхать въ Гагры, сообщилъ мнѣ по секрету, что онъ поѣдетъ со мной.

Я былъ несказанно удивленъ, когда на слѣдующій день Сорокинъ съ печальнымъ видомъ сообщилъ мнѣ, что онъ ходилъ въ «особый отдѣлъ» за пропускомъ и чекисты отказали ему въ разрѣшеніи выѣхать въ Гагры.

— Зачѣмъ вамъ понадобился пропускъ, спросилъ я съ раздраженіемъ Сорокина. Неужели вы не понимаете, что разъ большевики рѣшили выслать насъ изъ Черноморья, то они никого изъ насъ не выпустятъ въ Грузію, откуда мы всегда сможемъ проникнуть обратно въ Сочинскій округъ. И зачѣмъ вамъ, исходившему пѣшкомъ всѣ горы Черноморья, пропускъ для проѣзда по шоссе?

— А развѣ вы уѣдете изъ Сочи безъ пропуска?

— Будьте увѣрены, что обойдусь великолѣпно безъ него и сегодня-же вечеромъ буду въ Гаграхъ.

Простившись съ Сорокинымъ я отправился на базаръ, подрядилъ извозчика и черезъ нѣсколько часовъ пріѣхалъ въ Адлеръ, откуда пошелъ пѣшкомъ въ эстонское селеніе Сальме.

Эстонцы угостили меня обѣдомъ, дали верховую лошадь и проводника, благодаря которому, я, миновавъ стоявшіе по Мехадырю большевистскіе аванпосты, благополучно перебрался черезъ границу и поздно вечеромъ пріѣхалъ въ Гагры.

Черезъ день крестьяне увѣдомили меня объ арестѣ Комитета Освобожденія, произведенномъ пріѣхавшими изъ Ростова чекистами.

XXIII

Разоренные войсками Шкуро, крестьяне встрѣтили красную армію и большевиковъ, какъ избавителей, и отнеслись съ большимъ довѣріемъ къ обѣщанію Сочинскаго ревкома собрать въ самомъ непродолжительномъ времени окружной совѣтъ крестьянскихъ депутатовъ. Только нѣкоторые изъ нихъ совершенно не вѣрили въ обѣщанія большевиковъ и предсказывали Черноморскому крестьянству новыя бѣдствія и испытанія.

Арестъ Комитета Освобожденія явился первымъ враждебнымъ выпадомъ большевиковъ противъ крестьянства, которое, переживъ нашествіе казаковъ, готово было совершенно примириться съ совѣтской властью.

Вслѣдъ за арестомъ Комитета Освобожденія, агенты «особаго отдѣла» и Ростовской Чеки нагрянули въ села и арестовали членовъ районныхъ штабовъ крестьянскаго ополченія и большую часть членовъ крестьянской фракціи окружного съѣзда. Въ числѣ арестованныхъ оказались Блохнинъ, Рощенко и шесть другихъ, наиболѣе видныхъ руководителей крестьянскаго ополченія.

Только-что успокоившіеся крестьяне, повѣрившіе обѣщаніямъ представителей «рабоче-крестьянскаго» правительства, снова заволновались и пытались объяснить произведенные аресты какимъ-нибудь недоразумѣніемъ.

Но большевики поступали съ полнымъ «разумѣніемъ», стараясь какъ можно скорѣе обезсилить Черноморское крестьянство, которое представлялось имъ весьма серьезнымъ врагомъ. Большевики отлично знали, какъ относится крестьянство къ диктатурѣ коммунистической партіи и какъ оно мечтаетъ о союзѣ съ кубанцами (съ рядовымъ казачествомъ, а не съ потерявшими всякій авторитетъ кубанскими политиками) для созданія мощной крестьянско-казачьей республики. Организованное Черноморское крестьянство и сохранившее оружіе крестьянское ополченіе могло явиться тѣмъ ядромъ, вокругъ котораго будутъ собираться всѣ недовольные совѣтской властью элементы Кубани и Черноморья. Поэтому большевики рѣшили прежде всего вырвать изъ рядовъ крестьянъ наиболѣе популярныхъ руководителей, рассчитывая обезглавить такимъ образомъ будущую активную оппозицію.

Однако большевики ошиблись въ своихъ расчетахъ, и произведенные ими аресты дали толчокъ новому подъему настроенія Сочинскихъ крестьянъ.

Уцѣлѣвшіе отъ разгрома районные штабы снова эвакуировались въ горы и отдали приказъ своимъ ополченцамъ снести въ горы и укрыть тамъ все оставшееся въ ополченіи оружіе и патроны. Приказаніе это было немедленно исполнено, и, когда большевики стали производить въ деревняхъ повальные обыски, они не могли найти ни одного пулемета, ни одной винтовки и ни одного патрона.

Вслѣдъ за этимъ большевики объявили въ Сочинскомъ округѣ мобилизацію 10-ти возрастовъ, рассчитывая такимъ распоряженіемъ вырвать изъ рядовъ крестьянскаго ополченія большую половину бойцовъ. Но крестьяне, какъ и во времена владычества Добрарміи, отказались подчиниться приказу о мобилизаціи, и всѣ подлежавшіе призыву ушли снова въ горы.

Начался новый періодъ «зеленаго движенія», которое большевики рѣшили подавить самыми суровыми мѣрами. Прежде всего «особый отдѣлъ» арестовалъ оставшихся въ деревняхъ женъ, дѣтей и родителей, ушедшихъ въ горы «зеленыхъ».

Нѣсколько сотъ такихъ заложниковъ были отправлены въ Екатеринодаръ и далѣе на сѣверъ, въ центральную Россію, причемъ имъ было запрещено взять съ собой что либо изъ имущества, конфискованнаго для нуждъ красной арміи. Вѣсть объ этихъ арестахъ тотчасъ-же разнеслась по всѣмъ прибрежнымъ селеніямъ и началось новое повальное бѣгство въ горы. Чтобы остановить такое переселеніе жителей прибрежныхъ деревень, большевики арестовали по нѣскольку крестьянъ изъ каждаго селенія, объявили ихъ заложниками и заявили, что въ случаѣ самовольнаго ухода остальныхъ крестьянъ въ горы — арестованные заложники будутъ немедленно разстрѣляны.

Однако всѣ эти мѣропріятія нисколько не устрашили крестьянъ, рѣшившихъ начать организованную борьбу за свое освобожденіе отъ власти чуждыхъ населенію и назначенныхъ изъ Екатеринодара комиссаровъ.

Съ этой цѣлью въ горахъ собрался нелегальный съѣздъ делегатовъ отъ всѣхъ деревень Сочинскаго округа, который переизбралъ Главный Штабъ крестьянскаго ополченія и поручилъ ему руководить борьбой крестьянъ съ коммунистами.

Сознавая, что немедленное вооруженное выступленіе окончится полнымъ разгромомъ Черноморскаго крестьянства, съѣздъ поручилъ Главному Штабу вступить въ переговоры съ кубанскимъ казачествомъ на предметъ подготовки общаго выступленія противъ большевиковъ въ Сѣверо-Кавказскомъ масштабѣ. Впредь до такого выступленія крестьяне благоразумно рѣшили воздержаться отъ всякихъ легкомысленныхъ авантуръ и неорганизованныхъ вспышекъ.

Я былъ снова избранъ предсѣдателемъ Главнаго Штаба, который на этотъ разъ состоялъ всего изъ пяти членовъ, исключительно крестьянъ Сочинскаго округа.

Чтобы не возбуждать излишняго подозрѣнія большевиковъ, я избралъ своей постоянной резиденціей Гагры, откуда по ночамъ уѣзжалъ въ ближайшія къ Грузинской границѣ селенія Сочинскаго округа, гдѣ и встрѣчался съ представителями районныхъ штабовъ. Находившіеся въ Гаграхъ большевистскіе шпіоны видѣли меня фланирующимъ по парку и доносили «особому отдѣлу» о томъ, что я никакаго участія въ «зеленомъ движеніи» не принимаю.

А въ это время мы дѣятельно подготовлялись къ новой рѣшительной борьбѣ и прежде всего старались завязать сношенія съ нашими ближайшими сосѣдями — казаками Майкопскаго и Баталпашинскаго отдѣловъ, съ которыми намъ было легко сноситься черезъ незанятые большевиками горные перевалы. Несмотря на то, что нашествіе казаковъ совершенно разорило Сочинскихъ крестьянъ, они отнюдь не питали враждебныхъ чувствъ къ кубанскому казачеству, обвиняя въ своемъ разореніи не рядовыхъ казаковъ-станичниковъ, а ихъ бывшихъ руководителей — генераловъ Добровольческой арміи и членовъ Кубанскаго краевого правительства. Казаки въ свою очередь сильно пострадали отъ безумной Черноморской авантюры и проклинали своихъ вождей, вовлекшихъ ихъ въ эту авантюру, а затѣмъ бросившихъ на произволъ судьбы повѣрившихъ имъ людей и благополучно эвакуировавшихся за-границу. Поэтому намъ быстро удалось завязать дружественныя отношенія съ сосѣдними станицами, черезъ которыя мы надѣялись въ послѣдствіи распространить свое вліяніе на большую часть Кубанской области.

Къ сожалѣнію вмѣшательство командированныхъ на Черноморье агентовъ Крымскаго «правителя» и новыя генеральскія авантюры заставили насъ на время пріостановить начатую работу и отразились самымъ печальнымъ образомъ на затѣянномъ нами дѣлѣ освобожденія Кубани и Черноморья отъ власти коммунистовъ.

Первой ласточкой, прилетѣвшей изъ Крыма, явился генералъ Муравьевъ, общавшій новому главнокомандующему — генералу Врангелю — поднять возстаніе Черноморскихъ крестьянъ, которое облегчило-бы производство десантной операціи Крымской арміи на Кубани.

Въ это время произошло стихійное возстаніе поселянъ-старообрядцевъ селенія «Имеретинской бухты» (близъ Адлера), вызванное тѣмъ, что комиссаръ города

Адлера запечатали ихъ молельню. Вооружившись берданками, охотничьими ружьями и кольями, старовѣры внезапно напали на Адлеръ, немногочисленный гарнизонъ котораго побросалъ оружiе и бѣжалъ въ Сочи. Всѣ Адлерскiе комиссары не успѣли бѣжать и были захвачены въ плѣнъ возставшими. Сочинскiе большевики предложили повстанцамъ заключить миръ, обѣщая имъ полную амнистiю, при условiи немедленнаго освобожденiя взятыхъ въ плѣнъ комиссаровъ. Такъ какъ Главный Штабъ отказался поддержать самочинное выступленiе Имеретинскихъ старовѣровъ и предложилъ имъ, во избѣжанiе репрессiй со стороны большевиковъ, немедленно уйти въ горы, старовѣры согласились на условiя, предложенныя большевиками, и освободили Адлерскихъ комиссаровъ. Большевики-же по своему обыкновению не сдержали даннаго обѣщанiя и разстрѣляли трехъ зачинщиковъ Имеретинскаго выступленiя.

Этимъ возстанiемъ рѣшилъ воспользоваться только-что прибывшiй изъ Крыма генералъ Муравьевъ. Совершенно не учитывая настроенiй Черноморскаго крестьянства, онъ проникъ въ нейтральную зону (между совѣтскими и грузинскими войсками) и сталъ проповѣдывать всеобщее выступленiе крестьянъ противъ большевиковъ подъ флагомъ Врангеля.

Крестьяне, относившiеся съ одинаковой ненавистью и къ большевикамъ, и къ «кадетамъ», отказались поддержать Муравьева и заявили ему, что они выступятъ только по приказанiю своего Главнаго Штаба. Но Муравьева не смутила такая неудача, и онъ рѣшилъ дѣйствовать самостоятельно. Разсчитывая, по примѣру Имеретинскихъ старообрядцевъ, съ небольшимъ отрядомъ напасть на Адлеръ и легко справиться съ Адлерскимъ гарнизономъ, онъ надѣялся, что послѣ первой-же удачи крестьяне примкнутъ къ начавшемуся выступленiю и ему удастся занять Сочи, послѣ чего Черноморское побережье будетъ занято десантомъ Крымской армiи.

Муравьевъ собралъ около 30 головорѣзовъ изъ армянской молодежи и крестьянъ селенiя «Веселаго» и атаковалъ одну изъ красноармейскихъ заставъ на берегу Псоу. Красноармейцы отступили, но высланный изъ Адлера баталiонъ быстро ликвидировалъ отрядъ Муравьева, разбѣжавшiйся послѣ первыхъ-же выстрѣловъ со стороны подошедшаго къ большевикамъ подкрѣпленiя.

Результатомъ Муравьевской авантюры явилась кровавая расправа большевиковъ съ крестьянами тѣхъ деревень, въ которыхъ побывалъ самонадѣянный генералъ. Жители этихъ деревень были обвинены въ сношенiяхъ съ Врангелемъ и, такъ какъ чекисты при всемъ своемъ желанiи не могли найти главарей и руководителей нападенiя на красноармейскую заставу, то они выбрали наугадъ 9 крестьянъ, которыхъ тутъ-же и разстрѣляли.

Самъ-же вдохновитель этой авантюры-генералъ Муравьевъ ушелъ въ горы и, появившись въ одномъ изъ горныхъ селенiй, началъ вести среди крестьянъ пропаганду новаго вооруженнаго выступленiя. Но результаты такой пропаганды оказались для генерала весьма печальными: мѣстный районный штабъ крестьянскаго ополченiя арестовалъ Муравьева, отобралъ находившуюся при немъ крупную сумму денегъ и, взявъ съ него обѣщанiе не появляться впредь на территорiи Черноморья, препроводилъ его подъ конвоемъ къ грузинской границѣ.

Какъ выяснилось впоследствии, генералъ Муравьевъ находился въ самой тѣсной связи съ нѣкоторыми изъ членовъ эвакуировавшагося въ Тифлисъ Кубанскаго правительства, возлагавшихъ большiя надежды на авантюру Муравьева.

Когда выяснился полный провалъ этой авантюры, командированный въ Гагры для поддержанiя связи съ Муравьевымъ адъютантъ Кубанскаго министра внутрен-

нихъ дѣлъ Бѣлашева, полковникъ Смѣновъ, обратился ко мнѣ съ просьбой пріѣхать въ Тифлисъ для переговоровъ съ организовавшимся тамъ «Кубанскимъ повстанческимъ комитетомъ».

Разсмотрѣвъ предложеніе Смѣнова, Главный Штабъ постановилъ командировать меня и секретаря штаба Верховскаго въ Тифлисъ для того, чтобы выяснить, изъ кого состоитъ Кубанскій повстанческій комитетъ и кого онъ представляетъ.

Пріѣхавъ въ Тифлисъ, мы отправились въ ресторанъ «Надъ Курой», гдѣ въ отдѣльномъ кабинетѣ должно было состояться первое наше свиданіе съ членами повстанческаго комитета. Здѣсь насъ встрѣтилъ «министръ» Бѣлашевъ, отрекомендовавшійся уполномоченнымъ комитета. Бѣлашевъ заявилъ намъ, что члены Рады и другіе политическіе дѣятели Кубани чрезвычайно удручены происшедшимъ «недоразумѣніемъ» между кубанцами и черноморскимъ крестьянствомъ, которые являются естественными союзниками. Всю вину за происшедшее въ Сочинскомъ округѣ Бѣлашевъ сваливалъ на генерала Шкуро и его штабъ, не желавшихъ исполнять директивъ Кубанскаго правительства. На заданный нами вопросъ, признаетъ ли себя Кубанское правительство отвѣтственнымъ въ ограбленіи Черноморскаго крестьянства и готово ли оно хотя бы частично возмѣстить намъ убытки, причиненные продажей принадлежавшихъ Комитету Освобожденія табаковъ, Бѣлашевъ отвѣтилъ утвердительно, торжественно заявивъ, что Кубанское правительство считаетъ своимъ священнымъ долгомъ при первой возможности возмѣстить Черноморскому крестьянству всѣ причиненные арміей Шкуро убытки.

Дальнѣйшіе переговоры были назначены на квартирѣ Бѣлашева, гдѣ должны были собраться остальные члены повстанческаго комитета.

По исполнѣ понятнымъ причинамъ мы считали, что засѣданія комитета происходятъ въ обстановкѣ полной конспираціи. Велико поэтому было наше удивленіе, когда подходя къ квартирѣ Бѣлашева, помѣщавшейся въ бель-этажѣ небольшого домика на одной изъ улицъ «Веры», мы черезъ открытыя окна услышали громкіе разговоры и споры собравшихся кубанцевъ. Большевики, содержащіе въ Тифлисѣ большое количество шпионовъ, могли не только обнаружить мѣсто, гдѣ происходило это «конспиративное собраніе», но также узнать всѣхъ его участниковъ и стенографически записать всѣ ихъ разговоры.

Мы застали у Бѣлашева почти всѣхъ эвакуировавшихся въ Тифлисъ членовъ Кубанской Рады и правительства. Нисколько не стѣсняясь постороннихъ людей, эти политическіе дѣятели ожесточенно нападали другъ на друга, сводили между собой личные счеты, а нѣкоторые изъ нихъ обвиняли членовъ правительства въ растратѣ войсковыхъ суммъ.

Убѣдившись въ томъ, что настоящее собраніе совершенно не способно заниматься дѣловыми вопросами, мы заявили кубанцамъ, что отказываемся отъ переговоровъ съ «повстанческимъ комитетомъ» до тѣхъ поръ, пока члены этого комитета не столкнутся между собой и не приступятъ къ обсужденію тѣхъ вопросовъ, которые въ настоящій моментъ являются болѣе важными, чѣмъ споры о допущенныхъ ранѣ ошибкахъ.

Черезъ нѣсколько дней мы узнали о томъ, что у кубанцевъ образовалось цѣлыхъ два «повстанческихъ комитета», одинъ изъ которыхъ возглавлялся И. П. Тимошенко, а другой — только-что пріѣхавшимъ изъ Константинополя Ф. К. Воропиновымъ.

Воропиновъ въ ноябрѣ 1919 года, послѣ казни Калабухова, былъ арестованъ Деникинымъ и въ числѣ другихъ наиболѣе «опасныхъ» членовъ Рады — высланъ въ Константинополь, гдѣ и находился подъ надзоромъ англійской полиціи. Познакомившись съ этимъ до крайности слабохарактернымъ и нерѣшительнымъ политическимъ дѣятелемъ, я недоумѣвалъ, чѣмъ была вызвана его высылка изъ Екатеринодара, такъ какъ, по моему, онъ былъ абсолютно не способенъ не только къ активной, но даже и къ пассивной оппозиціи какой-бы то ни было власти.

Насъ интересовалъ также вопросъ о томъ, насколько популярны среди оставшихся на Кубани казаковъ имена этихъ засѣдавшихъ въ Тифлисѣ членовъ повстанческихъ комитетовъ. Съ этой цѣлью мы написали Главному Штабу, прося его немедленно послать въ станицы Майкопскаго отдѣла развѣдчиковъ, поручивъ имъ разспросить станичниковъ. Черезъ нѣкоторое время Главный Штабъ увѣдомилъ насъ о томъ, что казаки относятся крайне недоверчиво къ большинству изъ пребывающихъ въ Тифлисѣ членовъ Рады, которыхъ они считаютъ предателями и шкурниками.

Послѣ этого мы рѣшили прекратить всякіе разговоры съ Тифлисскими «повстанцами» и вернуться на Черноморье.

Это было тѣмъ болѣе необходимо, что въ Майкопскомъ, Баталпашинскомъ и Лабинскомъ отдѣлахъ вспыхнули въ это время серьезныя возстанія казаковъ, которыя могли окончиться всеобщимъ возстаніемъ населенія Сѣвернаго Кавказа противъ совѣтской власти.

Тимошенко заявилъ мнѣ, что онъ также поѣдетъ на Черноморье съ цѣлью пробраться въ Баталпашинскій отдѣлъ, въ которомъ возставшіе подъ начальствомъ генерала Фостикова казаки одерживаютъ головокружительные успѣхи надъ красноармейскими частями.

— Не далеко тотъ часъ, говорилъ Тимошенко, когда Фостиковъ освободитъ всю Кубань. Поэтому мнѣ, какъ председателю Рады, слѣдуетъ находиться при Фостиковѣ, дабы немедленно по занятіи Екатеринодара созвать Краевую Раду и возстановить власть Кубанскаго Правительства.

Члены обонхъ «повстанческихъ» комитетовъ ходили съ гордо поднятыми головами, какъ будто успѣхи Фостикова были вызваны исключительно дѣятельностью Тифлисскихъ «повстанцевъ».

До самыхъ Гагръ Тимошенко рассказывалъ мнѣ объ успѣхахъ Фостикова и расхваливалъ этого генерала, который, по его словамъ, былъ убѣжденнымъ демократомъ и являлся противникомъ генеральской диктатуры Врангеля.

Въ Гаграхъ меня встрѣтилъ одинъ изъ членовъ Главнаго Штаба, сообщившій мнѣ, что разбитые большевиками подъ Невинномысской отряды генерала Фостикова отступаютъ въ горы и пытаются выйти на Черноморское побережье.

Это извѣстіе чрезвычайно встревожило меня, такъ какъ предвѣщало новую гибельную для Черноморья авантюру.

Я сказалъ Тимошенко о полученномъ мною извѣстіи, но онъ ему не повѣрилъ.

— Я только что разговаривалъ съ прибывшимъ въ Гагры офицеромъ изъ штаба Фостикова, который сообщилъ мнѣ о новыхъ побѣдахъ, одержанныхъ нашими станичниками, сказалъ онъ мнѣ.

На слѣдующій день рано утромъ я выѣхалъ въ одно изъ селеній нейтральной зоны и получилъ подробное донесеніе о пораженіи Фостикова. Одержавъ

нѣсколько побѣдъ надъ большевиками и занявши почти весь Баталпашинскій и часть Лабинскаго отдѣловъ, Фостиковъ совершилъ нѣсколько крупныхъ политическихъ и военныхъ ошибокъ, результатомъ которыхъ явилось полное пораженіе его 15-ти тысячной арміи, потерявшей всю артиллерию, большую часть пулеметовъ и обозы. Разгромленная совѣтскими войсками армія Фостикова отступила въ горы и, преслѣдуемая по пятамъ большевиками, перевалила черезъ Краснополянскій перевалъ и спустилась въ Сочинскій округъ.

Я сообщилъ объ этомъ Тимошенко, прося его немедленно пріѣхать въ нейтральную зону.

Между тѣмъ передовыя части Фостикова стали уже подходить къ Адлеру, вступивъ въ бой съ расположенными въ районѣ этого города красноармейскими полками. Также, какъ и при нашествіи арміи Шкуро, вслѣдъ за авангардомъ тянулся огромный обозъ бѣженцевъ, снова явившихся къ намъ на Черноморье со всѣмъ своимъ скарбомъ, но безъ продовольствія и фуража.

Я попросилъ примчавшагося изъ Гагръ Тимошенко тотчасъ-же отправиться въ штабъ Фостикова и уговорить его или немедленно интернировать въ Грузію, или-же вернуться обратно въ Баталпашинскій отдѣлъ, гдѣ онъ имѣлъ гораздо больше шансовъ выдержать натискъ большевиковъ, чѣмъ въ совершенно раззоренномъ Сочинскомъ округѣ, въ которомъ его армія обречена на вѣрную гибель.

Тимошенко въ сопровожденіи двухъ проводниковъ поѣхалъ въ деревню, въ которой, по имѣвшимся у насъ свѣдѣніямъ, находился штабъ Фостикова.

Къ вечеру онъ вернулся обратно усталый, но чрезвычайно довольный своей поѣздкой.

— Мнѣ не удалось повидаться съ генераломъ Фостиковымъ, но я говорилъ съ его начальникомъ штаба, который рассказалъ мнѣ блестящій планъ, задуманный Фостиковымъ. Дѣло въ томъ, что занятіе Сочинскаго округа является одной изъ деталей этого плана. У Фостикова нѣтъ ни артиллеріи, ни патроновъ, безъ которыхъ, какъ вы сами понимаете, воевать невозможно. Поэтому онъ рѣшилъ занять Адлеръ и нѣсколько другихъ прибрежныхъ пунктовъ, гдѣ будетъ держаться до тѣхъ поръ, пока не получитъ изъ Крыма достаточнаго количества патроновъ и нѣсколько орудій, за которыми сегодня-же отправится кто нибудь изъ его штабныхъ офицеровъ. Получивши пушки и патроны, Фостиковъ немедленно же уйдетъ черезъ горы на Кубань, разгромить занявшую вновь Баталпашинскій отдѣлъ красную армію и черезъ какой-нибудь мѣсяць дойдетъ до Екатеринодара.

— Весь этотъ планъ является сплошнымъ абсурдомъ, отвѣтилъ я Тимошенко. Для того, чтобы попасть въ Крымъ, офицеру Фостикова надо прежде всего добратся до Батума. При удачѣ — онъ доѣдетъ до Батума черезъ три дня, откуда еще четыре дня пути до Севастополя. Пока онъ доберется до штаба Врангеля и вернется изъ Крыма, пройдетъ не менѣе 10—12 дней. Безъ патроновъ и безъ продовольствія Фостиковъ никогда не продержится столько времени на побережьѣ и или будетъ окончательно разгромленъ большевиками, которые успѣютъ подтянуть изъ Сочи и Туапсе значительныя силы, или армія его, обезсилѣвъ отъ голода, сама сдастся большевикамъ. Эта новая авантюра окончится также печально и для нашихъ крестьянъ, и для вашихъ казаковъ, какъ задуманная вами весенняя авантюра!

— Увѣряю васъ, что планъ Фостикова будетъ блестяще выполненъ. Изъ Батума его офицеръ снесетъ по радіо съ Севастополемъ, откуда будутъ немедленно высланы суда съ продовольствіемъ, пушками и патронами, которыя

подойдутъ къ Адлеру не позднѣе, чѣмъ черезъ пять-шесть дней. Но намъ необходимо сейчасъ сговориться съ вашими крестьянами, чтобы получить отъ нихъ хоть немного продовольствія и патроновъ.

— Врядъ-ли наши крестьяне согласятся на такую комбинацію. Вѣдь большевики узнаютъ объ оказанной ими помощи Фостикову и жестоко расправятся за это съ населеніемъ. Ваши казаки такъ или иначе уйдутъ съ побережья, а крестьянамъ придется отдуваться за нихъ своими боками.

— Если крестьяне согласятся поддержать насъ, мы оставимъ на побережьѣ сильный отрядъ и будемъ защищать васъ отъ большевиковъ.

— Нѣтъ, пожалуйста, не защищайте насъ, мы уже видѣли весной, какую защиту представляютъ собой деморализованные пораженіями и голодомъ казаки!

— Но войска Фостикова совершенно не деморализованы и, когда придетъ помощь изъ Крыма, они съ новыми силами начнутъ бить большевиковъ.

— Почему вы полагаете, что Врангель тотчасъ-же согласится прислать вамъ артиллерию и патроны?

— Да вѣдь движеніе Фостикова облегчитъ его десантную операцію на Тамани!

— Я не понимаю все-таки, какъ это вы надѣетесь на помощь Врангеля, съ которымъ ваше правительство порвало всякія отношенія? Врангель согласится помочь вамъ только въ томъ случаѣ, если вы признаете его власть!

— Видите-ли, замаялся Тимошенко, наше правительство дѣйствительно не признаетъ Врангеля, но нашъ атаманъ принужденъ былъ заключить съ нимъ соглашеніе, такъ какъ въ Крыму находится большая часть Кубанской арміи. Конечно это соглашеніе насъ ни къ чему не обязываетъ и, какъ только мы будемъ въ Екатеринодарѣ, мы тотчасъ-же окончателно порвемъ съ Врангелемъ, но въ данное время, благодаря этому соглашенію, мы получимъ отъ Врангеля и пушки и патроны и продовольствіе!

Изъ этого разговора я понялъ, что кубанцы снова успѣли перемѣнить ориентацію и ведутъ двойную игру, выжидая, чѣмъ окончится десантная операція Врангеля на Таманскомъ полуостровѣ.

На слѣдующій день армія Фостикова заняла Адлеръ, причемъ ей удалось захватить нѣсколько тысячъ патроновъ. Эти патроны давали Фостикову возможность продержаться еще день — два и то лишь въ томъ случаѣ, если большевики не перейдутъ сами въ наступленіе.

Въ этотъ-же день въ селеніи Веселомъ состоялось совѣщаніе представителей ближайшихъ районныхъ штабовъ.

Я передалъ имъ просьбу Тимошенко о поддержкѣ Фостикова, но, какъ я и предполагалъ, крестьяне отнеслись къ ней отрицательно.

— Мы видѣли казаковъ Фостикова, сказалъ одинъ изъ нихъ, они драться съ большевиками не будутъ. Мы не можемъ связываться съ ними! Пусть лучше возвращаются обратно къ себѣ на Кубань. И имъ тамъ будетъ лучше, и намъ покойнѣе . . .

Другіе участники совѣщанія опасались, что Фостиковъ является назначеннымъ Врангелемъ губернаторомъ Черноморья.

— Если онъ получитъ изъ Крыма пушки и патроны, то сначала выгонитъ съ Черноморья большевиковъ, а потомъ примется за насъ. Намъ все едино, кто будетъ насъ жать — большевики, или «кадеты». Кто изъ нихъ лучше, а кто хуже — самъ чортъ не разберетъ. Такъ чего-же намъ путаться въ это дѣло?

Въ концѣ концовъ, было рѣшено не принимать никакого участія въ этой новой авантурѣ, которая, по нашему мнѣнію, была заранѣе обречена на полную неудачу.

Такъ оно и случилось. Продержавшись нѣсколько дней на побережьѣ и дойдя до Хосты, казаки оказались не въ состояніи выдержать натиска подошедшихъ изъ Туапсе частей красной арміи и были вскорѣ приперты къ Грузинской границѣ. Въ этотъ моментъ къ Веселому подошелъ изъ Крыма пароходъ, на которомъ, вмѣсто пушекъ и патроновъ, пріѣхалъ генералъ Шатиловъ, присланный Врангелемъ для ознакомленія съ создавшейся на побережьѣ обстановкой. Пріѣздъ Шатилова нисколько не поддержалъ казаковъ, которые перешли границу Грузіи и были обезоружены грузинами. Еще черезъ нѣсколько дней подошедшія къ Гаграмъ военныя суда Врангеля инсценировали обстрѣлъ грузинскихъ войскъ, погрузили интернировавшихся въ Гаграхъ казаковъ Фостикова и перевезли ихъ въ Крымъ.

Этимъ окончилась новая авантюра кубанцевъ, за которую снова пришлось расплачиваться крестьянамъ Сочинскаго округа: большевики, обозленные тѣмъ, что Фостикову удалось сравнительно благополучно ускользнуть изъ ихъ рукъ, выместили свою неудачу на населеніи деревень Адлерскаго района. На деревни были наложена контрибуція, а нѣсколько заподозрѣнныхъ въ сочувствіи казакамъ крестьянъ были разстрѣляны по приговору «особаго отдѣла».

З а к л ю ч е н і е

Вскорѣ послѣ ликвидаціи Фостиковской авантюры и послѣ неудачи Таманской операціи Врангеля, большевики энергично принялись за укрѣпленіе своего могущества на Сѣверномъ Кавказѣ.

Съ этой цѣлью они прежде всего усилили терроръ по отношенію ко всякимъ «контръ-революціонерамъ» и обратили свое особенное вниманіе на «зеленыхъ».

Хотя наши крестьяне не принимали никакого участія въ Фостиковской авантурѣ и не только не сочувствовали, но относились съ опредѣленной враждебностью къ Врангелю, большевики тѣмъ не менѣе рѣшили воспользоваться благоприятнымъ случаемъ для сведенія счетовъ съ непокорными «зелеными».

Нѣсколько человекъ сочинскихъ крестьянъ были арестованы по обвиненію въ сочувствіи Врангелю и отправлены въ Екатеринодарскую и Майкопскую тюрьмы. Содержавшіеся съ іюня мѣсяца въ Екатеринодарской Чека крестьяне, въ томъ числѣ Рощенко и Блохнинъ, которымъ черноморское крестьянство было обязано своимъ освобожденіемъ отъ карательныхъ отрядовъ Добровольческой арміи, были разстрѣляны, при чемъ имена ихъ фигурировали въ спискѣ «враговъ крестьянъ и рабочихъ».

Наступила осень. Большая часть крестьянъ изъ прибрежныхъ селеній, въ которыхъ особенно свирѣпствовали агенты особыхъ отдѣловъ, армейской и другихъ чрезвычайекъ, покинули свои дома и окончательно переселились въ горы. Здѣсь они чувствовали себя въ большей безопасности, такъ какъ большевики избѣгали появляться въ горахъ, гдѣ имъ за каждымъ кустомъ и за каждымъ камнемъ чудились «зеленые».

Вскорѣ въ горахъ выпалъ снѣгъ, совершенно отрѣзавшій черноморскихъ зеленыхъ отъ всего остального міра.

Въ виду наступившаго затишья, состоявшійся въ октябрѣ делегатскій крестьянскій съѣздъ командировалъ меня и двухъ другихъ представителей черноморскаго крестьянства за границу, снабдивъ насъ соотвѣтствующими полномочіями и давъ намъ нѣсколько серьезныхъ порученій.

Происшедшее, вскорѣ послѣ моего отъѣзда, нападеніе большевиковъ на Грузію и занятіе ими грузинскихъ портовъ лишили меня возможности вернуться обратно на Черноморье.

Съ тѣхъ поръ, странствуя по Европѣ, я оказался оторваннымъ отъ тѣхъ людей, съ которыми впродолженіе трехъ лѣтъ дѣлилъ горе и радости.

Оглядываясь теперь, черезъ два года, на то далекое и милое, оставшееся тамъ, на берегахъ Чернаго моря и въ изумрудныхъ горахъ Сочинскаго округа, я съ глубокимъ волненіемъ вспоминаю все то, что мнѣ пришлось пережить въ этомъ чудномъ краю, среди честныхъ, мужественныхъ, простыхъ и дорогихъ моему сердцу поселянъ Черноморья.

Тамъ, гдѣ крестьяне впервые осуществили свои завѣтныя мечты — добились своего собственнаго крестьянскаго самоуправленія, временно отнятаго у нихъ нынѣшними властителями Россіи, идея такого крестьянскаго самоуправленія пустила черезчуръ глубокіе корни, и никакія гоненія и насилія не вырвутъ этихъ корней изъ сознанія черноморскаго крестьянства.

Быть можетъ крестьянская власть, и особенно руководители этой власти, совершили за время своего недолговременнаго управленія Черноморьемъ не мало ошибокъ. Но отвѣтственность за эти ошибки падаетъ не на тѣхъ крестьянъ, которые довѣрили намъ бразды правленія, а на насъ, которые не смогли или не сумѣли въ точности выполнить данныя намъ указанія, а вѣрнѣе — не сумѣли разгадать истинныхъ чаяній и стремленій нашихъ довѣрителей.
